

ПЯТЬ СТОЛЕТИЙ ЮГРЫ

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Коллективная монография

Часть II

Издательство
Нижевартовского государственного
гуманитарного университета
2012

ББК 63.3(253.3-6Хан)

П 99

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного гуманитарного университета

Авторы:

Л.В.Алексеева (разд. 2, гл. 3—4; разд. 4, гл. 1),
М.Н.Глумная (разд. 3, гл. 3), *В.Я.Девятков* (разд. 4, гл. 4),
Е.Ю.Девятова (разд. 4, гл. 5), *Н.М.Игнатова* (разд. 3, гл. 4),
Ю.Ю.Кравченко (разд. 4, гл. 3), *Е.А.Маркина* (разд. 4, гл. 2),
Н.А.Михалев (разд. 3, гл. 1), *В.В.Мошкин* (разд. 2, гл. 2),
Н.С.Салимова (разд. 2, гл. 1), *Я.Г.Солодкин* (разд. 1, гл. 1—2),
О.П.Цысь (разд. 1, гл. 3), *П.А.Яроцкий* (разд. 3, гл. 2)

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора *Л.В.Алексеевой*

Рецензент:

кандидат исторических наук, доцент,
зав. кафедрой теории и истории государства и права
Нижевартовского экономико-правового института
Н.Н.Симачкова

П 99 **Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы:** Коллективная монография. Ч. II / Под общ. ред. проф. Л.В.Алексеевой. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитар. ун-та, 2012. — 253 с.

ISBN 978–5–89988–931–8

В монографии рассматривается широкий спектр проблем политической, экономической и социокультурной истории Ханты-Мансийского национального (автономного) округа и других северных территорий.

Книга предназначена для студентов-историков, аспирантов, специалистов, а также всех, кто интересуется историей Югры и северных районов России. Монография может быть использована при подготовке лекционных курсов и для выполнения обобщающих работ по истории Сибири.

ББК 63.3(253.3-6Хан)

ISBN 978–5–89988–931–8

© Издательство НГГУ, 2012

Раздел 1

**ЮГОРСКАЯ ЗЕМЛЯ
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА**

Глава 1

«ЕРМАКОВЫ КАЗАКИ» И ПЕРВЫЕ РУССКИЕ СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ В ЮГОРСКОЙ ЗЕМЛЕ (К СПОРАМ О НАЧАЛЕ РОССИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Насколько известно, русские появились в Обь-Иртышском междуречье уже во время экспедиции Ермака, затем — в пору зауральского похода воеводы И.А.Мансурова. Вскоре государевы служилые люди вновь оказались на северо-западе Сибири — на кануне и в период основания Березова и Сургута, сразу же ставших центрами уездов в «далечайшей вотчине» московских самодержцев.

В Кунгурском летописце (далее — КЛ), включенном (скорее всего уже после редактирования) С.У.Ремезовым в «Историю Сибирскую» (далее — ИС), повествуется о походе соратника Ермака есаула Богдана Брязги из бывшей ханской столицы Кашлыка до устья Иртыша 5 марта — 29 мая 1583 г. Вопреки мнению ряда историков¹, эта датировка не отличается точностью².

С точки зрения В.И.Сергеева, Брязга являлся не выборным есаулом (в подчинении которого, как и других, было 300 казаков), а назначенным, как наиболее близкий к Ермаку³. Но Брязга называется в КЛ не только есаулом, как и в Погодинском летописце (далее — ПЛ), но и пятидесятником, причем вслед за Иваном Грозой и перед четырьмя выборными есаулами⁴, возможно, потому, что занимал особое место в окружении предводителя экспедиции. Недаром именно Брязге, а не одному из атаманов, под началом каждого из которых, кроме Ивана Кольца, состояло по сотне казаков, было поручено, согласно КЛ, возглавить поход в низовья Иртыша.

Предполагается, что этот поход, во время которого ермаковцы заняли все кодские городки и овладели Назымским городком, был совершен как минимум годом раньше экспедиции Никиты Пана (в ее ходе погибшего)⁵, датирующейся весной 1583 г.⁶ Впрочем,

по мнению А.Т.Шашкова, именно этот атаман, скорее всего являвшийся выходцем из восточных земель Речи Посполитой, а отнюдь не Брязга, и возглавлял поход до Белогорья.

Представление, что в 1583 г. завоевание княжеств манси, хантов и татарских улусов проводилось «под непосредственным наблюдением московского правительства»⁷, — несомненный домысел, в то время Иван IV и его окружение могли только узнать о «Сибирском взятии» и принять решение о подготовке экспедиции за Урал отряда служилых людей.

С точки зрения А.Т.Шашкова, один из «демянских» князей — Бояр — «шертовал» Ермаку⁸. Предпочтительнее мнение С.В.Бахрушина и Е.П.Мартыновой, что Бояр выразил покорность казакам⁹. Ведь, как рассказывается в Есиповской летописи, «демянский» князь явился к Ермаку на четвертый день после вступления «русского полка» в город Сибирь, накануне оставленный Кучумом. В ИС в данной связи говорится о ясаке. По свидетельству «слогателя» КЛ, недавние подданные Самара после гибели этого князя «с родом его» шертовали Брязге с уплатой ясака¹⁰. Однако шерть и уплата «поминков» — вовсе не одно и то же¹¹. Поэтому утверждать, будто «в результате похода дружины Ермака хантыйское и мансийское население левобережной части Нижнего Приобья было окончательно закреплено за Россией»¹², и в ходе этой экспедиции «таежные угорские племена признали власть московских государей и стали платить им дань»¹³, не приходится. КЛ позволяет лишь заключить, что «большой» кодский князь Алач признал власть русского царя¹⁴, от имени которого в Югре могли выступать «ермаковы казаки» (и то на первых порах, по мнению ряда исследователей, не исключено, что знаменитый атаман считал себя беком Сибири, сменившим поверженного, хотя и не сложившего оружия, «султана»). КЛ, который зачастую рассматривается как памятник казачьего летописания, да и ИС, не дают достаточных оснований для признания Алача¹⁵ верным подданным Москвы и даже ее главным наместником в Приобье. Более того, оказывается, этот кодский князь, «славный» «во всех городех», после гибели Ермака забрал панцирь «ратоборного» атамана, отданный «в приклад Белогорскому шайтану»¹⁶.

В 1585 г. за Урал выступил отряд И.А.Мансурова. Последний, как и С.Д.Болховский, в представлении В.И.Сергеева, по существу

двинулся «в помощь Ермаку»¹⁷. Но ко времени, когда 700 казаков и стрельцов Мансурова (по данным ПЛ) отправились в Сибирь, в Москве, очевидно, уже было известно о гибели (в ночь с 5 на 6 августа 1584 г.) предводителя экспедиции, открывшей новую страницу в истории Северной Азии.

В оценке С.В.Бахрушина Мансуров основал первый русский город в Сибири¹⁸. Оценка Мансуровского (Обского) городка как острога представляется более оправданной. Заметим, что его закладка приурочивается (иногда в одном и том же издании¹⁹) и к 1585, и к февралю следующего года²⁰. Верной должна считаться первая из этих дат, вторая же относится к раннему сохранившемуся известию об Обском городке. Полагать, что он сыграл «значительную роль в судьбе князя Самара и его резиденции»²¹, однако, не стоит, ибо Самаровский городок, сведения о котором запечатлел КЛ, очевидно, прекратил существовать в пору, когда в устье Иртыша очутились казаки Ермака.

В жалованной грамоте Федора Ивановича Строгановым от 20 апреля 1591 г. упоминается об опале, постигшей знаменитых прикамских солепромышленников в 1585/86 г. Б.Н.Морозов, опубликовавший этот документ, связывает ее с внутривосточной борьбой начала нового царствования²². Однако Строгановы, насколько известно, не сыграли в противостоянии того времени в придворных кругах сколько-нибудь заметной роли. Поскольку к 1585/86 г. относится сибирская экспедиция Мансурова, более вероятно другое объяснение: немилость, пережитая крупнейшими промышленниками Пермского края, — следствие того, что они не оказали должной помощи русскому отряду, отправленному, как думали в Москве, на помощь рати С.Д.Болховского и И.В.Глухова. Не исключено также, что Строгановы после гибели Ермака и возвращения из Сибири малочисленной казачьей «дружины» решили самостоятельно прибрать к рукам завоеванные ею земли, продвигнув свои владения далеко на восток, что, разумеется, вызвало недовольство столичных властей.

Формировавшийся из годовальщиков гарнизон русской крепости, воздвигнутой на Оби «против иртишского устья», почти тотчас приступил к объясачиванию населения соседних земель. Полагать вслед за В.И.Сергеевым, что Мансуровский городок до 1594 г., когда он был по наказу Федора Ивановича сожжен,

а местные служилые люди приняли участие в сооружении Сургута, где и остались²³, использовался «как охранный таможенный застава»²⁴, не приходится. Да и сам известный сибиревед писал о сборе ясака в Югорской земле И.Мансуровым, вследствие чего «обдорский и казымский князьки» отправились в Москву, где добились подтверждения своих вассальных прав²⁵.

В.И.Сергеев пришел к выводу, что на первых порах московское правительство «недооценивало силу и значение ударов Ермака и возможностей колонизации в Сибири», и ее присоединение начинается только с 1593 г.: с этого времени русские власти перестали довольствоваться вассальной зависимостью местных «князьков», строится Березов, Кондинское княжество с помощью Игичея Алачева и его двоюродного брата Онжи Юрьева становится частью Пелымского уезда, Югорская земля, которой прежде ведал чердынский воевода, переходит «в подчинение тобольских воевод, в состав организующегося Тобольского разряда»²⁶. Последний, однако, был создан в 1599 г., т.е. вскоре после воцарения Бориса Годунова. Около же 1592 г. кодские остяки (которым уплату ясака заменили обязанностью нести военную службу) совершили поход вверх по Оби, что привело к переходу в русское подданство сургутского князя Бардака и нижненарымского князя Кичея, разгрому верхненарымского князя Вони, сын которого Урунк был пленен и доставлен в Тобольск²⁷. Очевидно, В.И.Сергеев заблуждался о «поставлении» еще в 1586 и 1587 гг. Тюмени и Тобольска, в функции воевод и письменных голов которых входил отнюдь не только контроль за поступлением ясака с волостей, состоявших «под высокой рукой» «святоцаря» Федора. Возникновение первого русского города на северо-западе Сибири — Березова — в 1593 г. (Сургут, напомним, появился год спустя) едва ли можно объяснить тем, что ранее не преследовалась цель включения «Закаменской страны» в состав Московского государства. Скорее это результат стремления правительства Бориса Годунова избежать военно-политических осложнений в Югорской земле, особенно в условиях, когда Кучум, его сыновья и союзники (к примеру, Воня) еще продолжали надеяться на восстановление «татарского юрта» с центром в Кашлыке.

Примечания

¹ См., напр.: Сергеев В.И. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // Вопросы истории. 1959. № 1. С. 129; Анкушева К.А. Бардак // Большая Тюменская энциклопедия. Т. 1. Тюмень, 2004. С. 200, 201; Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 136—137, 141, 166—168.

² См.: Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Ч. 4. Нижневартовск, 2009. С. 8—11; Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения. Нижневартовск, 2010. С. 80—81.

³ Сергеев В.И. К вопросу о походе ... С. 125.

⁴ Памятники литературы Древней Руси: XVII век (далее — ПЛДР). Кн. 2. М., 1989. С. 577, 578.

⁵ Со времен князя Самара ... С. 135. Ср.: С. 130.

⁶ Шашков А.Т. Средневековые югорские городки: сведения письменных источников и задачи археологического изучения // Северный археологический конгресс: Докл. Ханты-Мансийск, 2002. С. 248, 249, и др. Кстати, кодыские и назымские городки во времена Ермака принадлежали не Игичею (ПЛДР. Кн. 2. С. 702, 704), а его отцу Алачу.

⁷ Сергеев В.И. К вопросу о походе ... С. 129. Историк следует датировке С.У.Ремезова (последний, точнее, писал про 1582/83 г.), который однажды приурочивал эти события и к 1580/81 г. См.: ПЛДР. Кн. 2. С. 561, 568.

⁸ Шашков А.Т. Княжеские династии обских угров в XV—XVII вв. // Северный регион: экономика и социокультурная динамика: Сб. тез. к Всерос. науч. конф. Сургут, 2000. С. 9; Он же. Югорские князья в XV—XVIII вв. // Северный регион: наука, образование, культура. 2001. № 1 (3). С. 176.

⁹ Бахрушин С.В. Восстание в Западной Сибири в 1662—1665 гг. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX веков: Сб. ст. и мат.-лов. Брянск, 1999. С. 245; Мартынова Е.П. Татарско-угорские политические связи в XIV—XVII вв. // Тюркские народы: Мат.-лы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002. С. 295.

¹⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 36. М., 1987. С. 56. Ср.: С. 122, 132, 361; ПЛДР. Кн. 2. С. 559, 580.

¹¹ См., напр.: Описание Сибирского Царства: Соч. Г.Ф.Миллером. Кн. 1. М., 1998. С. 328; Модоров Н.С. Освоение Южной Сибири Русским государством в начале XVII века // Вопросы археологии и истории Сибири: Памяти профессора А.П.Уманского. Барнаул, 2008. С. 63, 64.

¹² Миненко Н.А. Русское население Нижнего Приобья в XVIII — первой половине XIX в. (источники, динамика, размещение и сословный состав) // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 247; Она же. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 33. По убеждению исследовательницы, это произошло в 1582 г. Тогда, однако, ермаковцы лишь появились в Сибирском ханстве и заняли его столицу.

¹³ Худяков Ю.С. Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII веке // История, экономика и культура средневековых тюрко-тагарских государств Западной Сибири: Мат-лы Междунар. конф. Курган, 2011. С. 105.

¹⁴ Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 10. Верным вассалом и союзником Москвы проявил себя Игичей Алачев (Бахрушин С.В. Восстание в Западной Сибири ... С. 251, и др.).

¹⁵ Так думает Н.А.Балюк. См.: Балюк Н.А. Крепость святого сына // Сибирский исторический журнал. 2004. № 1. С. 33; Со времен князя Самара ... С. 103.

¹⁶ ПЛДР. Кн. 2. С. 564. С.У.Ремезову, на взгляд С.В.Бахрушина, Алач казался влиятельным союзником Кучума (Бахрушин С.В. Науч. тр. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 114).

¹⁷ Сергеев В.И. К вопросу о походе ... С. 130.

¹⁸ Бахрушин С.В. Науч. тр. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 145. Ранее выдающийся историк писал, что этот город был построен на месте укрепленного лагеря зимовавшего там Мансурова (Он же. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. Пг., 1922. С. 32).

¹⁹ См.: Сибирь: Атлас Азиатской России. Новосибирск; М., 2007. С. 352, 353.

²⁰ По мысли Д.Я.Резуна и Р.С.Васильевского, подготовивших «Летопись сибирских городов» (Новосибирск, 1989. С. 18), Мансуровский городок возник в 1586 г.

²¹ Балюк Н.А. Крепость ... С. 34. Допущение, что эта резиденция представляла собой поселение городского типа (Со времен князя Самара ... С. 167—168) — явная натяжка.

²² Морозов Б.Н. Жалованная грамота Строгановым 1591 года // Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2000. С. 191.

²³ Мнение, что Обский городок просуществовал до 1597 г. (Епифанов П.П. К истории освоения Сибири и Дальнего Востока в XVII веке // История СССР. 1981. № 4. С. 80), неверно.

²⁴ Сергеев В.И. К вопросу о походе ... С. 130.

²⁵ Сергеев В.И. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н.Тихомирова. М., 1967. С. 175. См. также: Шашков А.Т. К истории Обского (Мансуровского) городка // Великий подвиг народа: Вторые военно-исторические чтения, посвященные 55-летию Победы в Великой Отечественной войне: Тез. докл. Екатеринбург, 2001. С. 173; Солодкин Я.Г. Первые государевы воеводы в Сибири // Военно-исторический журнал. 2011. № 11. С. 50. Из царской грамоты от 5 января 1606 г. известно, что «сылвенские и иренские остяки», жившие в верховьях Туры, вносили ясак (собиравшийся пермичами) еще при Иване IV (Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 2. М., 2000. С. 223—224), надо думать, еще до гибели Ермака.

²⁶ Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 115; Он же. Правительственная политика ... С. 176—179; Он же. Источники и пути

исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 22. Кстати, возобновление русского градостроительства в Сибири в 1593 г. Д.Я.Резун и Р.С.Васильевский объясняли тем, что тогда закончилась русско-шведская война (Резун Д., Васильевский Р. Летопись ... С. 20). Связь указанных событий, однако, далеко не столь однозначна, как представлялось новосибирским ученым. Последняя в XVI в. война между Россией и Швецией окончательно завершилась Тявзинским миром 1595 г., так и не ратифицированным московским правительством. Возглавленный князем П.И.Горчаковым и Н.В.Траханиотовым поход, в результате которого появились Пелым и Березов, готовился по меньшей мере с поздней осени 1592 г., да и отряды, находившиеся в распоряжении этих воевод, не превышали нескольких сот служилых людей, так что отправка этих сил за «Камень» не могла сколько-нибудь ощутимо сказаться на решении внешнеполитических задач России на северо-западе страны.

²⁷ Пашков А.Т. К истории Обского (Мансуровского) городка. С. 174. См. также: Он же. Первые зауральские города и остроги // Югра. 1997. № 8. С. 19, 21; Вершинин Е.В. Об обстоятельствах покорения селькупской Пегой орды // Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 312, 313, и др.

Глава 2

АДМИНИСТРАТОРЫ БЕРЕЗОВА И СУРГУТА В СМУТНОЕ ВРЕМЯ

В годы «разорения русского», как определил В.Н.Татищев лихолетье, пережитое нашей страной в начале XVII в., Березовым и Сургутом управляли воеводы и письменные головы, для многих из которых пребывание на сибирской «украине» стало немаловажной вехой административной, да и военной карьеры.

В 1605—1608 гг. московских государей в крепости, расположенной близ устья Северной Сосьвы, представляли воевода князь П.А.Черкасский и письменный голова И.И.Зубов¹.

П.А.Черкасский упоминается в документах с 1588/89 г., когда его собирались отправить в Новгород, очевидно, для участия в походе против шведов. Четыре года спустя князь значится среди воевод «у Спаса на Неве», т.е. в местности, которая была ареной боевых действий в ходе завершившейся вскоре русско-шведской войны, потом фигурирует в перечне «дворян больших» «с Москвы» — членов Земского собора, избравшего в 1598 г. Бориса Годунова на царство². В поход против Лжедмитрия I П.А.Черкасский снарядил шесть всадников, что может свидетельствовать о размерах его земельных владений. В пору сибирской службы, которую считать ссылкой³ нет оснований, знатный князь являлся уже дворянином московским⁴.

И.И.Зубов принадлежал к кругу видных смоленских дворян. По возвращении из Сибири, в конце ноября 1608 г., он приехал в Тушино (где его пожаловали в думные дворяне), откуда направился в Смоленск привести город к присяге на имя Лжедмитрия II, однако был арестован. Если верить Новому летописцу, в 1618 г. И.Зубов посылался королевичем Владиславом к Москве «для того, чтобы прельстить» ее жителей, но польского эмиссара опять схватили и сослали⁵.

Версия Книги записной — старшей редакции Сибирского летописного свода — о том, что И.И.Зубова «прислали» из Москвы «с конскими ратными людьми», когда иноземцы осадили Березов, «и (русские. — Я.С.) город очистили, и изменников повесили

30 человек»⁶, противоречит ранним документальным известиям о пребывании этого дворянина в Березове⁷.

В течение 1608—1611 гг. «начальными людьми» «Березова города» являлись Степан Иванов Меньшого сын Волынский (родной брат второго тюменского воеводы почти того же времени) и письменный голова Юрий Яковлев сын Стромилев.

Первый из них в документах 1606/07—1615/16 гг. числится стольником, а в 1627 г. уже дворянином московским. Вотчинник Луховского уезда, С.И.Волынский в начале царствования Михаила Федоровича воеводствовал в Болхове, который не дал захватить «лисовчикам», в ранге посланника побывал в Англии, затем принимал участие в обороне Москвы от войск королевича Владислава, нес «береговую» службу «на Туле» в ожидании нападения татар; в 1620/21 г. служил на Тереке, а по возвращении в столицу давал в Казанском приказе показания о прежней «шатости» остяков и «самояди» в Березовском и Сургутском уездах, почему, между прочим, замену постоянных гарнизонов в городах этого края годовальщиками власти посчитали несвоевременной⁸.

Ю.Я.Стромилев с 1588/89 до (по крайней мере) 1610/11 гг. являлся выборным дворянином по Юрьеву Польскому, в качестве дворцового ключника упоминается в перечне участников Земского собора 1598 г., был приставом у датских и иранских послов. В 1618 г., будучи дворянином московским, Ю.Я.Стромилев участвовал в защите Москвы. Он известен как вотчинник Владимирского и Угличского уездов⁹.

В 1611—1613 гг. во главе администрации Березова (где он воеводствовал еще в 1601—1602 гг.) находился князь И.М.Манка Барятинский — вначале жилец, затем выборный по Суздалью, наконец, дворянин московский¹⁰. Любопытно, что в 1611 г., видимо, будучи в Березове, И.М.Барятинский добивался у вождей земского ополчения («подмосковных полков») Д.Т.Трубецкого и И.М.Заруцкого возвращения бывшей вотчины в Юрьевецком уезде — сельца Палашкино и деревни Середниковой, которой с 1602 г. владел владимирский Рождественский монастырь, но тщетно¹¹.

Вероятно, в помощь И.М.Барятинскому в октябре 1612 г. предводители ополченцев князь Д.Т.Трубецкой и Д.М.Пожарский решили направить в Березов С.И.Шестакова-Чемоданова (Шестаков — вторая, реже используемая в литературе фамилия), ранее

воеводствовавшего в Соли Вычегодской¹². Жилец в 1588/89 г., С.И.Чемоданов в следующем году участвовал в «ругодивском» походе «святоцаря» Федора; позднее являлся выборным суздальским дворянином с высшим окладом (600 четвертей), участвовал в заседаниях «избирательного» Земского собора 1598 г.¹³ Весной 1605 г. из-под Кром, когда правительственная армия перешла на сторону Лжедмитрия I, С.И.Чемоданов бежал к Москве; от царя Василия получил в вотчину костромские и нижегородские земли, очевидно, за столичное «осадное сиденье» 1608—1610 гг. С.И.Чемоданов (умерший в 1630 г.) принадлежал к «сильным людям» времени Михаила Федоровича, был тогда близок ко двору¹⁴.

Березовское «сиденье», таким образом, может считаться пиком административной карьеры П.А.Черкасского и И.И.Зубова, а стольнику С.И.Волынскому (впоследствии, как и его сослуживцу Ю.Я.Стромилову, сделавшемуся дворянином московским) приобретенный в одном из первых городов Северо-Западной Сибири опыт управленческой деятельности позволил затем выполнять аналогичные функции в европейской части страны.

«Сургуцким городом» в «смутные лета» поначалу ведали воевода князь И.Ф.Жировой-Засекин и письменный голова Г.И.Тушин¹⁵.

Принадлежавший к корпорации ярославских князей, И.Ф.Жировой-Засекин в 1583/84—1584/85 гг. нес службу на «берегу» в ожидании нападений крымских татар, в 1588/89 г. посылался в Новгород, очевидно, в поход против Швеции. Год спустя князь, будучи дворянином «в ясаулах», участвовал в таком походе. В 1590/91—1599/1600 гг. И.Ф.Жировой-Засекин воеводствовал в Михайлове, Рязани, Пронске, Крапивне, Ельце, Ливнах, в Серпуховском походе нового царя Бориса был головой в государевом полку¹⁶. В течение 1603—1604 гг. князь был одним из воевод выдвинутого против крымских татар сторожевого полка, размещавшегося в Орле, Новосили, Мценске и Брянске, а в 1605 г. управлял Переяславлем-Залесским. В боярском списке 1606/07 г. И.Ф.Жировой-Засекин назван среди дворян московских¹⁷. Представление, будто он и Г.И.Тушин находились в Сургуте в качестве ссыльных¹⁸, — несомненный домысел. В мае 1610 г. И.Ф.Жировой-Засекин получил жалованную грамоту на вотчину в Рязанском уезде за участие в обороне Москвы от войск Лжедмитрия II¹⁹.

Г.И.Тушин числится в ряде документов, начиная с 1588/89 г., как выборный по Ржеве Владимировой с окладом 500 четвертей²⁰.

Согласно наказу от 16 февраля 1608 г. Сургутом стали управлять воеводы Ф.В.Волынский Щепин (одновременно его брат Василий занял пост первого томского воеводы) и И.В.Благой (Благово)²¹.

Ф.В.Волынский в 1598/99 г. являлся стряпчим, в 1604—1613 гг. — стольником. Вскоре после вторжения отрядов Лжедмитрия I в южнорусские уезды будущий сургутский воевода, снарядивший в поход против Самозванца одного всадника, посылался за служилыми людьми в Рязьск. Ф.В.Волынский участвовал в осаде Калуги, занятой болотниковцами, по предположению П.Г.Любомирова, сражался с поляками и «литвой» в рядах нижегородского ополчения, видимо, был членом Земского собора 1613 г., после чего отправлен на воеводство в Коломну, затем (будучи отныне дворянином московским с окладами 135 руб. и 1100 четвертей) возглавил гарнизон Новгорода-Северского²². В 1617 г., когда войска королевича Владислава вторглись в Россию, Ф.В.Волынский защищал Можайск, за что был награжден вотчиной в Нижегородском уезде, в 1620-х гг. видный дворянин был воеводой в Самаре, Вязьме, Архангельске. В 1632—1634 гг., т.е. во время Смоленской войны, Ф.В.Волынский командовал гарнизоном Дорогобужа, в 1641 г. (уже в чине окольного) руководил комиссией дьяков и подьячих, осуществивших правительственную ревизию Троице-Сергиева монастыря, и верстал новиков — детей боярских и некрещеных татар²³.

После отъезда Ф.В.Волынского Щепина (не ранее мая 1612 г.) до прибытия в город «вверх Оби» Е.Ф.Корсакова и И.Ф.Зубатова (март 1614 г.) Сургутом в одиночку ведал И.В.Благой (Благово)²⁴.

Позднее в Поместном приказе И.Благой давал показания о службе на «Низу» М.Соловцова²⁵. Это позволяет предположить, что до «посылки» в Сургут Иван Владимиров сын находился в Среднем Поволжье. Не исключено, впрочем, что речь идет о «тезке» сургутского воеводы: сохранились данные о пожаловании Сигизмундом III в пору междуцарствия И.Благого²⁶.

По возвращении из Сибири И.В.Благой — дворянин московский, рязанский вотчинник — участвовал в обороне Белой и Москвы от польско-литовских войск. Во второй половине 1620-х гг. бывший сургутский воевода находился в сторожевом полку на

южной окраине страны в ожидании татарского набега и управлял Вязьмой вместе с А.И.Головиным²⁷.

Таким образом, столичный дворянин князь И.Ф.Жировой-Засекин попал на воеводство в Сургут после того, как управлял многими городами на юге Московского государства, а для И.В.Благого и особенно его сослуживца стольника Ф.В.Волынского (вошедшего в конце жизни даже в состав Боярской думы) «сиденье» в городе, заложенном при впадении Бардаковки в «великую» Обь, предшествовало занятию престижных военных и административных должностей на «Руси» (сведениями о дальнейшей судьбе выборного дворянина Г.И.Тушина мы не располагаем).

Примечания

¹ См.: Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 151; Обдорский край и Мангазея в XVII веке: Сб. док. Екатеринбург, 2004. С. 160—162, 180.

² Мордовина С.П. К истории Утвержденной грамоты 1598 г. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 141; Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. (далее — БС). Ч. 1. М., 1979. С. 125; Воскобойникова Н.П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI — нач. XVII в. М., 1994. С. 158.

³ См.: Ульяновский В.И. Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Киев, 1993. С. 93. Примеч.; Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича. М., 2005. С. 61.

⁴ См.: БС. Ч. 1. С. 255; Ч. 2. М., 1979. С. 91.

⁵ См.: Мальцев В.П. «Ключ государства Московского» // Исторические записки (далее — ИЗ). Кн. 8. М., 1940. С. 79—81; Он же. Борьба за Смоленск (XVI—XVII вв.). Смоленск, 1940. С. 9, 169—173; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 14. М., 1965. С. 141; Тюменцев И.О. Смута в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 456, 535, 592.

⁶ ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 143.

⁷ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 2. М., 2000. С. 230, 234—236. Здесь нет и намека на волнения местных инородцев.

⁸ См.: Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. 1. СПб., 1853. Стлб. 682—686; Акты Московского государства (далее — АМГ). Т. 1. СПб., 1890. С. 140; Разрядная книга 1550—1636 г. (далее — РК). Т. 2. Вып. 2. М., 1976. С. 281, 328; БС. Ч. 1. С. 252; Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 68; Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. Новосибирск, 1994. С. 184; Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. Ч. 1. М., 2003. С. 182, 198, 201, 202, 291—295 и др.; Осадный список 1618 г. М.; Варшава, 2009. С. 38, 127, 231 (Памятники истории Восточной Европы: Источники XV—XVII вв. Т. 8), и др.

⁹ См.: Акты, собранные и изданные Археографическою экспедициею имп. Академии наук. Т. 2. СПб., 1836. С. 45. Ср.: С. 52; Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства. Вып. 2. М., 1908. С. 98; РК. Т. 2. Вып. 1. М., 1976. С. 195, 207; Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. (по русским архивам). М., 1976. С. 211, 215; БС. Ч. 1. С. 151, 217, 287, 318; Осадный список ... С. 41, 183, 346, 531. Ю.Я.Стромилов приходился зятем И.Ю.Нелединскому, в 1608—1613 гг., кстати, воеводствовал в Мангазее.

¹⁰ См.: Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992. С. 74; Солодкин Я.Г. О начальном этапе сибирской ссылки // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Вып. 1. Нижневартовск, 1998. С. 19; Он же. Воеводы и головы Березова с первых лет его существования // Там же. Вып. 4. Тюмень, 2001. С. 12—13, и др. Заметим, что И.Д.Шабалина вслед за А.П.Барсуковым утверждает, будто С.И.Волынский и Ю.Я.Стромилов управляли Березовым до 1614 г. См.: Шабалина И.Д. Березов в подлинных рисунках и документах // Меншиковские чтения: 2009. Березово, 2010. С. 79.

¹¹ Кистерев С.Н. Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI — начала XVII века // Русский дипломатарий (далее — РД). Вып. 6. М., 2000. С. 146—147.

¹² См.: Долинин Н.П. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков, 1958. С. 59.

¹³ Мордовина С.П. Характер дворянского представительства на земском соборе 1598 года // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 61; БС. Ч. 1. С. 112, 186, 197. Известно, что в царствование Федора Ивановича подмосковные владения С.И.Чемоданова и его брата Ивана были «отписаны» «на государя» (Писцовые книги XVI века. СПб., 1872. Отд. I. С. 77). Тем не менее, в 1597/98 г. С.И.Чемоданов дал богатый вклад в Троице-Сергиев монастырь (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 125—126).

¹⁴ См.: Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 9. СПб., 1884. Стлб. 523; Т. 13. 2-е изд. СПб., 1909. Стлб. 42; Гурлянд И. Приказ сыскных дел // Сб. ст. по истории права, посвященный М.Ф.Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями. Киев, 1904. С. 91, 95; Бенешевич В. Чемоданов, Семен Иванович // Русский биографический словарь. Т. 23. СПб., 1905. С. 145; Осадный список ... С. 39, 498; Рос. гос. архив древних актов. Ф. 181. № 86. Л. 4 об.

¹⁵ В составленном Е.В.Вершининым перечне сургутских администраторов конца XVI—XVII вв. Г.И.Тушин не значится (Вершинин Е.В. Воеводское управление ... С. 166), хотя упомянут в нескольких документах. См.: Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) / Сост. Н.Н.Оглоблин. Ч. 4. М., 1901. С. 128; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 242; Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М., 1999. С. 423.

¹⁶ См.: Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 416, 438, 439, 441, 461, 464, 480, 482, 483, 490, 496, 499, 523, 528—529; БС. Ч. 1. С. 123; Глазьев В.Н. Структура власти в городах-крепостях «на Поле» в конце XVI века // ИЗ: Науч. тр. ист. фак-та. Вып. 2. Воронеж, 1997. С. 7, 10; Он же. Власть и общество на юге России в XVII веке: Противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.

С. 61, и др. В Сургуте И.Ф.Жировой-Засекин сменил Ф.В.Головина, который возвращением ко двору, вероятно, в 1605 г., обязан Лжедмитрию I (Эскин Ю.М., Граля И. «Новины Московские». Два донесения пограничных старост эпохи Бориса Годунова // *Florilegium*: К 60-летию Б.Н.Флори. М., 2000. С. 475. Примеч. 31).

¹⁷ См.: РК. Т. 2. Вып. 1. С. 143, 154, 157, 164, 179, 199, 201, 209, 216; БС. Ч. 1. С. 255; Разрядная книга 1475—1605. Т. 4. Ч. 1. М., 1994. С. 55, 60, 65, 67, 81, 100.

¹⁸ Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты ... С. 61.

¹⁹ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 2. М., 1998. С. 153—154.

²⁰ См.: БС. Ч. 1. С. 138, 202, 282, 310, 334.

²¹ Обзорение ... Ч. 4. С. 128, 144. Об их воеводстве см., напр.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 421, 423, 428—431; Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.) / Собр. и ред. А.М.Гневушев. М., 1914. С. 363—374; Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996. С. 38—41. Мнение о «посылке» Ф.В.Волынского на сургутское воеводство в опале при царе Борисе (Павлов А.П. Государев двор ... С. 133. Примеч. 44) ошибочно.

²² См.: Дворцовые разряды (далее — ДР). Т. 1. СПб., 1850. Стлб. 1189; Сторожев В. Материалы ... Вып. 2. С. 79; Любомиров П.Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Переизд. М., 1939. С. 260, 277; РК. Т. 2. Вып. 2. С. 281, 288—289; БС. Ч. 1. С. 181, 249; Ч. 2. С. 30; Разрядная книга 1475—1605. Т. 4. Ч. 1. С. 80.

²³ См.: ДР. Т. 1. Стлб. 565—566. Примеч. 2; Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А.Попов. М., 1869. С. 363, 369, 374; АМГ. Т. 1. С. 495, 497, 523, 524, 606; ПСРЛ. Т. 14. С. 144, 145; РК. Т. 2. Вып. 2. С. 302, 328, 330, 336, 339, 375; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. Л., 1986. С. 193, 194; Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI—XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М., 2004. С. 31, 36, 39, 71—72; Осадный список ... С. 43, 127, 231.

²⁴ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 432; Т. 2. С. 262, 264, 265; Акты времени междоусобия (17 июля 1610 — 1613 г.) / Под ред. С.К.Богоявленского и И.С.Рябинина. М., 1915. С. 50, 61; Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 116. В последней книге Ф.В.Волынский неточно именуется Михайловичем.

Свидетельство о том, что Ф.В.Волынский и И.В.Благой управляли Сургутом в 1613/14 г. (ДР. Т. 1. Стлб. 154), неточно.

²⁵ Антонов А.В. К начальной истории нижегородского ополчения // РД. Вып. 6. С. 231.

²⁶ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 4. СПб., 1851. С. 338, 341.

²⁷ См.: Книги разрядные, по официальным оных спискам. Т. 1. СПб., 1853. Стлб. 387, 524; АМГ. Т. 1. С. 292; РИБ. Т. 28. М., 1912. Стлб. 799—800; РК. Т. 2. Вып. 2. С. 343, 349; ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 265, 266; БК. С. 87; Осадный список ... С. 37, 118, 216. Местнический спор И.В.Благого с князем И.Ф.Шаховским остался «невершенным» (РК. Т. 2. Вып. 2. С. 346, 347. Примеч. ш).

Глава 3

ИСТОРИЯ СУРГУТСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ В 1867—1898 гг.

История миссионерства в Сургутском крае до настоящего времени не становилась предметом самостоятельного исследования. Разрозненные публикации на эту тему носят обзорный характер¹. В то же время имеющийся в настоящее время в нашем распоряжении корпус опубликованных источников, снабженных квалифицированными научными комментариями, материалы периодических изданий, региональных и федеральных архивов позволяют осветить значительный круг вопросов, связанных с одной из интересных страниц прошлого православия на территории среднего Приобья².

В XIX в. в Tobольской и Сибирской епархии действовало три православных миссии, получавшие содержание от казны и находившиеся в непосредственном подчинении Tobольской духовной консистории: 1. Кондинская, возникшая в 1844 г. при Кондинском Троицком монастыре; 2. Обдорская, после длительного перерыва возобновившая свою деятельность с 1854 г. Несколько лет спустя возникает третья — Сургутская миссия³.

В 1865 г. преосвященный Варлаам II (Успенский) побывал с инспекционной поездкой на Tobольском Севере. В его путевых дневниках отмечалась необходимость «быть другому (т.е. второму. — *О.Ц.*) священнику» в г.Сургуте; описывалось сложное положение местного населения и сельского духовенства края: в Селияровском приходе «многие деревни... иногда целый год не посещаются священником», «инородцы во всех деревнях мало сообщаются святых тайн», гражданские чиновники отучают их «от Христовой церкви с воспрещением, якобы брать и покупать даже свечи при церквях»⁴ и т.д. Вероятно, результаты этой поездки убедили епископа оказать содействие оживлению пастырской работы.

10 марта 1867 г. по представлению архиепископа Варлаама II Св. Синод принял указ «об усилении миссионерских действий в Березовском крае и об усилении состава причта Сургутской

церкви»⁵. Последовавшие распоряжения епархиальных властей привели к учреждению самостоятельной миссии, расширению состава миссионеров за счет новых вакансий и увеличению казенных расходов на оплату труда православных проповедников⁶. Сургутская миссия формируется из состава причта городской Троицкой церкви, с назначением к ней дополнительно второго священника — помощника настоятеля, и третьего причетника⁷.

Территория, на которую миссия распространяла свою деятельность, занимала более 220 тыс. кв. верст. На этой обширной площади проживало лишь около полутора тысяч русских, сосредоточенных преимущественно в г.Сургуте, несколько тысяч ханты (остяков) и ненцев (самоедов), которые вели полукочевой или кочевой образ жизни; находилось 5 сельских храмов, располагавшихся на расстоянии от 60 до 730 верст от Сургута. Общая же численность населения края, по данным Центрального статистического комитета, составляла в 1868 г. 7191 человек (из них 1061 человек — жители г.Сургута, 2892 человек — «бродячие инородцы»)⁸. Оседлое и полuosедлое население было сосредоточено в 130 населенных пунктах, в 115 из которых было менее 50 жителей⁹. Лишь 8 селений находились на тракте, соединявшем окружной центр с Самарово (ныне — Ханты-Мансийск). Остальные располагались по берегам Оби и ее многочисленных притоков вдали от проезжих дорог.

В состав миссии входило от 4 до 6 человек. Возглавить ее организацию поручили местному благочинному — Василию Александровичу Кайдалову, отдавшему уже не один год службе на севере¹⁰. Новое назначение сохраняло за ним должности настоятеля городского храма и законоучителя в казачьей школе и женском училище¹¹.

Обязанности настоятеля исполняли в различные периоды священники В.А.Кайдалов (1867—1872 гг.), Александр Крылов (до октября 1872 г.), Алексей Силин (декабрь 1872 г. — 1876 г.), Виктор Калугин (1877 г. — август 1884 г.), Стефан Тверитин (август 1884 г. — 1896 г.).

Помощниками настоятеля («младшими миссионерами») являлись священники Александр Крылов (с 1867 г.), Македон Тверитин (с 1872 г. до кон. 1870-х гг.), Стефан Тверитин (с 1879 г. до августа 1884 г.), Алексей Кайдалов (с августа 1884 г. до марта

1886 г.), Владимир Чегаскин (с мая 1890 г. до сер. 1894 г.), Павел Ликвентов (с 1894 г.).

Сотрудниками миссии становились дьякон Евгений Тверитин (1868 г. — 1871 г.), дьякон на вакансии псаломщика Гордий Вергунов (с июня 1872 г.), псаломщики Иоанн Покровский (не позднее 1868 г. до 1882 г.), Арсений Вергунов (с 1882 г. до лета 1886 г.), Василий Лаврентьев (с лета 1886 г. до августа 1888 г.), Иоанн Сарментов (1888—1889 гг.), Николай Дмитриев (с сер. 1891 г. до 1892 г.), Флегонт Попов (с 1889 г.), пономарь Николай Силин (1868 г. — 1870-е гг.).

Миссии помогали переводчики с остяцкого и самоедского языков: отставной казак Яков Клепиков и остяк Николай Семенович Епаркин. Последний в качестве толмача был приглашен священником В.Кайдаловым принять участие в христианизации самоедов в юртах Ермаковых в ноябре 1868 г.¹² Известно, что настоятель миссии св. С.Тверитин, пономарь Н.Силин не нуждались в переводчике, поскольку сами хорошо знали остяцкий язык.

Стараниями епархиальной власти был «исходатайствован» усиленный оклад на содержание духовенства Обдорской миссии и причта Сургутской церкви¹³. По указу Св. Синода от 10 марта 1867 г. жалование вновь назначенных миссионеров Тобольского Севера возросло почти в два раза¹⁴. Новый оклад формировался из двух частей: годового и дополнительного. Старшему священнику (благочинному и настоятелю) выплачивалось жалованье, ассигнуемое из сумм государственного казначейства «по примеру прежних лет» в 180 руб. и добавочная сумма в 170 руб. из хозяйственного управления Св. Синода. Размер оплаты второго священника (помощника настоятеля) состоял из годового оклада в 350 руб., отчисляемого хозяйственным управлением Св. Синода. Вознаграждение причетников формировалось из двух частей: прежнего оклада и дополнительного от Св. Синода. Соответственно, первый причетник получал 175 руб. (70 руб. основного и 105 руб. дополнительного окладов); второй — также 175 руб. (из прежнего оклада 60 руб., из дополнительного 115 руб.). Жалование третьего причетника (пономаря) состояло лишь из дополнительных 175 руб. Со всех получаемых сумм предусматривался вычет 2% в пенсионную кассу¹⁵. Не имели стабильного содержания переводчики миссии. Они, как правило, нанимались за определенную плату

по индивидуальной договоренности. Так, известно, что толмач Н.С.Епаркин просил за свой труд вознаграждение 10 руб. В счет «рядной платы» ему выдали 4 пуда муки¹⁶.

В целом средства на содержание причта Сургутской миссии в 1868 г. составили 892 руб. 23 $\frac{3}{4}$ коп.¹⁷, затраты на содержание Обдорской миссии — 1363 руб. 96 коп.¹⁸

12 марта 1872 г. был открыт Тобольский епархиальный комитет Русского Православного миссионерского общества (далее — РПМО), который в соответствии с параграфом 7 устава должен был, во-первых, «доставлять материальные пособия на содержание миссионеров, на устройство и содержание миссионерских церквей, школ, больниц и т.п., а также на издание книг, приспособленных к разумению и духовным потребностям инородцев»; во-вторых, содействовать миссионерам в деле обращения иноверцев и утверждения их в православной вере; в-третьих, заботиться о распространении сведений о миссиях и миссионерских нуждах, привлекать в свои ряды как можно больше сочувствующих миссионерскому делу¹⁹. Св. Синод передал в распоряжение миссионерского общества ежегодный доход, поступающий от церковного кружечного сбора «на распространение православия между язычниками в империи» с капиталом, сформировавшимся за несколько предшествующих лет²⁰. Вместе с деньгами попечению Совета общества передавались все учреждения миссионерского характера. Содержание миссий поглощало значительные средства, поэтому деньги РПМО собирало по всей стране через многочисленные епархиальные отделения.

В бюджете Тобольского комитета РПМО долгое время основную роль играли пожертвования и членские взносы, а позднее — поступления из-за пределов епархии. Совет РПМО установил полугодовую сумму на содержание миссий Тобольской епархии в размере 1428 руб. В 1872 г. деньги на Обдорскую и Сургутскую миссии, согласно распоряжению хозяйственного управления при Св. Синоде, изыскиваются во Владимирской епархии. В 1873 г. только на содержание личного состава Сургутской миссии РПМО отчисляло, в добавление к ассигнуемым из государственного казначейства, 1896 руб. 70 коп.²¹ Такая практика — сбор средств на миссионерские нужды в епархиях с преобладающим православным

населением и направление их в епархии, населенные иноверцами — продолжала использоваться и в дальнейшем.

Тем не менее, в рапортах миссионеров регулярно встречаются жалобы на отсутствие денег на прогоны, из-за чего они не могли в полной мере исполнять свой пастырский долг²². Поэтому с 1876 г. Тобольский епархиальный комитет РПМО выделяет благочинному «вспомогательные средства» на разъезды и другие нужды Сургутской миссии в размере 100 руб.²³

Таким образом, сотрудники Сургутской и других миссий Тобольского Севера были в целом неплохо материально обеспечены. Однако нельзя сказать, что указанных сумм было вполне достаточно, чтобы компенсировать сложные и многотрудные обязанности, выпадавшие на долю миссионеров. Об их исполнении и тех препятствиях, с которыми приходилось постоянно сталкиваться членам миссии, мы можем судить по ежегодным и полугодовым отчетам и рапортам.

Обязанности миссионеров были определены инструкцией к указу Св. Синода от 10 марта 1867 г., «данной для руководства причту Сургутской церкви»:

1) «исправление нужных треб» среди крещеной паствы, «утверждение их в православном христианском учении»; 2) проповедь Евангелия «прикочевывающим по временам к Сургуту идолопоклонникам»; 3) разъезды по «дальним кочевьям инородцев», проживающих по правую сторону реки Оби, с целью расположить их к принятию христианства; 4) обучение детей грамоте²⁴.

В соответствии с этой инструкцией вскоре разворачиваются несколько основных направлений работы миссии. Первым следует признать «окормление ранее уже принявших христианство инородцев», проживавших на территории Сургутского прихода: исповедь, причащение, отпевание, крещение новорожденных, проповедование Евангелия, разъяснение молитв, христианских праздников, пагубности «ворожбы» и пьянства и др. Указ Св. Синода вменил в обязанность двум сургутским священникам «по очереди объезжать кочевья прихожан и проповедовать»²⁵.

Православная община Сургутской Троицкой церкви насчитывала от 1900 до 2000 человек. Она включала население города, жителей немногочисленных русских поселений, расположенных преимущественно к западу от Сургута, а также «коренных звероловов»

из 17-ти инородческих юрт, отстоявших от церкви на расстоянии 25—150 верст. «Крещеных инородцев» значилось в приходе 500—630 человек²⁶. Ожидать от них осознанного восприятия православного вероучения, регулярных посещений храма не стоило. Да и предыдущий опыт не давал в этом уверенности. Сохранить паству, не дать ей вновь впасть в прежние «суеверия» было возможно только при условии миссионерского служения, регулярных встреч с прихожанами «собственно для того, чтобы на месте жительства окрещенных инородцев наставлять и укреплять их в вере и благочестии»²⁷. Поэтому каждый год в отчетах значатся такие районы миссионерских поездок как Пилюгинское, Тундринское поселения, Заречные, Итыковы, Ермаковские юрты, кочевья Балыкской волости и др. Территорию других приходов благочиния «окормляли» пять приходских священников, формально не являвшихся миссионерами, но по долгу пастырского служения вынужденных также выполнять миссионерские задачи.

Число разъездов членов притча Сургутской Троицкой церкви обычно достигало 2—3, но иногда доходило и до 8—9 в год. Миссионерам приходилось преодолевать в течение нескольких недель сотни верст на оленях, лошадях или лодках. Так, в первом полугодии 1889 г. общая продолжительность трех поездок составила 37 дней²⁸. В 1892 г. С.Тверитин покидал Сургут с миссионерскими целями также три раза: 17 февраля — 1 марта в Балыкскую и Тундринскую волости, 23 мая — 20 июня и 8—24 декабря — по Сургутскому уезду²⁹.

Ради того, чтобы крестить родившегося ребенка, миссионерам иногда нужно было проезжать по 100—150 верст в 30—40-градусный мороз. «В дороге находились более суток, несмотря на то, что делали только один отдых среди болота, чтобы накормить оленей, и в юрту прибыли ночью на 21 число... Я велел приготовить в более чистой половине юрты место, чтобы совершить таинство крещения над 6-месячным младенцем; потом отправили молебен с водоосвящением, после которого я окропил юрту и оленей, для утверждения остяков в вере предложил им учение о едином Боге...», — писал св. А.Силин в отчете за 1872 г.³⁰

Некоторые настоятели весьма скептически оценивали результативность таких поездок. В рапорте за первую половину 1884 г. св. В.Калугин указывал: «При посещении улусов священники

занимались преподаванием инородцам основных истин веры и обучением их общеупотребительным молитвам. Немногие из инородцев во всех приходах знают молитвы Господни и Духу Святому. В общем же инородцами с трудом усваивается услышанное, а с течением времени совершенно изглаживается из памяти, почему приходится заниматься с ними священнику одними и теми же предметами. Причина этого заключается в бродячей жизни инородцев, которых священник видит не более двух раз в год, а иных не видит по несколько лет»³¹.

Второе направление — обращение в православие язычников. К их числу относились преимущественно «кочующие самоеды», приезжавшие в декабре-январе в Сургут на ярмарку или оказывавшиеся в округе во время перекочевок. Миссионерам нужно было специально выбирать место и время встречи, удобное для проповеди христианского вероучения, так как ненцы прибывали в город для продажи пушнины и покупки муки, рыболовных и охотничьих припасов и поэтому не всегда были расположены к общению с миссионерами. По описанию Сургутской ярмарки, сделанному в начале 1880-х гг. политическим ссыльным С.П.Шевцовым, можно понять все те сложности, с которыми приходилось сталкиваться миссионерам: «С наступлением вечера, в сумерки тихо, почти без всякого шума, как бы крадучись, боясь обратить на себя внимание, въезжают в город самоеды отдельными партиями человек по 30 и 40 и заворачивают в дворы заранее назначенных торговцев. Ворота наглухо запираются вслед за ними во избежание прихода кого-нибудь из посторонних, кому не полагается видеть ничего, что происходит тут, и начинается торг, продолжающийся иногда до утра. Перед рассветом самоеды, также партиями и также стараясь сохранить возможную тишину, выбираются из города на место стоянки, находящейся в урмане, верстах в 15—20 от Сургута. На следующий день повторяется та же история, и так в продолжение целого месяца»³².

В документах иногда отмечалось, что «самоедов в городе почти не было» из-за эпидемий, отъезда на ярмарку в Обдорск и др. причинам. Например, в отчете за 1886 г. указывалось, что «надежды священника Тверитина (на проповедь христианства среди приезжих ненцев) не сбылись... так как все они в это время были в Обдорске на выборе нового своего князя, вместо таково же,

недавно умершего»³³. Поэтому число обращений в христианство могло сильно колебаться от года в год. Исключение составил 1868 г., когда во многом благодаря случайному стечению обстоятельств, умению и энергии священника Василия Кайдалова было крещено в течение нескольких дней 311 человек. Во время одной из первых своих поездок он столкнулся с большой группой кочующих ненцев с р.Казым. Воздействуя прежде всего на старейшин, он сумел добиться согласия на крещение практически всех. Примечательно, что одновременное обращение в православие столь большого количества язычников вызвало определенные сомнения со стороны епархиального начальства: не было ли принуждения или угроз по отношению к коренным жителям, соблюдались ли положенные обрядовые действия? После длительного разбирательства В.Кайдалов был полностью «очищен от подозрений», а крещение признано состоявшимся.

Следует отметить, что за полтора столетия, со времен массового крещения жителей Тобольского Севера схимонахом Феодором (митрополитом Филофеем Лещинским) в начале XVIII в., радикально изменилось отношение к допустимым методам воздействия на язычников при обращении их в христианскую веру. Прямое или косвенное давление на коренное население, считавшееся вполне возможным во времена святителя Филофея, теперь начисто отвергается. Только убеждение, тщательное изучение важнейших догматов православия считались достаточными основаниями для того, чтобы приступить к таинству крещения. Случай с обращением в христианство 311 ненцев был признан исключительным. Для оправдания и объяснения действий св. В.Кайдалова преосвященным Варлаамом II в качестве аналогии приводился пример с принятием христианства на Руси в 988 г.: «Киевляне, окрещенные при Св. Владимире... насколько они были подготовлены к св. крещению. Не они ли в ряду после принятия св. крещения при виде своего идола Перуна, прибываемого волнами к берегу, кричали: “Выдыбай, наш Боже, выдыбай!” Однако крещение их признано церковью действительным. Те же пастыри церкви, которые их крестили, наставили их со временем главным догматам веры и укрепили их в оных, и они таким образом остались навсегда истинными сынами церкви. То же самое, Бог даст, будет и здесь»³⁴.

Каков же был обычный порядок крещения, можно судить по следующему сообщению настоятеля А.Силина: «По предварительном наставлении и испытании их (семьи ненцев из 6 человек) в решительности принять святое крещение в течение 13 суток они были учены кратким молитвам, а также как изображать на себе крестное знамение. После чего над всеми было совершено таинство святого крещения священником Македоном Тверитиным. Затем перед литургией были исповеданы, а за литургией приобщены святых тайн, все они были награждены святыми иконами, и каждому отданы были маленькие медные образа... Это семейство содержалось три дня у священника Крылова, 4 дня у священника Тверитина, 3 дня у дьячка Покровского, 3 дня у дьячка Силина, где и учились молитвам»³⁵.

Всего же за 31 год существования Сургутской миссии было обращено в христианство 482 язычника (см. *Приложение*). Обращает на себя внимание тот факт, что ни в один из годов число крещеных женщин не превышало число мужчин. Как отмечал один из миссионеров, на его проповеди «или вовсе не шли или шли весьма неохотно, особенно женщины, которые упорно отказываются от исполнения сего христианского долга»³⁶. Вероятно, большее количество обращенных в православие мужчин объясняется их относительно регулярными контактами с русскими — купцами, чиновниками, казаками, духовенством. Именно через мужчин происходило общение коренного населения с внешним миром. Женщины у обских угров и самодийцев традиционно вели более замкнутый образ жизни. Принятие же христианства мужем (например, по обету, данному во время болезни) не означало автоматического перехода в православие его жены.

Кроме язычников крестились иногда представители различных конфессий, проживавших в Сургуте — лютеранин (1868 г.), католик (1870 г.), мусульманин (1888 г.), еврей (1891 г.). Однако эти случаи носили единичный характер.

В резолюциях епархиальных архиереев, помещаемых на ежегодных отчетах настоятелей Сургутской миссии, в отчетах Тобольского отдела РПМО деятельность Сургутской миссии, как правило, признается слабой, недостаточно эффективной. «По отношению к христианской вере нынешние остяки по образу их жизни едва ли находятся не в том же состоянии язычества, в каком они

были до времени обращения их в христианскую веру в 1712, 1714 и 1726 годах, — писал в рапорте на имя преосвященного Василия (Левитова) протоиерей Петр Попов, совершивший в 1882 г. ревизию церквей Сургутского и Березовского округов, — Из числа всех таинств христианской церкви они охотно исполняют одно — крещение, к прочим же они относятся без всякого внимания»³⁷.

Существовали как объективные, так и субъективные причины медленных темпов христианизации. К числу первых следует отнести уже упоминавшиеся крайне ограниченные возможности для постоянных контактов проживавших в Сургуте миссионеров с находившимися в перекочевках язычниками. Специфический образ жизни аборигенов и занятость выполнением приходских обязанностей духовенством не давали возможности вести миссионерскую работу систематически. Разовые эпизодические встречи не могли дать нужного эффекта.

На настоятеля миссии возлагались функции благочинного, приходского священника, заведующего церковно-приходской школой и законоучителя. Каждая из них требовала времени и сил. Кроме того, коренное население, проживавшее в непосредственной близости от Сургута, было в основном уже крещено. Поэтому приходилось полагаться лишь на удачу, чтобы «осветить светом истинной веры» души заблудших язычников, волею случая оказавшихся в Сургуте или на пути миссионера во время одной из его поездок по округу.

Необходимо указать и на общие сложные условия, в которых находилось местное духовенство. В деле христианизации «инородцев» миссионеры вряд ли могли опираться на немногочисленное русское население Сургута, для которого остяки и самоеды очень часто служили объектом эксплуатации. Поэтому их просвещение, культурная ассимиляция не были выгодны, т.к. ставили под угрозу сохранение прежних экономических отношений, приносивших несомненную выгоду сургутянам, дававших возможность наживаться за счет неэквивалентной торговли и аренды промысловых угодий.

Среди субъективных причин можно назвать неготовность некоторых членов миссии к выполнению своих обязанностей на должном уровне, слабое знакомство с языком, культурой, менталитетом коренного населения.

Вряд ли позитивно могла повлиять на миссионеров их бытовая неустроенность. Многие члены причта на протяжении долгих лет вынуждены были снимать жилье на собственные деньги. «Например, священник Степан Тверитин... помещается в осьмиаршинной комнате в длину и ширину, или в полусгнившем холодном и ветхом доме вынуждают жить с большим семейством настоятеля церкви и благочинного (В.Калугин. — *О.Ц.*). В подобном доме помещается и убогий дьякон с многочисленным своим семейством (Г.Вергунов. — *О.Ц.*), а где то будет жить псаломщик которого, к счастью его, нет здесь целый год», — отмечалось в путевом журнале протоиерея П.Попова³⁸. С.Тверитин в рапорте за первую половину 1889 г. указывал, что «в течение десяти лет я на наем частных квартир употребил уже из собственных средств до 1500 руб. и в то же время, по причине неудобства квартир, перенес немало всевозможных неудобств и лишений в гигиеническом, семейном и хозяйственно-экономическом отношении»³⁹.

Не вполне удачным, по нашему мнению, являлся принцип равномерного распределения пастырских обязанностей между всеми членами причта, что приводило к размыванию ответственности за порученное дело. Миссионерство выступало в данном случае в качестве своего рода дополнительной «нагрузки» для сургутского духовенства. В начале XX в. в Тобольской епархии перешли к практике назначения освобожденных миссионеров (противораскольнических, противомусульманских и противоязыческих), не связанных с каким-либо конкретным приходом, занятых исключительно миссионерским служением.

Наверное, на настроении настоятелей не могла не сказаться и излишняя подозрительность епархиального начальства к массовым крещениям, явственно обозначившаяся в деле священника В.Кайдалова (разбирательство с допросами, протоколами и очными ставками тянулось без малого два года).

Попытки оживить деятельность северных миссий и изменить ситуацию предпринимаются епархиальным Братством святого вмч. Дмитрия Солунского в конце 1891 г. по инициативе преосвященного Тобольского и Сибирского Иустина (Полянского), вступившего в должность в 1889 г.

По предложению епархиального архиерея вопрос подробно обсуждался также и на заседаниях Тобольского отделения РПМО.

Была разработана новая инструкция для миссионерских учреждений Севера Западной Сибири. Суть нововведений заключалась в следующем:

1) Централизация управления миссионерским делом. Вместо трех независимых друг от друга миссий создается одна — Низовская. Местом пребывания ее начальника объявляется Обдорск. Березовский и Сургутский благочинные теперь считались помощниками начальника — «при объездах своих благочиний... имеют занятия и по делам Миссии; в своих же действиях по Миссии отдают отчеты начальнику ея...»⁴⁰. При этом в состав Низовской миссии оказывались включенными все причты Березовского и Сургутского округов. Их содействием и услугами могли воспользоваться в случае необходимости на безвозмездной основе начальник миссии и его помощники.

2) Перераспределение финансирования в пользу Обдорской миссии. Сургутской же следовало «по малости и незначительности... сократить... содержание». Добавочные средства, выделяемые Тобольским комитетом РПМО настоятелю Сургутской миссии, теперь составляли 300 руб., его помощнику — 100 руб., первому псаломщику — 180 руб., второму псаломщику — 60 руб. в год⁴¹.

3) Совершенствование методики работы. В частности, на местах совершения богослужений и особо посещаемых инородцами предписывалось устраивать если не часовни, то хотя бы деревянные кресты. Особое внимание следовало обратить на учебные заведения края. Наиболее способных мальчиков и девочек нужно было «располагать к учению». Начальник миссии должен был обо всех случаях крещения, времени, месте, способах обращения в христианство подробно записывать в специальной книге.

Однако указанные меры не возымели успеха. Причины оказались те же, что и раньше, а главная из них — отсутствие подготовленных кадров, способных энергично взяться за проповедование Слова Божия, вступив на нелегкий путь апостольского служения. Объединение миссионерского дела получилось чисто номинальным. Новое руководство Низовской миссии оказалось поглощено склоками и раздорами и мало преуспело в своих начинаниях. На положение дел в Сургутском благочинии оно не обращало внимания. Проживавший в Обдорске настоятель С.Милловский оказался человеком излишне мягким, подверженным

эмоциональным порывам и частым сменам настроения. Его энтузиазм вскоре после приезда на Тобольский Север сменился разочарованием, неверием в успех миссии, о чем он сообщал в своих рапортах⁴².

В качестве возможных вариантов решения проблемы предлагалось также удвоить количество священников в приходах. Один из них должен был нести обязанности по приходу, а второй разъезжать по инородческим юртам с миссионерскими целями. Реализация данного плана потребовала бы дополнительных расходов 10 тыс. руб. в год⁴³. Другое предложение заключалось в разделе Тобольского Севера на 6 участков во главе с освобожденными от приходских обязанностей миссионерами⁴⁴. Оба эти предложения не получили поддержки из-за значительных затрат на их реализацию.

В 1894 г. миссионерское отделение Братства св. вмч. Дмитрия Солунского вновь возвращается к вопросу о дальнейшей судьбе Низовской миссии. Делопроизводителем Тобольского комитета РПМО св. И.Сургутсковым (ранее занимавшим должность Березовского благочинного) после анализа ее отчетов было высказано предложение о ликвидации Сургутской миссии: «Что касается язычников, то таковых ежегодно обращается в православие от 3-х до 7 человек. Такой сравнительно ничтожный процент обращающихся язычников объясняется отсутствием последних в районе деятельности Сургутской миссии». И.Сургутсков предлагает закрыть миссию при одновременном увеличении денежного содержания от казны местным причтам⁴⁵. В декабре 1894 г. проект был представлен на рассмотрение нового епископа Тобольского и Сибирского Агафангела (Преображенского). Он был одобрен и в январе 1895 г. направлен в Св. Синод. 12 января 1898 г. от последнего последовало распоряжение о закрытии Сургутской миссии «как не имеющей в своем районе непросвещенных светом веры Христовой язычников», с условием, чтобы Сургутские священники не менее двух раз в год по очереди объезжали округ «для утверждения инородцев в истинах христианской веры»⁴⁶.

Возможно, что на изменение отношения к миссии повлияли смерть в 1896 г. многолетнего ее настоятеля Стефана Тверитина и назначение на должность Сургутского благочинного сравнительно еще молодого священника А.И.Сивиллова. В этом же году, впервые с 1865 г., в Сургутском уезде побывал епархиальный архиерей.

Он отметил, что местные храмы «отличаются убожеством во всем», что прихожанам необходимо заботиться об их благолепии и т.п.⁴⁷ Вероятно, что впечатления от поездки повлияли на судьбу миссии, так же как ранее и на ее открытие после поездки преосвященного Варлаама II.

В это время начинает активно реализовываться курс на организацию в крае самостоятельных приходов, что должно было стать альтернативой эпизодическим и не очень эффективным поездкам миссионеров. Прекращение деятельности миссии объяснялось тем, что все местные жители уже приняли святое крещение и являются христианами. В таком случае окормление верующих должно осуществляться на постоянной основе приходскими священниками. Впоследствии в уезде открывается несколько новых храмов — Тундринский, Покурский, Нижне-Вартовский и др. Одновременно расширяется сеть начальных учебных заведений. В 1898 г. на территории уезда организуются сразу четыре сельские школы, в дополнение к двум созданным ранее.

Не меньшее значение имело и то, что с середины 1890-х гг. главные усилия епархиальные власти обращают на активизацию деятельности Обдорской миссии, которую возглавил энергичный игумен Иринарх (Шемановский). Именно Обдорск был центром притяжения язычников-самоедов. Здесь имелись все возможности для развертывания активной работы по просвещению «инородцев».

Результаты работы Сургутской миссии современниками оценивались очень сдержанно. Известный краевед, исследователь Тобольского Севера А.А.Дунин-Горкавич писал в июне 1905 г.: «Хотя большинство инородцев официально признаны православными христианами, в действительности они только числятся таковыми... Христианство, не проникнув глубоко в сознание инородцев, смешалось с языческими воззрениями, в результате чего явилась смесь христианства и язычества, с преобладанием последнего»⁴⁸. Однако, как нам представляется, достичь большего в тех конкретно-исторических условиях было сложно. По достоинству следует оценить и обращение в православие без малого полутысячи язычников.

Кроме того, несмотря на сравнительно скромные успехи, Сургутская миссия оказала позитивное влияние на развертывание культурно-просветительской работы в крае. Во-первых, духовенство

стало чаще выезжать за пределы приходов, занимаясь проповедованием Слова Божия в отдаленных, ранее редко посещаемых селениях. Во-вторых, благодаря миссии активизируется организация школьного строительства⁴⁹. В-третьих, распространение христианской веры способствовало культурному сближению русских с одной стороны, обских угров и самодийцев — с другой, налаживанию взаимопонимания между коренным и пришлым населением.

Приложение

**Количество язычников, обращенных в православие
членами Сургутской миссии**

Год	1867	1868	1869	1870	1871	1872	1873— 1875	1876	1877— 1879
М.	2	166	2	—	—	3	—	1	—
Ж.	—	157	2	1	—	3	—	1	—
Всего:	2	323	4	1	—	6	—	2	—
Год	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888
М.	?	?	3	7	?	6	8	7	7
Ж.	?	?	1	—	?	6	3	3	4
Всего:	1	3	4	7	11	12	11	10	11
Год	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	Итого:
М.	6	6	7	7	8	?	?	?	246*
Ж.	3	2	6	2	4	?	?	?	198*
Всего:	9	8	13	9	12	14	8	1	482

* данные неполные

Источники: Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 15. С. 181; 1883. № 17. С. 177; 1884. № 21. С. 188; 1885. № 16—17. С. 174; 1886. № 17—18. С. 255; 1887. № 15—16. С. 173; 1888. № 11—12. С. 136; 1889. № 13—14. С. 128; 1890. № 17—18. С. 158; 1891. № 11—12. С. 123; 1892. № 11—12. С. 102; 1894. № 13. С. 178; 1897. № 7. С. 129; Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв.: источники / Сост., авт. предисл. и коммент. В.Я.Темплинг. Тюмень, 2006. С. 114, 123, 190, 234, 263, 280.

Примечания

¹ Сулоцкий А.И. Миссионерства Березовского края — обдорское, кондинское и в особенности сургутское // Сочинения в трех томах. Тюмень, 2000. Т. 2: О сибирском духовенстве. С. 789—801; Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX — начало XX века). Тюмень, 2001. С. 71—72; Софронов В.Ю. Три века сибирского миссионерства: В 3 ч. Тобольск, 2005. Ч. 1. С. 94—99; Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII—XX вв. Екатеринбург; Салехард, 2005. С. 271; Темплинг В.Я. Предисловие // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв.: источники / Сост., авт. предисл. и коммент. В.Я.Темплинг. Тюмень, 2006. С. 16—20.

² Тобольские епархиальные ведомости. 1882—1898; Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв.

³ Всего же на начало 1870-х гг. действовали помимо трех названных следующие миссии: Иркутско-Забайкальская (23 миссионера и 10 священников), Алтайская (12 миссионеров), Камчатская (4 миссионера), Чаунская в Якутской обл., Японская. См.: Календарь на 1875 год: В 2 ч. / Под ред. А.Гатцука. СПб., 1875. Ч. 2. С. 76.

⁴ Цит. по: Церкви Тобольского Севера в середине XIX века (заметки архиепископов Георгия и Варлаама) // Югра. 2009. № 1. С. 65—66.

⁵ Выписка из журнала ТДК о рассмотрении отчета Сургутской миссии за 1867 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 120.

⁶ В этом же году увеличен состав Обдорской миссии, формируется Тазовский стан. В Обдорск доставляется новая походная церковь, освященная во имя Богоявления Господня.

⁷ Выписка из журнала ТДК с рассмотрением рапорта Сургутского причта о распределении дополнительных средств // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 117.

⁸ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. LX. Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868—1869 годов. СПб., 1871. С. 120, 126.

⁹ Там же. С. 129.

¹⁰ Кайдалов В.А. — родился около 1830 г. Сын священника Тобольской губернии. Обучался в Тобольской духовной семинарии. Состоял законоучителем Сургутской казачьей школы с марта 1850 г. К 1869 г. имел награды: набедренник, камилавку, «Севастопольский крест» в память Крымской войны 1853—1856 гг., орден св. Анны 3-й ст. Вдовец. Детей не имел.

¹¹ Сулоцкий А.И. Миссионерства Березовского края — обдорское, кондинское и в особенности сургутское... С. 798.

¹² Показание самоедов Казымской волости по делу о насильственном крещении // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 183.

¹³ Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 353.

¹⁴ Выписка из журнала заседаний ТДК о слушании отношения Св. Синода о средствах на содержание сургутской церкви и жалованье миссионерам // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 164.

¹⁵ Расчет суммы, следующей на содержание с 1869 г. Обдорской духовной миссии и причта сургутской церкви // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 159.

¹⁶ Допрос инородца Н.Епаркина по делу о насильственно крещенных самодах // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 206.

¹⁷ Рапорт причта сургутской Троицкой церкви в ТДК о получении жалования и с просьбой разъяснить порядок распределения его // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 116.

¹⁸ Протокол заседания ТДК о слушании отношения хозяйственного управления при Св. Синоде о препровождении сумм на содержание Обдорской миссии и сургутской церкви за первую половину 1872 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 243.

¹⁹ Местная хроника // Тобольские губернские ведомости. 1872. № 15. С. 89—90.

²⁰ Протокол заседания ТДК о слушании отношения хозяйственного управления при Св. Синоде о препровождении сумм на содержание Обдорской миссии и сургутской церкви за первую половину 1872 г. С. 243.

²¹ Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г.Тобольске» (далее — ГУТО ГА в г.Тобольске). Ф. 156. Оп. 26. Д. 706. Л. 3.

²² См., напр.: Отчет причта Сургутской миссии о работе в 1872 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 266.

²³ Выписка из журнала ТДК о слушании отчета по Сургутской миссии за 1876 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 280.

²⁴ Выписка из журнала ТДК о рассмотрении отчета Сургутской миссии за 1867 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 119.

²⁵ Там же. С. 120.

²⁶ Отчет о деятельности миссий, состоящих в Тобольской епархии, за 1869 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 189.

²⁷ Отчет о деятельности миссий, состоящих в Тобольской епархии, за 1872 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 271.

²⁸ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 61.

²⁹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 1422. Л. 58.

³⁰ Отчет причта Сургутской миссии о работе в 1872 году // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 265.

³¹ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1410. Л. 13.

³² Шевцов С.П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 74.

³³ Отчет Тобольского Епархиального комитета Высочайше утвержденного Православного Миссионерского Общества за 1886 год // Тобольские епархиальные ведомости (далее — ТЕВ). 1887. № 15—16. С. 173.

³⁴ Выписка из журнала ТДК об обстоятельствах дела о насильственном крещении самоедов // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 226.

³⁵ Отчет причта Сургутской миссии о работе в 1872 году ... С. 263.

³⁶ История Обдорской духовной миссии 1854 г. — 1904 г. / Сост. настоятель Обдорской Миссии иеромонах Иринарх. М., 1905. С. 106—107.

³⁷ Рапорт протоиерея П.Попова епископу Василию с предоставлением путевого журнала по ревизии церквей Сургутского и Березовского округов // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 306.

³⁸ Путевой журнал протоиерея П.Попова по обозрению церквей Сургутского и Березовского округов // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 312.

³⁹ ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1523. Л. 60 об.

⁴⁰ Временные изменения в Обдорской и Сургутской миссиях // ТЕВ. 1892. № 3—4. С. 24.

⁴¹ Выписка из журнала Тобольского православно-церковного братства по миссионерскому отделению о слушании предложения епископа Иустина о просвещении инородцев // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. С. 346.

⁴² См.: Полугодичные отчеты отделений Епархиального Братства св. Димитрия Солунского // ТЕВ. 1892. № 11—12. С. 117.

⁴³ Полугодичные отчеты отделений Епархиального Братства св. Димитрия Солунского // ТЕВ. 1892. № 11—12. С. 117.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Журнал общего собрания членов Тобольского епархиального комитета Православного Миссионерского Общества. Мая 10-го дня 1896 года // ТЕВ. 1896. № 13. С. 162.

⁴⁶ Тобольское Епархиальное Православно-Церковное Братство Св. Велико-мученика Димитрия Солунского в 1894/95 г. (5-й год со дня основания) // ТЕВ. 1896. № 8. С. 99.

⁴⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1646. Л. 3—4.

⁴⁸ Дунин-Горкавич А.А. Обзор современного положение и нужд Тобольского Севера. Тобольск, 1905. С. 5.

⁴⁹ Подробнее см.: Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири в XIX — нач. XX вв. Нижневартовск, 2011.

Раздел 2

**ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ ОКРУГ
В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ**

Глава 1

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПРЕДВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Научные труды советских историков по проблемам просвещения, несмотря на тенденциозность в оценке достижений, содержат интересные факты из жизни школ и культпросветучреждений, сведения о приоритетных направлениях и формах просвещения взрослого населения, направлениях государственной политики в области просвещения, поэтому очень ценны для исследователя.

На сегодняшний день в исторической науке имеется достаточное количество работ, посвященных культурным преобразованиям советского правительства в 1930-е гг., в том числе в Сибири и на ее северных окраинах, анализ которых требует выделения отдельных этапов в истории изучения проблемы. Наличие основных сюжетов в исследовании проблемы (таких как школьное строительство, ликвидация неграмотности, подготовка педагогических кадров из числа коренных народов, деятельность культурно-просветительных учреждений) позволили выделить тематические группы в историографическом анализе.

Первый этап в изучении темы длился с 1930 г. до середины 1930-х гг.

Работы тех лет были представлены трудами, главным образом, работников Наркомпроса, руководителей территориальных отделов Народного образования, а также педагогов, ликвидаторов неграмотности и т.д.¹ Они фиксировали свои впечатления, выступали с предложениями и замечаниями. Нельзя не заметить, что работы первого этапа изучения проблемы в основном носили описательный и пропагандистский характер.

С середины 1930-х гг. начался новый этап в изучении темы, продлившийся до середины 1950-х гг. Внимание исследователей

было привлечено в первую очередь к тем процессам культурных преобразований на Севере, результаты которых уже проявились в той или иной мере или являлись актуальными на текущий момент (например, охват детей коренного населения обучением, особенности учебно-воспитательного процесса в национальных школах). Больше внимание в работах историков уделено школьному образованию, что позволило выделить эти труды в отдельную группу.

К первым работам по истории школьного строительства на Севере следует отнести работы А.Г.Базанова, Н.Г.Казанского и Ф.Ф.Кронгауза, представивших интересные сведения о северных школах. А.Г.Базанов и Н.Г.Казанский осветили школьное строительство на Крайнем Севере с 1917 г. до конца 1930-х гг. Ими представлены факты об организации учебного и воспитательного процесса в школах, их материально-техническом оснащении, статистические данные по школьному строительству, наглядные материалы: карты, фотографии учителей и учащихся, школьных зданий².

Стоит подчеркнуть, что Ф.Ф.Кронгауз первым систематизировал материал по истории северной школы и подвел итог просвещения северных народов в советский период³. В своей книге «К истории советской школы на Крайнем Севере» исследователь сообщал о количестве школ и учащихся в Остяко-Вогульском округе, дал описание школ-интернатов и привел сведения о работавших учителях⁴.

Отдельные аспекты обучения и воспитания учащихся школ Крайнего Севера были отражены в сборниках «История и экономика Крайнего Севера. Факультет народов Севера» (Л., 1950), «Школы на Крайнем Севере» (Л., 1939) и др.⁵ В статьях подробно описывалось то, как проходили учебные занятия и внеклассные мероприятия (спортивные игры, театральные постановки), особенности проживания детей в интернатах и проблемы, с которыми столкнулись в них педработники и обслуживающий персонал (языковой барьер, трудности в приобщении детей к европейской пище, в обучении навыкам гигиены).

В 1941 г. появилась работа «Возрожденный народ», приуроченная к десятилетию образования округа, в которой были подведены итоги культурного развития и констатировалось, что народы

Севера преодолели вековую отсталость, вступив в единую семью советских народов⁶.

В следующую группу работ по теме следует отнести публикации, в которых предметом исследования являлась деятельность культурно-просветительных учреждений. К числу таких работ относятся труды М.Е.Бударина⁷. Исследователь изучил состав мероприятий по ликвидации неграмотности, осветил организацию работы школ. Особенностью данной работы является то, что в ней упоминалось о существовании дореволюционных школ, деятельность которых была оценена автором положительно. Массовое строительство школ, по мнению М.Е.Бударина, началось в 1930—1931 гг. и связывалось им с образованием округов, что вполне справедливо. Важную роль в «культурной революции на Обском Севере» историк отводил культбазам, продолжавшим действовать и в послевоенный период, результаты деятельности которых в деле ликвидации неграмотности он оценил положительно. Выводы М.Е.Бударина, как и большинства историков тех лет, определялись принципами и подходами, принятыми в советской историографии, согласно которым культурная революция имела большой успех и завершилась к концу 1930-х гг.

В центре внимания историков того периода находилось освещение ведущей роли Коммунистической партии в проведении культурных преобразований у народов Севера. Однако вопросы обучения и ликвидации неграмотности пришлых народов не стали предметом исследования авторов.

Середину 50-х гг. XX в. принято рассматривать как начало нового этапа в историографии Отечественной истории в целом, и в частности в изучении процессов культурных преобразований на Крайнем Севере. Историки предпринимали попытки выделить этапы социалистического строительства у народов Крайнего Севера, как отмечал В.Л.Соскин, «следуя внутренней логике процесса развития культуры, а не отождествляя их с политическими и экономическими изменениями»⁸, дать анализ деятельности государства и партийных организаций в проведении культурной революции на Севере⁹, выявить особенности в культурной трансформации у народов Севера¹⁰. Расширилась проблематика исследований. Ликвидация неграмотности и введение всеобщего начального обучения рассматривались, безусловно, как составная

часть культурной революции, конечным итогом которой предполагалось принятие всеми гражданами советского государства новой, социалистической идеологии¹¹.

Деятельность культбаз, культурно-просветительных учреждений по ликвидации неграмотности, введение всеобща в Западной Сибири изучали такие сибиреведы как В.А.Зибарев и Л.Е.Киселев¹². Однако внимание Северу Западной Сибири ими уделено весьма незначительное. Так, В.А.Зибарев коснулся вопросов ликвидации неграмотности среди взрослого населения и введения всеобща, работа культбаз им определена как решающая в осуществлении культурных преобразований на Севере¹³. Л.Е.Киселев также отводил культбазам роль культурных и политических центров просвещения народов Севера, описывая наряду с ними деятельность Красных чумов, передвижных школ, мероприятия культпохода¹⁴. Однако автор признавал, что вопросам ликвидации неграмотности и малограмотности в округе уделяли все же недостаточное внимание. Им сделан вывод, что, несмотря на увеличение количества обученных, работа по ликвидации неграмотности к началу войны не завершилась¹⁵.

П.К.Ситников, работавший в 1950-е гг. заведующим районным отделом образования Сургутского района, описал становление национальной школы на материалах Сургутского и Ларьякского районов. Автор пришел к выводу, что основы национальной школы в округе были заложены к началу сороковых годов. Уделив значительное внимание анализу учебно-воспитательного процесса в национальных школах, автор обратил внимание на то, что само содержание образования в школах и особенности преподавания на русском языке приводили к русификации коренного населения. Вместе с тем П.К.Ситников отметил, что национальная школа достигла своей цели — коренные народы Севера создали свою национальную интеллигенцию¹⁶.

Для историографии этого периода, как и предыдущего, характерно наличие работ, освещающих деятельность партийных и государственных органов в распространении просвещения и образования в Сибири, что требует их выделения в отдельную группу. Вопросы социалистического строительства у «малых народов» Севера нашли некоторое отражение в пятитомном издании по истории Сибири¹⁷. Авторы преимущественно сосредоточились на

описании деятельности государства и партийных организаций Сибири по организации ликвидации неграмотности и введению всеобщего, определили уровень грамотности населения Сибири, не беря во внимание состояние грамотности среди малочисленных народов Севера.

Деятельность партийных организаций Тюменской области по решению задач культурной революции освещалась Д.А.Сморозинским, Н.Я.Логуновым, П.И.Рощевским и др.¹⁸ Авторы выделили этапы «социалистического строительства» на Крайнем Севере, подробно описали деятельность коммунистических работников и комсомольцев по ликвидации неграмотности и вовлечению детей аборигенов Севера в школы. Однако сведения о состоянии грамотности среди них в указанной публикации отсутствуют.

Вопрос о подготовке педагогических работников периодически рассматривался советскими историками. Так, Ч.М.Таксами описал подготовку кадров национальной интеллигенции из числа малочисленных народов Севера, трудности ее формирования, а также обучение студентов в Институте народов Севера¹⁹.

В целом, изучение историографии рассматриваемой проблемы показывает, что период с середины 1950-х до начала 1980-х гг. был временем весьма плодотворной работы историков. Специфика исследований заключалась в стремлении историков осветить руководящую роль государства и партии, во всех работах отмечались достижения и преимущества социалистического общества и советской системы образования в сравнении с предыдущим историческим периодом. Таким образом, для работ того времени характерно положительное оценивание культурных преобразований на Севере, преобладание в оценках количественных показателей (результатов обучения и ликвидации неграмотности) над качественными изменениями²⁰, а также замалчивание характера, методов проводимых преобразований и отношения к ним коренных жителей.

Примечания

¹ Талишев И. Год работы в остяцкой школе // Советский Север. 1932. № 5. С. 127; Посьмаров. Больше внимания национальным школам // Ханты-Манчишоп. 1935. 6 сентября; Могилева Н.И. Больше заботы о туземных школах и учителях // Ханты-Манчишоп. 1934. 9 августа.

² Базанов А.Г., Казанский Н.Г. Школа на Крайнем Севере. Л., 1939.

³ Кронгауз Ф.Ф. Основные проблемы советской школы народов Севера // История и экономика Крайнего Севера. Факультет народов Севера. Л., 1950. Вып. 1. С. 135.

⁴ Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы на Крайнем Севере. М., 1948.

⁵ Кронгауз Ф.Ф. Борьба за всеобщее начальное обучение на Крайнем Севере // Школы на Крайнем Севере. Л., 1939. С. 81—108; Он же. Основные проблемы советской школы народов Севера // История и экономика Крайнего Севера. Факультет народов Севера. Л., 1950. Вып. 1. С. 135—150.

⁶ Возрожденный народ (К десятилетию образования Ханты-Мансийского национального округа). Омск, 1941.

⁷ Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952.

⁸ Цит. по: Соскин В.Л. Культурное строительство в Сибири в 20—30-е гг. // Историография советской Сибири. Новосибирск, 1968. С. 157.

⁹ См.: Гуревич И.С. Принципы ленинской национальной политики и применение их на Крайнем Севере // Осуществление Ленинской национальной политики у народов. М., 1971; Мосунова Т.Г. Партийное руководство развитием общеобразовательной национальной школы на Урале в период социалистического строительства (1926—1937 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1988; Аитов Н.Х. Повышение общеобразовательного уровня взрослого населения Западной Сибири в предвоенные годы (1936—1941 гг.) // Культура Сибири в период социализма и развернутого строительства коммунизма (1936—1963 гг.). Новосибирск, 1965. С. 35—45.

¹⁰ См.: Киселев Л.Е. Партийное руководство хозяйственным и культурным строительством в автономных округах Севера РСФСР (октябрь 1917 — 1941 гг.). Томск, 1989.

¹¹ См.: Андреева К.С. Культурное строительство у малых народов Обского Севера // Культурное строительство Сибири 1917—1960 гг.: Сб. тр. Новосибирск, 1960. С. 154.

¹² См.: Андреева К.С. Культурное строительство у малых народов Обского Севера // Культурное строительство Сибири ...; Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск, 1968; Киселев Л.Е. От патриархальщины к социализму. Свердловск, 1974; Он же. Партийное руководство хозяйственным и культурным строительством в автономных округах Севера РСФСР.

¹³ Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера. С. 79.

¹⁴ Киселев Л.Е. От патриархальщины к социализму; Он же. Партийное руководство ... С. 193.

¹⁵ Там же.

- ¹⁶ Ситников П.К. Национальная школа // Югра. 1992. № 7. С. 28—30.
- ¹⁷ См.: История Сибири в пяти томах / Под ред. А.П.Окладникова. Л., 1968. Т. 4.
- ¹⁸ См.: Очерки истории партийной организации Тюменской области / Под ред. Д.А.Смородинского. Свердловск, 1965.
- ¹⁹ См.: Таксами Ч.М. Основные принципы и вопросы, связанные с подготовкой кадров из среды малых народов Севера // История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири. Улан-Удэ, 1971; Таксами Ч.М. От таежных троп до Невы. Л., 1976.
- ²⁰ Данная особенность была отмечена В.Соскиным в статье «Основные итоги и задачи изучения истории культурного строительства Сибири» (1917—1937 гг.) // Историографическая наука в Сибири за 50 лет. Новосибирск, 1972. С. 124—131.

Глава 2

РОЛЬ ТРУДА КРЕСТЬЯН-СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА ОСТЯКО-ВОГУЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В 1930—1933 гг.

Одним из приоритетных направлений сталинской политики спецколониализации на Обь-Иртышском Севере являлось использование труда ссыльных крестьян и членов их семей на рыбных промыслах, в лесной промышленности и строительстве. Об этом свидетельствует постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по проведению спецколониализации в Северном и Сибирском краях Уральской области» от 9 марта 1930 г. В документе указывалось, что при проведении спецколониализации необходимо «максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесозаготовках, на рыбных и иных промыслах, в отдаленных, остро нуждающихся в силе районах»¹.

По мнению А.В.Бакунина, общее число выселенных кулаков I и II категории по преимуществу в малообжитые северные районы в 1930—1931 гг. составило 381026 семей общей численностью 1803392 человека. На Урал (в Уральскую область) было направлено 132355 семей, что составило более 34% всей кулацкой ссылки².

Прибывшие спецпереселенцы делились на пять групп: 1 — способные к выполнению любых работ; 2 — годные к использованию на легких физических работах; 3 — неспособные к физическому труду, но могут быть использованы на легких кустарных промыслах и заготовках грибов, ягод и т.п.; 4 — неспособные к труду (инвалиды, старики); 5 — дети до 16 лет³.

Трудоиспользование шло по нескольким направлениям, приоритетными из которых были рыбная промышленность, лесозаготовки, строительство, сельское хозяйство и кустарная промышленность.

В марте 1930 г. Комендантский отдел Уралобласти докладывал председателю Уральского исполнительного областного комитета о количестве, составе и трудовом использовании спецпереселенцев.

Общая численность населения спецссылки по северным районам составляла 134 421 человек, из них трудоспособных — 56 685, или 42,1%, нетрудоспособных — 29 245, или 21,7%, детей 36,2%⁴.

В том же документе сообщалось, что занято в рыбных промыслах 6 204 человека, в прочих производствах — 23 576. Общее число привлеченных на работы спецпереселенцев составляло ко всей взрослой ссылке 66%⁵. В указанном докладе подчеркивалось, что условия труда работающих спецпереселенцев были равны в основном условиям, принятым для прочих категорий работающих. Однако это было не совсем так, имелись существенные отличия. Они касались в первую очередь повышения норм выработки у спецпереселенцев против вольнонаемных рабочих на 50% и уменьшения заработной платы до 75% от предусмотренных ставок, что регулировалось постановлением СНК от 6 мая 1930 г. Средний заработок спецпереселенца «за удержанием ориентировочно составлял 32 р. 18 коп. в месяц»⁶. Оплата труда была гораздо ниже, чем у вольнонаемных, о чем свидетельствует также выписка из постановления комиссии при СНК СССР по организации работы спецпереселенцев по вопросу оплаты труда выселенных кулаков: «...Установить, что в случаях, когда выселенные кулаки привлекаются в качестве рабочей силы, оплата труда их должна быть на 20—25% ниже по сравнению с занятыми на этих работах рабочими...»⁷. Условия труда спецпереселенцев были крайне тяжелыми.

Спецпереселенцы использовались на различных строительных работах, рыбных промыслах, работали на перерабатывающих предприятиях. Среди спецпереселенцев встречались люди разных профессий. Об этом свидетельствует сводка о числившихся квалифицированных работниках среди спецпереселенцев Тобольского округа (см. табл. 1).

Из сведений, приведенных в таблице, можно сделать вывод, что на начало крестьянской ссылки наибольшее количество учетных квалифицированных работников относилось к таким профессиям, как плотник и кузнец.

Распределение ссыльных крестьян осуществлялось по хозорганизациям, связанным с лесной и рыбной промышленностью.

Таблица 1

**Наличие квалифицированных работников
среди спецпереселенцев Тобольского округа на 12.03.1930 г.⁸**

Название района	Плотники	Пильщики	Столяры	Машинисты механики	Слесари	Кузнецы	Шоферы	Трактористы	Печники	Каменщики	Кирпичники	Черепичник	Гончары	Знающих рыболовство	Токари по металлу	Бондари
г.Тобольск	28	—	11	—	11	35	—	15	—	2	5	1	—	—	2	—
Тобольский р-он	75	—	3	2	14	71	—	7	3	3	3	—	2	26	2	1
Уватский р-он	93	4	21	1	10	60	3	3	2	10	10	—	3	9	2	1
Кондинский р-он	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	199	4	35	3	35	166	3	25	5	15	18	1	5	35	6	2

Количество занятых семей спецпереселенцев на первом этапе ссылки в рыбной промышленности составляло 2 963 семьи, в лесной — 4 116, в прочих отраслях — 797⁹.

В 1932 г. по округу имелось трудоспособных, которые могли быть использованы в госпромышленности и сельхозколонизации: мужчин 5 590, женщин 5 423, кроме подростков от 14 до 16 лет. По сведениям хозяйственных организаций и поселковых комендантов, всего использовалось взрослого населения: мужчин 6 659, женщин 3 869, подростков до 16 лет 1 139, всего 11 667 человек¹⁰.

Остяко-Вогульский округ, территорию которого пересекали могучие северные реки Иртыш и Обь, а также многочисленные их притоки, где находилось большое количество озер, давал неплохие перспективы в развитии рыбной промышленности. Самой крупной хозяйственной организацией, осуществлявшей добычу рыбы, являлся Обьтрест, именно туда приписывались спецпереселенцы.

5 января 1930 г. постановлением ЭКОСО РСФСР был утвержден Устав Обского государственного рыбопромышленного треста (Обьгосрыбпромтреста), в ведении которого находилась вся рыбодобыча. Новый трест являлся самостоятельной хозяйственной

единицей и занимался не только добычей, скупкой, заготовкой, переработкой и консервированием рыбы, но и заготовками и переработкой дичи, оленины, морского зверя, продуктов рыбных промыслов, а также обеспечением местного промыслового населения предметами первой необходимости, строительством жилья и производственных предприятий.

Обьгосрыбтрест по своей производственной структуре был весьма специфичен. Если управленческий аппарат и большинство инженерно-технических кадров трудились в системе Обьгосрыбтреста в качестве наемных работников, то основной рабочей силой на предприятиях треста являлись спецпереселенцы.

В управлении Обьгосрыбпромтреста был создан спецпереселенческий сектор, подчинявшийся непосредственно управлению трестом. В задачи сектора входило: а) общее руководство по хозяйственному устройству спецпереселенцев и их использованию на работах; б) руководство расселением спецпереселенцев по участкам (поселкам); в) руководство строительством жилищ, школ, медпунктов и других строений (бань, изб-читален и т.п.)¹¹.

За системой Обьтреста (Рыбтреста) в 1930 г. в Остяко-Вогульском округе было закреплено 2 913 семей, 13 442 человека, проживающих в 22 поселках. Из них в Самаровском районе — один поселок с населением 533 человека, в Сургутском районе — 6 поселков с общим числом населения 3 696 человек, в Березовском районе — 12 поселков, в которых проживало 7 666 человек, и 2 поселка в Шурышкарском районе с населением 1 547 человек¹².

Согласно данным о дислокации мест расселения и использования спецпереселенцев в Уральской области, количество спецпереселенцев, занятых в рыбной промышленности, можно представить в виде таблицы:

Таблица 2

Распределение спецпереселенцев Рыбтреста по районам Остяко-Вогульского округа на 6 сентября 1931 г.¹³

№ п/п	Наименования районов	Количество семей
1.	Сургутский	604
2.	Обдорский	572
3.	Самаровский	595
4.	Березовский	1126

Из таблицы следует, что только по четырем районам из шести количество спецпереселенцев составляло 2 897 семей.

В докладной записке «О трудовом использовании спецрабсилы по системе Уралобллестреста и Лесокустсоюза» начальнику ОСП ПП ОГПУ по Уралу Черепанову по состоянию на 1 ноября 1932 г. содержатся сведения по количественному использованию спецпереселенцев в производственной сфере Остяко-Вогульского округа. За системой рыбной промышленности к 1932 г. было закреплено в целом по округу 3 212 семей, 15 055 человек, из которых взрослого населения — мужчин 4 758, женщин — 4 542; детей до 16 лет — 5755¹⁴. Из числа взрослого населения нетрудоспособных инвалидов — стариков, которые не могли быть использованы на работах рыбной промышленности и на внутрихозяйственных работах, насчитывалось мужчин — 853, женщин 1282. Вполне трудоспособных мужчин и женщин в системе рыбной промышленности было 7165 человек¹⁵.

Согласно докладной записке управляющего Обьрыбтрестом Угланова наркому снабжения СССР Микояну о положении спецпереселенцев на Обском Севере от 6 сентября 1934 г., всего в системе треста числилось 17 000 человек, составляющих 4 086 семей, которые были размещены в 29 поселках. Из них в Ямальском округе в 6 поселках были размещены около 6 000 человек, остальные 11 000 человек — по Остяко-Вогульскому округу по р.Оби, начиная от Сургута до Питляра¹⁶.

В начале 1930-х гг. спецпереселенцы составили значительную долю в числе занятых на рыбных промыслах, которая, по нашим подсчетам, составила не менее трети от всего числа работавших в отрасли.

При распределении спецпереселенцев по рыбным пескам и озерам скоро обнаружили немалые трудности использования их в качестве рыбаков, поскольку они в большей своей массе не умели ловить рыбу. Свидетельством тому является служебная записка от 3 сентября 1930 г., отправленная в Тобольскую контору Обьтреста: «Трудность работ с туземцами (остяком, самоедом) по существу с основным ловцом на Севере, обучение и приспособление к лову завезенных нами переселенцев (земледельцев), боящихся даже сесть в лодку, канитель с ними»¹⁷.

Планы по уловам рыбы не учитывали биоресурсов водоемов, а также физических средств. Руководство подразделения Обьтреста, соответственно, не всегда справлялось с планами рыбозаготовок. В приложении к протоколу № 32 заседания Секретариата Тобольского ВКП (б) от 10 июня 1930 г. сообщалось: «По отдельным районам выполнение майского плана рыбозаготовок характеризуется следующими процентами: Самаровский район — 95%; Сургутский — 60%; Кондинский — 120,6%; Тобольский — 100%; Уватский — 22%»¹⁸.

Трест имел 10 рыбзаводов, расположенных в двух округах. В 1932 г. всего было добыто 226 тыс. ц, в 1933 — 148 тыс. ц рыбы¹⁹. Из средств механизации лова у треста имелось всего 12 мотолебедок, 1 трактор, 51 конный ворот²⁰.

Местные власти и руководители хозяйственных организаций попытались выявить причины невыполнения плана: «1. Отсутствие надлежащего руководства рыбозаготовками; 2. Недостаточно крепкая связь с местным населением, в результате чего часть рыбацкого населения выловленную рыбу не сдавала, а продавала на вольном рынке. 3. Слабое уплотнение рабочего дня: не был введен непрерывный лов рыбы; 4. Недостаточное количество катеров для обслуживания рыбозаготовок, вследствие чего прием рыбы задерживался, что приводило к порче выловленной рыбы»²¹.

Невыполнение планов зависело также от условий труда, в которых работали спецпереселенцы, а они были далеки от нормальных человеческих условий, о чем свидетельствуют многочисленные документы. Например, в докладной записке управляющего делами «Союзрыба» Самсонова председателю правления Союзрыбы А.М.Лежаве от 06.09.1931 г. сообщалось о плохом снабжении одеждой: «...О спецодежде... На этом вопросе останавливаться не приходится. Трест, как правило, ввел одежды не давать, а если и были случаи выдачи, то все за наличный расчет... Нужно сказать, что спецпереселенцы, работая под дождем, приходили домой в сарай мокрые, не просушив одежды, выходили в ней утром на работу...»²².

Вышестоящее начальство пыталось переложить ответственность на нижестоящих по рангу руководителей. Уполномоченный Союзрыбы по Уралу А.М.Яхнович докладывал в Уралобком ВКП (б) Зубареву: «...Отношения ряда хозяйственников к спецпереселенцам

желают много лучшего. Начиная от Треста и кончая промыслом нигде нет специально выделенных лиц, отвечающих за правильное использование спецпереселенцев. В ряде мест смотрят на них как на людей, которых навязали хозяйственникам, а последние не знают, как от них избавиться. В результате этого, бесконтрольность всего аппарата Рыбтреста сверху до низу за этот участок работы приводит к отдельным случаям издевательства... Значительная часть переселенцев под всяким предлогом старается увильнуть от работы...»²³.

В рыбной промышленности заработная плата зависела от объема работы.

Задержки по выдаче заработной платы в Обьрыбтресте составляли от нескольких месяцев до полутора лет. На июнь 1931 г. спецпереселенцы должны были тресту около 300 тыс. руб., а трест рабочим — 7 тыс. руб.²⁴ Из заработанных денег Рыбтрест проводил различные удержания: административное обслуживание трестом — 2%; стоимость инструктажа спецпереселенцев во время лова; стоимость семян для огородов; амортизация лодок, орудий лова и инвентаря; котловое питание на рыбопромыслах; административное обслуживание ОГПУ — 25%²⁵.

В начале 1930-х гг. спецпереселенцы составляли значительную долю в числе занятых на рыбных промыслах, по нашим подсчетам, — не менее трети от всего числа работавших в отрасли.

Всего в рассматриваемый период в рыбной промышленности Остяко-Вогульского округа предположительно было занято 25 827 спецпереселенцев.

Высылаемые в северные районы крестьяне предназначались, главным образом, для освоения обширных лесных массивов, поэтому большая часть ссыльных использовалась на лесозаготовках.

Согласно докладной записке «О трудовом использовании спецрабсилы по системе Уралоблестреста, Обьрыбтреста и Лесокустсоюза», направленной начальнику ОСП ПП ОГПУ по Уралу Черепанову, по состоянию на 1 ноября 1932 г. за Самаровским, Сургутским и Березовским ЛПХ было закреплено 2 342 семьи, что составляло 10 987 человек, причем взрослого населения: мужчин — 3 404, женщин — 3 413, детей-подростков до 16 лет — 4 178. Из числа взрослого населения нетрудоспособных стариков-инвалидов — 935, женщин — 1314, а вполне трудоспособных

мужчин и женщин, которые могли быть использованы на работах лесной промышленности, — 4 168 человек²⁶.

В этом же документе говорилось, что в Березовском, Сургутском и Шурышкарском районах по состоянию на 1 ноября 1932 г. использовалось следующее количество населения: мужчин — 3905, женщин 3263, кроме подростков от 14 до 16 лет, которые по учету входили в число детей, а использовались на работах по данным учета промыслов. Неиспользовалось вполне трудоспособной рабсилы, не включая подростков, мужчин — 1 166 человек, женщин 1 008²⁷.

Н.А.Ивницкий утверждает, что по данным ОГПУ по состоянию на 6 мая 1930 г. в Северном крае на лесозаготовках использовалось 65,3% спецпереселенцев, на промыслах — 21,2% и в сельском хозяйстве — 13,5%. На лесозаготовки было направлено 41 350 трудоспособных ссыльных, а к осени 1934 г. в лесной промышленности было задействовано 95,5% трудоспособного населения²⁸.

К февралю 1932 г. трудоспособных и занятых на производстве в Уральской области числилось 171 836 человек или 36,8% к общему количеству ссыльных. Наибольшая масса — 74 107 человек или 41% — работали в Ураллеспроме на лесозаготовках²⁹.

На Урале на лесозаготовках использовалось 27 090 человек³⁰. В распоряжение Уралоблестреста в 1930 г. было направлено в Остяко-Вогульский округ 2 249 семей спецпереселенцев, или 10 084 человека. Из них взрослых мужчин — 3 099, женщин — 3 200. За лесопромышленными хозяйствами округа был закреплен 21 спецпоселок³¹.

Данный факт подтверждают сведения о дислокации мест расселения и использования спецпереселенцев в Уральской области³².

Следовательно, в северные районы Уральской области в 1931 г. для заготовок леса была направлена 2 991 семья.

В 1931 г. были организованы Самаровский, Березовский и Сургутский леспромхозы. В структуре Самаровского ЛПХ имелось 9 спецпоселков, в которых проживало 4 970 спецпереселенцев, в Сургутском ЛПХ также 9 поселков с населением 3 718 человек, в Березовском ЛПХ было 3 поселка с населением 1 396 человек³³. На территории округа образовались мелкие лесозаготовительные участки: Погорельский, Черемховский, Урманный, Песчаный,

Озерный и другие, на базе которых были организованы леспромысловые хозяйства. Можно установить, что в 1931 г. на лесозаготовках в Остяко-Вогульском округе работало 10 084 человека.

Сведения о занятости спецпереселенцев в лесной промышленности в 1932 г. можно представить в виде таблицы:

Таблица 3

**Занятость спецпереселенцев в лесной промышленности
Остяко-Вогульского округа на 1932 г.³⁴**

	Трудоспособных взрослых		Используется		
	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин	Подростков
Самаровский ЛПХ	1085	878	1242	543	191
Березовский ЛПХ	372	364	372	172	59
Сургутский ЛПХ	1011	857	1222	810	178
Итого:	2468	2099	2836	1525	428

Из таблицы видно противоречие данных, характеризующих численность трудоспособных взрослых мужчин (II столбик) и используемых на производстве (IV столбик). Это можно объяснить тем, что подростки 14—16 лет по учету проходили как дети, а использовались на работах наравне со взрослыми.

До крестьянской ссылки на лесозаготовки ежегодно приходилось завозить временную рабочую силу не только из южных районов Урала, но и из Нижегородского края, Башкирии, Татарии и других районов страны, что вызывало трудности в работе и срывы производственных заданий. В связи с этим «...спецпереселенцы, предписанные к лесной промышленности, должны были колонизировать малонаселенные районы со слабо эксплуатируемыми, а в некоторых случаях мертвыми лесными массивами, в целях вовлечения их в эксплуатацию с одной стороны, а с другой — иметь постоянные кадры лесоробочих»³⁵. Этим указанием руководство государства решило, что массовая переброска спецпереселенцев позволит решить грандиозные экономические планы в короткий срок. Однако вскрывшиеся проблемы требовали от власти проведения мер по урегулированию как производственных, так и социальных вопросов спецпереселенцев.

Нормы выработки для спецпереселенцев устанавливались двойные, т.е. вместо предписанных по норме $2,5 \text{ м}^3$ в день на человека фактически следовало заготовить 5 м^3 . Если в семье был один трудоспособный человек, который мог выполнить норму 5 м^3 , то он получал муки или печеного хлеба 1 кг 200 г . Если его семья состояла из 6 человек, то на каждого члена семьи приходилось по 200 г . Но были семьи, где было по 8 человек иждивенцев, соответственно, им причиталось по 150 г хлеба³⁶.

Несмотря на трудности и лишения, некоторые лесоучастки выполняли и даже перевыполняли производственные планы. «Констатировать, что план лесозаготовок перевыполнен (лесозаготовка — 135%; вывозка — 125; экспорт — заготовки и вывозка — 103%)»³⁷. Однако это достигалось исключительно административными методами при наличии ряда отрицательных моментов, затруднявших лесозаготовительные кампании: неоднократное изменение лесозаготовительных программ; отсутствие выявленных лесных массивов; необеспеченность рабочих продовольственными и промышленными товарами, спецодеждой и жилищем, что влекло за собой заболеваемость и бегство лесорубов с лесозаготовок³⁸.

Уже в первые годы ссылки спецпереселенцы заготовили различной древесины $27\,418$ тыс. фестметров³⁹.

Но в целом производительность труда на лесоучастках была крайне низкой. Так обстояли дела не только из-за неквалифицированности спецпереселенцев и отсутствия механизмов, но и из-за ужасных условий, в которых жили рабочие на лесозаготовительных участках. Свидетельством тому служит докладная записка Сирсона в Уралобком ВКП (б) Головину от 3 августа 1933 г.: «...В целях проведения летних лесозаготовок на Конде Тоблестрест произвел заброску в Кондинский район 350 человек рабочих с семьями. Причем разбросав их в 4 пунктах, от райцентра до 400 км, совершенно не обеспечил последних ни жилищами, ни продовольствием и деньгами. Прожив под открытым небом и дождем с 20 мая по 2 августа, завезенные люди пережили эпидемию тифа, (всего заболеваний 7 и смертельных случаев 2). Но вслед за этим появляются новые заболевания — простудного характера. Среди детей свирепствует корь»⁴⁰.

Периодичность выплаты заработка спецпереселенцам, занятым в лесной промышленности по Остяко-Вогульскому округу, регулировалась следующим образом: расчеты с рабочими должны были проводиться не реже 2 раз в месяц и отмечаться в специальных личных книжках спецпереселенцев⁴¹.

В лесной промышленности рабочий лесозаготовок в среднем зарабатывал от 60 до 75 руб. в месяц. На других хозяйственных работах от 40 до 50 руб. Из зарплаты производились удержания — 5% отчислений, 42% гарантийных⁴².

Отмечались также случаи невыплаты зарплаты, что вело к сопротивлению, проявлявшемуся в саботажах, симуляциях, нарушениях трудовой дисциплины, побегах с мест работы: «...Расчетными книжками снабжены не все. Березовский участок по зарплате самый худший, на этом участке зарплата снижена против республиканских расценок от 40 до 70%. Зарплата выдается неаккуратно. Много имеется случаев невыдачи совершенно зарплаты за проработанное время, как то: дровозаготовок; сенозаготовок и других временных работах. Все заявления о выплате зарплаты остаются без удовлетворения. Для характеристики безобразий с зарплатой приведу несколько примеров: на одном из участков велась зимой лесозаготовки, было заготовлено 9 000 бревен и это обошлось тресту в 1 500 руб., т.е. по 16,6 коп. за бревно, спецпереселенцы, работающие на своих лошадях, за лошадей ничего не получили. Переселенцы, заготовившие лес для запора Оби и строившие этот запор, который весной снесло, за работу ничего не получили, а полученный паек отнесен в счет будущего заработка...»⁴³.

Всего за период с 1930 по 1933 гг. за леспромхозами Остяко-Вогульского округа было закреплено спецпереселенцев около 17 010 человек. Таким образом, спецпереселенцы, занятые в лесной промышленности, в рассматриваемый период составляли большую часть трудоспособного населения ссылки.

Огромную роль спецпереселенцы сыграли в строительстве различных объектов на Обь-Иртышском Севере. Значительная часть спецпереселенцев была задействована в строительной отрасли. В первую очередь предстояло построить жилье и учреждения в спецпоселках.

Для организации спецпоселений 1 апреля 1930 г. при Совнаркомом СССР была создана специальная секретная комиссия под председательством В.В.Шмидта. Комиссия занималась вопросами организации труда и жизни выселенных «кулаков». Был подготовлен ряд документов, которые легли в основу специальных нормативных актов и которыми руководствовались различные органы. Этой же комиссией было принято решение образовать для поселения «раскулаченных кулаков» специальные поселки.

Согласно положению от 31 марта 1931 г. все поселки подразделялись на лесозаготовительные, рыбопромысловые и сельскохозяйственные⁴⁴. Строительство осуществлялось в тяжелых условиях.

Первую партию ссыльных крестьян весной 1930 г. бросили на возведение Самаровского рыбоконсервного комбината. Строили из кирпича разобранный церковь, который скоро закончился, поэтому пришлось организовать кирпичный завод. Одновременно, не без усилий Якова Розина, председателя окрисполкома, было разрешено строить рядом, в густом лесном массиве, жилье спецпереселенцам.

В 1930—1931 гг. в округ было передано на строительство кирпичного завода по системе Интегралсоюза 95 семей, что составило 497 человек. Из них взрослого населения: мужчин 152, женщин 132, детей-подростков 213. Из числа взрослого населения стариков-инвалидов: мужчин 36, женщин 64, всего трудоспособных, могущих быть использованными на работах промышленности, 184 человека⁴⁵.

Уже в 1932 г. спецпереселенцам удалось наладить кирпичное производство. Об этом свидетельствует докладная записка начальнику ОСП ПП ОГПУ по Уралу Черепанову, в которой говорилось о том, что количество рабочих, занятых на кирпичном производстве, составляло 284 человека, а фактически работало 256 человек, так как не использовались старики и многодетные женщины⁴⁶.

Спецпереселенцы построили не только кирпичный завод и рыбоконсервный комбинат. Все строительные работы в округе осуществлялись их силами. Переселенцами строились и устраивались спецпоселки. На территории округа возникло более 150 поселков. В них возводились жилые дома, общественные

и административные здания. Например, в 22 поселках Уралгосрыбтреста за 1930—1931 гг. было построено 968 жилых 4-квартирных домов, одна школа-семилетка, 14 фельдшерских пунктов, 22 ларька, 4 бани⁴⁷.

Самой большой стройкой Остяко-Вогульского округа в 1930-е гг. был Остяко-Вогульск — окружной центр. По сути, он был возведен на пустом месте.

Специальная комиссия под руководством председателя Уральского комитета Севера Пиджакова выбрала для строительства города глухое урочище Большой черемушник, расположенное в пяти километрах от с. Самарово, за Самаровской горой. Здесь стояла вековая сибирская тайга, могучий кедровник, по логам раскинулись непроходимые заросли черемухи. В это урочище самаровцы ходили собирать шишки.

На строительство окружного центра спецпереселенцев направляли из разных спецпоселков и хозорганизаций. Эта записка была адресована Самаровскому стройучастку Рыбтреста: «Предлагаю вам к 3 часам дня сегодня выделить из колонистов, переданных вам учлеспромхозом: пильщиков — 2 человека, плотников — 2 человека, в связи с постройкой нового города»⁴⁸.

В конце 1930 г. началось составление проекта строительства и генерального плана застройки поселка. Вскоре в тайге были прорублены просеки, обозначающие улицы и кварталы. Всего планировалось построить 14 улиц общей длиной 15 км.

В 1934 г. на строительстве Остяко-Вогульска работало 153 семьи спецпереселенцев, из них взрослых мужчин — 373, женщин — 216⁴⁹. В жилые дома, которые строили спецпереселенцы, их не поселяли. Им отвели специальный район, где они могли строить себе жилье. Этот район-поселок для строителей был назван Перековка. В 1934 г. здесь было 75 одноквартирных и 27 двухквартирных домов⁵⁰.

В целом за рассматриваемый период благодаря спецпереселенцам число объектов производственной сферы Обь-Иртышского Севера возросло в несколько раз. Динамику роста производства на промышленных предприятиях можно проследить по следующей таблице:

Таблица 4

**Рост производственной деятельности промышленных предприятий
Остяко-Вогульского национального округа (1931—1933 гг.)⁵¹**

Наименование промышленных объектов	Род деятельности, характеристики	Динамика роста производственной деятельности		
		1931 г.	1932 г.	1933 г.
Самаровский кон- сервный комбинат	Выпуск консервов (в тыс. банок)	2903,0	3135,3	3586,6
Сургутская кон- сервная фабрика	Тот же	1271,8	1292,1	1500,0
Кирпичные заводы	Выпуск строительного кир- пича (в тыс. руб.)	60,6	104,6	165,0
Строительство г. Остяко-Вогульска	Затраты на все объекты (в тыс. руб.)	237,6	734,3	908,0
Лесозэксплуатация	а) заготовка (в тыс. ф/м)	417,0	166,0	698,0
	б) вывозка (в тыс. ф/м)	399,8	218,3	698,0
Механизация рыбного хозяйства	Мотокатера	9	39	70
	Мотолодки	14	20	30
	Мотолебедки	—	1	1
	Ворота	—	45	63
МТС	а) количество тракторов	—	—	6
	б) обслуживаемая террито- рия	—	—	550
	в) обслуживание посевных площадей	—	—	400
МРС	а) обслуживание песков	—	—	3
	б) количество стрелевых неводов	—	—	12
	в) количество плавных ло- док	—	—	1
Охотсовхоз	а) заготовка пушнины (в тыс. руб.)	—	—	160,0
	б) заготовка дичи боровой (в парах)	—	—	2000
	в) заготовка соболя (в шт.)	—	—	100
Строительство ПОСов	Затрата средств (в тыс. руб.)	—	40,0	268,0
Оленсовхоз	Наличие голов оленей (в тыс. голов)	10,4	23,3	30,0

Строительство экстрактоварочного завода	Затрата средств (в тыс. руб.)	—	—	75,0
Радиофикация	а) количество радиостанций	4	12	15
	б) количество трансляционных точек	409	968	1368

Данные таблицы позволяют сделать вывод о том, что производственная деятельность промышленных предприятий Остяково-Вогульского национального округа имела положительную динамику. Увеличивались как количество производимой продукции, так и затраты на то или иное производство. Все это говорило о росте производственной деятельности промышленных предприятий в округе с 1931 по 1933 гг.

В меньшей степени власти уделяли внимание спецпереселенческому строительству, если это конечно не касалось окружных центров. Но все же спецпереселенцы обустроили значительную часть территории Обь-Иртышского Севера. Их руками было построено более сотни населенных пунктов, а также рыбозаводы, консервные комбинаты, жилищные и производственные здания в окружном центре и спецпоселках, промышленные объекты Ханты-Мансийского национального округа.

Изучая архивные источники, опубликованные исследования, анализируя динамику хозяйственного развития края в начале 1930-х гг., можно сделать вывод: спецпереселенцы представляли основную производительную силу, благодаря которой на севере Западной Сибири возникли новые отрасли экономики. Началось развитие сельского хозяйства, лесозаготовок, рыбоперерабатывающей промышленности, строительства.

Опыт сельскохозяйственного освоения территории, накопленный к началу 1930-х гг., нельзя назвать удачным в части земледельческой отрасли, что неоднократно отмечалось исследователями⁵².

До крестьянской ссылки на Обь-Иртышском Севере земледелие почти не было распространено. В 1929 г. посевные площади составляли лишь 545,5 га. Неоднократные попытки, предпринимаемые энтузиастами для развития сельского хозяйства на Севере в начале XX в., не привели к внедрению этой отрасли в экономику края.

Л.В.Алексеева предприняла попытку ретроспективного анализа развития земледелия в регионе в XIX — нач. XX вв. и пришла к заключению, что попытки распространения земледелия на Севере показали, что возделывание зерновых и овощных культур на 61° северной широты — дело необычайно трудное, но возможное, что подтвердили труженики Севера начиная с 1930-х гг. XX в.⁵³

Действительно, полномасштабное сельскохозяйственное освоение Обь-Иртышского Севера непосредственно связано со ссылкой «раскулаченных» крестьян и членов их семей. Согласно данным Наркомторга РСФСР от 22 октября 1930 г., в сельском хозяйстве Тобольского Севера осело 12 127 человек, в том числе 4 850 детей, всего спецпереселенцев по Тобольскому Северу насчитывалось 45 000 человек⁵⁴.

Согласно данным Н.А.Ивницкого, в сельскохозяйственном освоении Урала предполагалось использовать 2 500 семей (примерно 10 тыс. человек) в Тобольском округе, а остальные спецпереселенцы — около 30 тыс. семей (140 тыс. человек) должны быть переданы хозяйственным организациям лесной, рыбной и других отраслей промышленности⁵⁵. Поэтому местные власти и руководители хозяйственных организаций особого внимания сельскохозяйственному освоению не уделяли.

Спецпереселенцы, закрепленные за сельхозколониями Уральской области, по удельному весу составляли ничтожную часть, по сравнению с промышленностью, и насчитывали в феврале 1932 г. лишь 15 тыс. человек (из 500 тыс. проживающих в ссылке)⁵⁶.

Л.В.Алексеева отметила, что к марту 1932 г. на территории Остяко-Вогульского округа наблюдалось увеличение числа спецпереселенцев, приписанных к сельскохозяйственным колониям. Их насчитывалось 3 982 семьи, или 16,1 тыс. человек. В Сургутском районе было размещено свыше 8 тыс. спецпереселенцев, в Кондинском районе — 840 человек, использовать которых предполагалось в сельском хозяйстве⁵⁷.

Существует мнение, что в результате трех этапов крестьянской ссылки в сельское хозяйство национальных округов Северо-Западной Сибири было распределено 11 400 человек. По мере увеличения производственных планов для сельского хозяйства и в связи с высокой смертностью среди спецпереселенцев осуществлялась

внутренняя переброска ссыльных с одного объекта на другой, из одной производственной сферы в другую.

В разосланном на места 1 апреля 1930 г. секретном постановлении коллегии Наркомзема РСФСР давались инструкции о том, как и в каких местах создавать особые поселки⁵⁸. Уже летом 1930 г. в своем постановлении о мероприятиях по проведению «спецколонизации» в Северном, Сибирском краях и Уральской области от 18 августа НК РСФСР утвердил план спецколонизации. При проведении «спецколонизации» предлагалось: «...а) максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающихся в рабочей силе районах и б) в сельском хозяйстве устраивать лишь тех спецпереселенцев, рабочая сила которых не может быть использована на лесоразработках и промыслах»⁵⁹.

Исходя из указанного документа, очевидно, что сельскому хозяйству в районах Севера уделялось второстепенное значение. Тем не менее, аграрное освоение требовало значительных ресурсов, в первую очередь из-за тяжелых природно-климатических условий.

Распределение спецпереселенцев происходило по сельхозколониям, расположенным в 27 административных районах Уральской области⁶⁰.

Сельхозколониям отводилась существенная роль в жизнеобеспечении спецссылки, особенно в условиях острого дефицита питания в первые годы ее существования. Именно поэтому ГУЛАГ ОГПУ сделал 6 июня 1931 г. запрос всем ПП ОГПУ, в том числе и Урала, с целью получения сведений о спецпереселенцах, занятых в сельском хозяйстве, а также о том, «что можно предпринять в этом отношении, чтобы увеличить доходность семьи и более рационально использовать имеющуюся рабочую силу»⁶¹.

В распоряжение сельхозколоний, как правило, поступали те семьи спецпереселенцев, члены которых относились к малотрудоспособным либо вовсе не имели трудоспособных мужчин.

На территории Уральской области для сельскохозяйственной колонизации были выделены Гаринский, Уватский, Черноковский, Тобольский районы. Последние три входили в состав Тобольского округа. Позднее были включены Березовский, Кондинский, Самаровский, Сургутский районы Остяко-Вогульского округа⁶².

Организация самих поселков для спецпереселенцев и проведение для них жилищного и хозяйственного строительства осуществлялось соответствующими сельскохозяйственными органами совместно с ОГПУ.

С целью обеспечения спецпереселенцев продовольствием хозорганам вменялось в обязанность предоставлять каждой семье удобные пахотные земли — не менее 1 га на огород и не менее 0,5 га сенокосных угодий. Хозорганы обязаны были содействовать приобретению поселенцами скота из расчета полного обеспечения сельскохозяйственных работ лошадьми и одной коровы на 5 семей⁶³.

На деле для сельхозколоний, так же как и в случае сельхозобустройства спецпереселенцев, занятых в промышленности, выделялись худшие земли, так называемые трудноосваиваемые участки, или леса. Поэтому их разработка была связана со значительными усилиями на раскорчевку. При отсутствии корчевальных машин сделать это в кратчайшие сроки за счет ручного труда было крайне сложно.

На заседании комиссии по устройству выселенных кулаков при СНК СССР, созданной 5 апреля 1930 г. во главе с В.В.Шmidtом и с участием представителей различных наркоматов и ведомств (ВСНХ, Наркомфина, Наркомзема, НКВД, ОГПУ) была обозначена необходимость выделения сельхозорудий и инвентаря для спецпереселенцев, а также семенной ссуды до реализации нового урожая. Предлагалось, в частности, выделить для снабжения выселенных в Уральскую область хозяйств необходимый сельхозинвентарь⁶⁴.

К 1 марта 1932 г. был полностью выполнен план по обеспечению сельскохозяйственным инвентарем (плугами, боронами, косами, пропашниками, сбруей), за исключением корчевальных машин. При этом поставки последних ни в первом, ни во втором кварталах Уралсельхозснабом обещаны не были. Поэтому в первые годы планы посевных кампаний постоянно пересматривались и уменьшались.

Наряду с сельхозинвентарем и орудиями хозяйственного обихода требовались семена. Для спецпереселенцев Урала нужно было 10 тыс. ц овса, 10 тыс. ц ячменя и семян огородных культур, рассчитанных на засев 2 тыс. га⁶⁵.

Согласно постановлению СНК СССР, НКСнабу было предложено уже к концу 1931 г. выделить 2 500 т озимой семенной ржи для спецпереселенцев Западной Сибири: «...Отпуск произвести в 3-дневный срок из имеющихся в наличии запасов на месте, либо путем отгрузки с Урала. Отгрузку с Урала производить маршрутами по указанию Управления Лагерями ОГПУ»⁶⁶.

Распределение сил спецпереселенцев в сельскохозяйственных колониях предполагало организацию специальных типов хозяйств.

Хозяйственное устройство спецпереселенцев, согласно вышеупомянутому постановлению, также планировалось проводить с одновременной организацией для них небольшого подсобного сельского хозяйства (огородно-овощного): 1. организация совхозов, в которых спецпереселенцы используются как основная наемная рабочая сила; 2. организация спецпереселенцев в неуставные артели, с передачей им на договорных началах с/х инвентаря и тягла.

Все работы по подготовке земельных фондов для спецпереселенцев, расселяемых в совхозах или организуемых в неуставные артели, снабжение их сельскохозяйственными машинами, инвентарем, рабочим и продуктивным скотом и организация сельскохозяйственного производства спецпереселенцев осуществлялась НКЗемом Союза через НКЗемы союзных республик и через совхозные системы, на территории которых проводилось расселение спецпереселенцев. В отношении спецпереселенцев, используемых в промышленности, эти мероприятия осуществлялись соответствующими промышленными организациями и предприятиями.

Все занятые в совхозах спецпереселенцы приравнивались по зарплате, нормам снабжения продовольствием и промтоварами к вольнонаемным сельскохозяйственными рабочими, в том числе и по медобслуживанию.

На всех спецпереселенцев, занятых в совхозах, ОГПУ заключало договор с совхозными системами⁶⁷.

Кроме того, спецпереселенцы, занимающиеся сельским хозяйством, были объединены в неуставные сельскохозяйственные артели. В Остяко-Вогульском округе в 1933 г. они охватывали 45% всего населения поселков⁶⁸.

Уже в декабре 1931 г. заместителем начальника ГУЛАГ ОГПУ Берманом была утверждена инструкция об организации неуставных

сельскохозяйственных артелей из спецпереселенцев. В ней указывалось, что: «...Неуставные сельхозартели организуются путем объединения отдельных хозяйств спецпереселенцев для совместного ведения сельского хозяйства на основе обобществления землепользования, с/х инвентаря, рабочего скота, с/х построек, связанных с полеводством. Огородное приусадебное хозяйство остается в индивидуальном пользовании»⁶⁹.

Для осуществления данных целей неуставная артель находилась под наблюдением комендантов ОГПУ и непосредственным руководством районных земельных органов и хозорганизаций, в ведение которых передавались спецпереселенцы.

Установлено, что в Остяко-Вогульском округе в 1933 г. из 5 292 хозяйств спецпереселенцев, занимавшихся сельским хозяйством, 4 245 хозяйств объединились в 49 неуставных артелей, что составляло 80,2% от общего числа спецпереселенческих хозяйств⁷⁰.

Целью советского руководства, проводившего политику принудительного переселения крестьян в северные районы в начале 1930-х гг., было не только использование рабсилы спецпереселенцев и членов их семей, но и закрепление их на местах поселений, а особенно создание постоянных рабочих кадров в производственной сфере Сибири, Урала, Севкрая и других районов.

С этой целью уже в 1931 г. Совет Народных Комиссаров Союза СССР постановил: «...выделить спецпереселенцам в соответствующих районах для огорода и посевов в 1931 г. и весной 1932 г. земли — 240 000 га, из них:

под полевые культуры.....	84 000 га
в том числе озимых посевов (1931 г.).....	18 000
и под огородные культуры	156 000» ⁷¹ .

Для выполнения этого плана НКЗему Союза ССР вменялось в 2-месячный срок завезти в места расселения спецпереселенцев: лошадей — 20 тыс. голов, на 7 360 000 руб.; коров — 33 тыс. голов, на 4 885 000 руб.; свиней — 8,3 тыс. голов, на 621 00 руб.; птицы разной на 150 000 руб.⁷² Причем весь завозимый скот должен быть из пород, разводимых в крае.

Согласно постановлению СНК СССР от 16.08.1931 г., НКЗем Союза и ВСНХ обязаны были провести работы по улучшению земельных фондов на сумму 9 499 000 руб., причем на все расходы

по созданию подсобных хозяйств спецпереселенцев планировалось выделить 40 млн. руб.⁷³

Для развития личного подворья спецпереселенцам, объединенным в неуставные артели, органами Наркомзема планировалось выдавать ссуды — «по согласованию с органами ОГПУ, которые оформлялись письменными обязательствами под круговую поруку и за подписями всех членов артелей, заверяемыми комендатурами спецпоселков. Погашение ссуд ссыльными предусматривалось в течение двух лет, начиная с конца 1932 г., но в феврале 1934 г., учитывая крайне тяжелое положение спецпереселенцев в бывшей Уральской области, Западной и Восточной Сибири, СНК СССР продлил освобождение спецпереселенцев от налогов и сборов на 2 года, до 1 января 1936 г.»⁷⁴ Спецпереселенцам разрешалось приобретать за собственный счет или из специально отпущенных кредитов лошадь, корову, овец, свиней, коз, птицу, а если хозяйство велось на артельных началах, то: «...Весь прибывающий из районов выселения продуктивный и рабочий скот, с/х инвентарь, а также скот и инвентарь, забрасываемый в порядке дополнительного снабжения спецпереселенцев, передается на договорных началах или в личное пользование спецпереселенцев»⁷⁵.

Там, где спецпереселенцы использовались как наемная рабочая сила в совхозах, рабочий скот и с/х инвентарь поступал в распоряжение совхозов.

Спецпереселенцы, занятые в других отраслях (рыбная, лесозаготовительная и т.д.) тоже должны были заниматься сельским хозяйством для удовлетворения личных потребностей, однако органы не уделяли этому должного внимания.

Например, в постановлении по докладу о результатах обследования бригадой ПП ОГПУ по Уралу «О состоянии спецссылки» от 4 октября 1932 г. говорилось, что по сельхозосвоению Рыбтрестом ничего не делалось и должного внимания не уделялось. Сельхозинвентарь, рабочий и молочный скот, приобретенный за счет спецассигнований спецпереселенцам, не передавался и находился в распоряжении промыслов. «Сельхозосваиваниям спецпереселенцев, Обьрыбтрестом значения не придается, план весенней посевной 1932 г. составлен в 350 га. по всей системе треста в Остяко-Вогульском округе, что составляет по 0,10 га на семью и выполнен лишь по 0,025 га на семью или 89,7 га по плану.

На некоторых промыслах (Перегребное) вместо содействия, поддержки самодеятельности спецпереселенцев в сельхозосваивании со стороны директоров оказывалось противодействие»⁷⁶.

Все спецпереселенцы, как правило, в течении двух лет должны были освобождаться от всех налогов и сборов, а также заготовок сельскохозяйственных продуктов. Отменялись также решения местных органов, запрещающих организацию огородных хозяйств спецпереселенцам, занятым в промышленности.

Выделение спецпереселенцам участков для ведения подсобного хозяйства сыграло определенную положительную роль в развитии земледелия в Уральской области 1930-е гг. и в решении продовольственной проблемы.

В постановлении бюро Уральского обкома ВКП(б) от 4 августа 1931 г. говорилось, что в целях наилучшего хозяйственного использования и создания условий для оседлости спецпереселенцев необходимо предоставить спецпереселенцам, работающим на лесозаготовках и в рыболовстве, возможности для ведения подсобного хозяйства, и особенно огородного⁷⁷.

Уральским областным земельным управлением были определены нормы надела земель. Так, на одну семью спецпереселенцев приходилось: усадьбы — 0,2 га, огорода — 0,15 га, сенокосных земель — 2 га. Кроме того, на каждого едока — пашни по 0,3 га⁷⁸.

Тяжелые экономические условия, в которых оказались ссыльные, заставили их уже в 1931 г. заняться огородничеством.

Таблица 5

Распределение земель под огороды спецпереселенцам северных районов Уральской области в 1931 г.⁷⁹

Район	Количество земли (в га)
Обдорский	33,2
Березовский	205,1
Сургутский	105
Самаровский	7
Итого	350,3

В Постановлении заседания секретариата Уралобкома ВКП(б) от 23 марта 1932 г. «О развитии огородничества и животноводства

в северных национальных округах Уралобласти» говорилось: «...В целях удовлетворения потребности в овощах за счет выращивания их в Остяко-Вогульском и Ямальском округах и максимального развития животноводства в социалистическом секторе, Уралобком ВКП(б) постановил:

1. Установить размер посевных площадей на 1932 г. для Остяко-Вогульского округа — 4 460 гектар против 1880 га в 1931 г. и для Ямальского округа 46 га против 172 га в 1931 г.»⁸⁰.

Наиболее благоприятным районом для развития огородничества, полеводства и животноводства в рассматриваемый период являлся Остяко-Вогульский округ. Вот какая характеристика дана округу с точки зрения развития сельского хозяйства в докладной записке председателю правления «Союзрыба» А.М.Лежаве управляющим делами «Сюзрыба» Самсоновым от 6 декабря 1931 г.: «Район огородного хозяйства очень большой — это весь Березовский, Самаровский и Сургутский районы. Культивировать можно картофель, репу, морковь, кормовую свеклу, турнепс, огурцы. Опыты, сделанные спецпереселенцами, очень удачны, а по спецпереселенцам мной поставлена задача перед трестом — заготовка семян и снабжение ими спецпереселенцев. Скотоводство распространяется верст на 100 ниже Обдорска. Сеном можно обеспечить на месте какое угодно стадо. В данный момент трестом закуплено до 400 коров. Часть на них отправлена в Обдорск — 40 штук, 160 — в Сургутский район и 200 предназначены в Березовский, но благодаря позднему разрешению на закупку и отсутствию транспорта, до весны в Березовский район отправить не удастся...»⁸¹.

Политотделы, приступившие к работе в начале 1933 г., повсеместно столкнулись с серьезной недооценкой со стороны руководящих работников районов и колхозов личного подсобного хозяйства спецпереселенцев как в теории, так и на практике. Начальник ОСП ПП ОГПУ Соколов в докладной записке в Уралобком ВКП(б) от 10 декабря 1932 г. писал: «Развитию сельского хозяйства, как стимулу для оседания сп/ссылки в местах поселения, как мероприятию, способствующему прекращению дорогостоящего северного завоза продовольствия, при полной возможности получения урожая овощей на месте — значения никакого не придано и сев из намеченных планом 354 га недовыполнен на 197,00 га. Только по одному Сургутскому району недосев в 162,76 га и не

высеянные 2 тонны овса остались лежать на складах Интегрального Т-ва, причем, семенным овсом кормили тягловую силу. В то же время ссылались на недостаток семматериала».

Далее в документе содержится информация о несогласованности действий поселковых комендантов и хозяйственных руководителей по организации сельского хозяйства: «В поселке Зарям Сургутского района поселковый комендант Соболев организовал из 40 человек молодежи сельскохозяйственную рыболовную артель и обратился к заведующему Сытоминского промысла т. Шишкину об отводе угодий для артели, на что получил отказ. Свой отказ заведующий промысла объяснил полученной от управляющего Обьрыбтрестом Рейфмана установкой: “Рыбпромыслам на выдвигаемые комендатурами мероприятия в части хозустройства спецпереселенцев не обращать внимания”. В противовес деятельности поселковых комендантов т. Рейфман выдвинул своих производственных комендантов, которые своими действиями смазывали работу пос. комендантов. На совещании хозяйственников в Сургуте — 2 апреля 1931 г. — произв. комендант Лобов заявил, что зав. Рыбтреста Кайдалов дал распоряжение не производить сева...»⁸².

Инициатива, проявлявшаяся спецпереселенцами по организации посева силами женщин, обремененных детьми, стариков, а также всех тех, кто в силу обстоятельств не мог быть использован на промыслах местными властями и хозорганами, не была поддержана.

В результате равнодушного отношения властей спецпереселенцы остались в зиму 1932 г. не обеспеченными овощами, так как посев составлял в среднем 0,04 га на семью⁸³. Из-за отсутствия овощей цинга выводила из строя до 100 человек ежемесячно. Более того, наблюдались факты нецелевого использования средств местными начальниками: «Из 164 400 руб. отпущенных на сельхозосвоение с/пер. трестом было израсходовано не по назначению 102 050 руб. Купленные на с.х. кредиты коровы директором Перегребинского участка Пелевиным содержатся как собственность промыслов и сп/пер. не выдаются. Также не передается сп/пер, и с.х. инвентарь (7 сенокосилок, 7 прессов для сена, плуги, бороны и т.д.) и лошади»⁸⁴.

В будущем развитию личного подсобного хозяйства спецпереселенцев стали уделять более пристальное внимание, что сказалось на его развитии и обеспечении населения продуктами питания.

Несмотря на то, что партийными органами Уральской области и Остяко-Вогульского округа была поставлена задача — во второй пятилетке добиться того, чтобы округ сам себя обеспечивал картофелем и овощами, решить ее не удалось (см. табл. 6).

Таблица 6

Обеспеченность в Остяко-Вогульском округе овощами, выращенными спецпереселенцами (в %) ⁸⁵

Год	Обеспеченность
1933	57,7
1934	56,98
1935	59,21
1936	54,23

В Ямальском округе развивать сельское хозяйство было сложнее, однако и там предпринимались попытки по развитию овощеводства и скотоводства. Л.В.Алексеева выявила, что потребность округа в овощах исчислялась в 3 000 т ежегодно с учетом прибывшего контингента ссыльных. Выращивание овощей было начато в 1933 г.⁸⁶ Спецпереселенцы принесли с собой опыт обработки земли, агрономические знания, были одними из тех, кто активно занимался сельскохозяйственными опытами в условиях тайги и лесотундры.

Наиболее значительных успехов развитие сельского хозяйства достигло в Остяко-Вогульском округе. Расширение посевных площадей в округе шло, в основном, за счет освоения пойменных участков и раскорчевок (см. табл. 7).

Таблица 7

Раскорчевка площадей под посевы в Остяко-Вогульском округе (1930—1932 гг.)

Год	Размер посевных площадей (в га)
1930	544
1931	1127
1932	4119,6

Основную работу по раскорчевке выполняли спецпереселенцы. Так, из раскорчеванных земель площадью в 1544 га 191 га был раскорчеван колхозниками, 65 — единоличниками, 1288 — спецпереселенцами⁸⁷. Расширение земельных участков и подготовка их под посев позволили в первые годы ссылки увеличить размеры посевных площадей. Общий посевной клин в 1932 г. составлял 4 634 га.

Размеры посевных площадей на 1932 г. для Остяко-Вогульского округа с порайонной разбивкой по секторам можно представить в виде таблицы:

Таблица 8

Размеры посевных площадей Остяко-Вогульского округа в 1932 г.⁸⁸

		Кондинский район	Самаровский район	Сургутский район	Ларьякский район	Березовский район	Шурышкарский район
Колхозы	Всего	426	526	155	16	106,5	12
	Зерновых	157	230	32	—	44,5	—
	Овощей	100	133	43	6	28	8
	Картофель	165	160	80	10	34	4
Спецпереселенцы	Всего	632	1185	99		122	4
	Зерновых	420	57	32		98	—
	Овощей	69	200	43		24	4
	Картофель	142	928	—		—	—
Единоличники	Всего	478	417,5	161	14	90	10
	Зерновых	280	177,5	32	—	40	—
	Овощей	95	92	49	4	30	7
	Картофель	100	148	80	10	20	3

Из сведений, приведенных в таблице, следует, что наибольшее количество посевных площадей — 2 042 га — было закреплено за спецпереселенцами. За колхозами закреплялось 1 313 га, за единоличниками — 1 170 га. Среди районов округа посевные площади в большем объеме представлены в Самаровском районе — 2 128,5 га и Кондинском — 1 536 га, меньше всего посевных площадей было в Ларьякском (30 га) и Шурышкарском (26 га) районах.

В 1933 г. произошло увеличение посевных площадей и расширение состава посевов в Самаровском, Сургутском, Кондинском районах. Посевная площадь составила 3 250 га. Удельный вес спецпереселенческого сектора в сельском хозяйстве составлял в 1932 г. 55,5%, в 1933 — 57,7%, в 1934 — 56,98%, в 1935 — 59,21%⁸⁹.

Состав посевов характеризовался наличием овощных (морковь, капуста, картофель) и зерновых культур (озимая и яровая рожь). Причем 2/3 посевных площадей отводилось под зерновые культуры.

Л.В.Алексеева считает, что урожайность по зерновым культурам не была, да и не могла быть высокой. Отсутствовали морозоустойчивые сорта, в зависимости от погодных условий урожай мог быть чуть выше или ниже, иногда посевы вымерзали. Урожайность в 1932 г. составляла (с 1 га): пшеница — от 0,5 до 1,25 т, озимая рожь — от 1 до 1,5 т. Урожайность неприхотливых овощей была вполне удовлетворительной: картофель — от 4 до 7 т, морковь — от 5 до 10 т, капуста — от 2 до 8 т⁹⁰.

Техническое оснащение для обработки пашни и посевов, а также уборки оставалось крайне низким. В 1932 г. в Остяко-Вогульском округе для обработки 4 097 га пашни имелось следующее количество орудий труда:

Таблица 9

**Техническое оснащение обработки пашни и посевов
в Остяко-Вогульском округе (1932 г.)⁹¹**

Название орудий труда	Количество
плуг конный	993
борона зубовая	611
борона дисковая	11
сеялка	19
жатка-самосброска	7
плуг-окучник	57
картофелесекалка	3
молотилка	7
сортировка	17
веялка	5
триеры	3
сенокосилка	72

Все указанные орудия труда работали посредством конной тяги. В национальных округах Уральской области также планировалось развивать тепличное и парниковое хозяйство.

В Ямало-Ненецком округе планировалось построить теплицы площадью 1/2 га, в Остяко-Вогульском округе 2 000 парниковых рам (см. табл. 10).

Таблица 10

План развития тепличного и парникового хозяйства в северных районах Уральской области (1932 г.)⁹²

Наименование организаций	Количество	Место строительства
Земорганы и Интегралсоюз	Теплиц — 4	Обдорск, Щучье, Ныда, Хальмерсид
Уралпушнина	Теплиц — 2	Новый порт, Хальмерсид
Оленеводтрест	Теплиц — 2	Хальмерсид, Ныда
Рыбтрест	Теплиц — 5	Пески основных рыбопромысловых угодий в Ямальском округе.
Интегралсоюз	Парниковых рам всего 2000, в том числе: 600 300 500 300 200 100	Самаровский район Сургутский район Кондинский район Березовский район Шурышкарский район Ларьякский район

Исходя из данных, указанных в таблице, можно сделать вывод, что теплицы⁹³ строили в самых северных районах, с наиболее суровым климатом, а южнее строили парники⁹⁴.

По аналогии с сельскохозяйственными районами страны на Севере приступили к организации машинно-тракторных станций. Первая МТС (Реполовская) была создана 1 июля 1931 г. В ней было 6 тракторов, 5 плугов, 13 борон. В 1934 г. в 4 МТС (Реполовская, Кондинская, Сургутская, Микояновская) было 50 тракторов, 13 комбайнов, 72 плуга, 22 сеялки, 21 культиватор⁹⁵. Однако МТС были маломощными и обслуживали лишь близлежащие колхозы. Нехватка запчастей и горючего, отсутствие паромов (для

доставки трактора на другой берег реки) затрудняли применение имевшейся техники.

Наряду с земледелием на Обь-Иртышском Севере в начале 1930-х гг. началось развитие общественного животноводства, в которое спецпереселенцы тоже внесли свой вклад.

В резолюции Пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) (декабрь 1930 г.), в постановлениях VI съезда Советов СССР (март 1931 г.) и особенно ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О развитии социалистического животноводства» (30 июля 1931 г.) была разработана и стала немедленно проводиться в жизнь инициированная И.Сталиным программа «большого скачка» в животноводстве, нацеленная на то, чтобы за 1—2 года на базе общественного животноводства, прежде всего организации колхозных товарных ферм, решить животноводческую проблему вслед за зерновой, которая, как заявил Сталин на XVI съезде партии, была в основном решена⁹⁶. Поэтому уже 4 августа 1931 г. на заседании бюро Уральского обкома ВКП (б) было принято решение предоставить спецпереселенцам возможность закупки на собственные средства скота в размере одной коровы на семью, а также телят, коз и домашней птицы⁹⁷.

На заседании также было принято решение поставить перед центральными организациями вопрос об освобождении в течение 2—3 лет поселков спецпереселенцев от заготовки мяса, масла и яиц с целью скорейшего развития потребительского животноводства в районах расселения спецпереселенцев.

23 марта 1932 г. состоялось заседание, посвященное развитию огородничества и животноводства в северных национальных округах Уральской области. Уралобком постановил в целях максимального развития животноводства в Остяко-Вогульском и Ямальском округах: «Обязать фракцию Облисполкома и уполномоченного ОЛЕНЕВОДТРЕСТА по Уралу обеспечить комплектованием совхозов по Остяко-Вогульскому округу 25 000 гол. оленей и Ямальскому округу — 75 000 гол. оленей к 1-му января 1933 г.»⁹⁸. В том же документе Уралобком ВКП (б) обязал фракцию Облисполкома обеспечить доведение обобществленного стада колхозов к 1-му января 1933 г. по Остяко-Вогульскому округу до 41 000 голов оленей, из них в Березовском до 14 000, в Сургутском до 9 000, Шурышкарском до 18 000 голов. По Ямальскому округу — до 64 000 голов оленей, из них в Приуральском районе до 20 400,

Ямальском до 29 500, Надымском до 2 400 и Тазовском — до 1 700 гол.⁹⁹

В Остяко-Вогульском округе в 1931 г. числилось 15 834 голов лошадей и 14 108 голов крупного рогатого скота. В 1932 г. количество крупного рогатого скота возросло на 25% и составило 17 741 голов, а численность поголовья лошадей несколько сократилась — 15 647¹⁰⁰. Скот преимущественно распределялся по колхозам и совхозам.

В первую очередь, чтобы прокормить детей, крестьянские семьи стремились приобрести корову и лошадь, потом уже другой домашний скот. Наличие домашнего скота у спецпереселенцев в Остяко-Вогульском округе представлено в следующей таблице:

Таблица 11

**Наличие поголовья скота
в Остяко-Вогульском округе (1931—1933 гг.)¹⁰¹**

Годы	Лошади		Крупный рогатый скот		Овцы		Свиньи	
	Всего	Спецпер.	Всего	Спецпер.	Всего	Спецпер.	Всего	Спецпер.
1931	15842	371	14100	340	806 1	—	651	—
1932	17603	1063	18681	1633	10020	—	3273	—
1933	17388	1371	18704	2804	7326	350	822	601

Из сведений, приведенных в таблице, следует, что в первые годы ссылки спецпереселенцами в основном приобретался крупнорогатый скот (корова) и лошади. Очевидно и другое, что в 1931 году скота было приобретено мало, в процентном отношении ко всему поголовью коров это составило 2,4%. В 1932 г. спецпереселенцы приобрели в 5 раз больше крупнорогатого скота, а в 1933 г. в 8 раз больше, чем в 1931 г.

Следует отметить, что в 1932 г. капитальные вложения в сельское хозяйство спецссылки составили 150 тыс. руб., в 1933 г. — 1 млн. руб. Эти средства шли на приобретение скота, сельхозинвентаря, предоставление ссуд спецпереселенцам. Удельный вес спецпереселенцев в сельском хозяйстве Остяко-Вогульского округа составлял в 1932 г. 55,5%¹⁰².

Таким образом, в начале 1930-х гг. благодаря титаническому труду ссыльных крестьян были заложены основы для создания и развития сельскохозяйственной отрасли на Обь-Иртышском Севере.

В связи с переселением на Север десятков тысяч раскулаченных крестьян и членов их семей в 1930—1932 гг. одной из производственных задач, предписанной им к решению, являлось развитие кустарных промыслов и производств.

Особенность территориального расположения Остяко-Вогульского округа, а именно его отдаленность от хозяйственно развитых районов Урала, придавала особенное значение дальнейшему развитию кустарной промышленности в округе.

Анализ документов ГАОПОТО, проведенный по данной теме, позволяет заключить, что использование труда спецпереселенцев в кустарной промышленности, особенно в первые годы ссылки, проводилось администрацией по остаточному принципу¹⁰³. В циркуляре Уралобкома (от 27 августа 1931 г.) указывается, что при наличии остатков рабочей силы необходимо предусмотреть организацию кустарных производств, в числе которых упоминались смоловарение, изготовление тары, лодок.

Для развития кустарных производств планировалось использовать отдельные категории спецпереселенцев. Трудоустройству на кустарные предприятия подлежали: семьи, не имеющие в своем составе трудоспособных (взрослый член семьи при малолетних детях); инвалиды 2-й и 3-й категории; старики-одиночки, способные к какому-либо труду, и круглые сироты старше 12 лет¹⁰⁴.

Для указанных выше категорий спецпереселенцев власти планировали организацию специальных колоний — поселков, основной функцией которых являлось производство товаров широкого потребления. В таких колониях производства должны были быть рассчитаны на годовой цикл работ, на базе использования местного сырья. Руководство спецколонией планировалось осуществлять при помощи коменданта и его помощника, а внутренний распорядок устанавливался такой же, как и в спецпоселках. Организацию и оборудование спецколоний власти планировали закончить к 1 октября 1932 г.

В отдельных случаях, когда по роду производства организация спецколоний была невозможна, при существовавших поселках

создавались неуставные артели, в которых организовывались кустарно-промысловые цеха с количеством не менее 15—20 человек в каждом.

Развитие кустарных предприятий в Остяко-Вогульском округе в 1931 г. можно представить в виде таблицы:

Таблица 12

Кустарная промышленность в Остяко-Вогульском округе в 1931 г.¹⁰⁵

Название производства	Кол-во мастерских (производительность)	Число рабочих
Кирпичное	2 900 000 шт. (кирпичей) в год	333 чел.
Бондарно-кадочное, клепочное	15 мастерских	176 чел.
Смоло-дегтярное	21 мелкая установка	100 чел.
Столярное	8 мастерских с годовой продукцией на 60 000 руб.	96 чел.

Из таблицы следует, что в 1931 г. кустарная промышленность Остяко-Вогульского округа представляла собой незначительное число мелких предприятий, в которых было задействовано 705 человек, что, безусловно, сказывалось на объемах выработки изделий кустарного производства.

Из материалов IV пленума Остяко-Вогульского окружкома ВКП (б), проходившего 27 марта 1933 г., следует, что планы по выработке сельскохозяйственных изделий и товаров широкого потребления в 1931—1932 гг. не выполнялись (см. табл. 13).

Таблица 13

Изготовление с/х изделий и товаров широкого потребления в Остяко-Вогульском округе (1931—1932 гг.)¹⁰⁶

Виды изделий	1931 г.			1932 г.		
	По плану (руб.)	Фактич. (руб.)	%	По плану (руб.)	Фактич. (руб.)	%
С/хозяйственные изделия	448660	167232	37,2	1175440	454410	38,6
Изделия ширпотреба	728560	234500	32,2	1694660	701450	45,2

Местные власти, столкнувшись с острым дефицитом промтоваров в северных районах, констатировали «неудовлетворительное

выполнение программ по промышленным изделиям». В связи с этим уже в 1932 г. на заседании бюро Уралобкома было предложено: обязать фракцию РИКСа точно учесть специалистов по выработке кустарных изделий и закрепить их на производствах по специальности, освободив от всех других работ; фракции Райинтегралсоюза провести подготовку кадров по выработке изделий промыслового значения ширпотреба не позднее 1 ноября 1933 г., с охватом не менее 50 человек. С этой целью Облисполком Уралобласти в своей директиве исполкомам и советам Уралобласти от 10 января 1932 г. предложил: «... Коменданты спецпереселенческих поселков и сельсоветы, заполняя записи об актах гражданского состояния на спецпереселенцев, в графах “социальное положение” и “профессия (занятие)” проставляют просто “спецпереселенец”. Что, конечно, не полностью отражает социальное положение и занятие данного лица. Управление делами Облисполкома предлагает в этих графах, кроме пометки “спецпереселенец”, указывать положение и занятие данного лица. Управление делами Облисполкома предлагает в этих графах, кроме пометки “спецпереселенец”, указывать положение и занятие до переселения, Например: “крестьянин”, “земледелец”, а затем занятие спецпереселенца в новом месте поселения, например: “рабочий-плотник”, “рабочий-лесоруб”, “рабочий-землекоп” и т.д.»¹⁰⁷

Первоначально на кустарных предприятиях использовался труд женщин, стариков и подростков, о чем свидетельствует специальное постановление № 14 заседания Бюро Уралобкома ВКП(б) от 9 мая 1932 г. Согласно постановлению, хозорганам вменялось: «...там, где по роду производства женщины, старики и подростки не могут быть использованы на основных работах — организовать подсобные мастерские для выработки кустарных изделий, обеспечить их соответствующим сырьем и оборотными денежными средствами»¹⁰⁸. Более того, в одном из циркуляров ГУЛАГа периферийным органам, датированном 10.07.1932 г., определялись категории спецпереселенцев, подлежащие трудоустройству на кустарные предприятия.

Предприятия кустарной промышленности в основном были представлены артелями трудпоселенцев. Они занимались производством хозяйственных и промышленных товаров, строительных и столярных изделий. Среди кустарных предприятий Л.В.Алексеева

выделила несколько видов: промартели, кустарные промысловые артели, неуставные промартели, артели инвалидов, с чем нельзя не согласиться.

Кустарная промышленность в Остяко-Вогульском округе была представлена в 1932 г. различными предприятиями. Функционировали четыре кирпичных завода (три — в Самаровском районе и один — в Березовском), 20 смолодегтярных установок; на них работали более 100 человек. Бондарно-кадочное и клепочное производство было представлено 15 мастерскими, в которых работали 176 рабочих. Ими было изготовлено 54,3 тыс. бочек и 2,2 тыс. кадок. Имелось 8 столярных мастерских, количество рабочих в них составляло 96 человек. В 1933 г. в Остяко-Вогульском округе насчитывалось 46 крупных промартелей с числом рабочих 328 человек.

В начале 1930-х гг. одним из первых предприятий местной промышленности в Остяко-Вогульском округе стал Самаровский лесозавод, являвшийся подсобным предприятием консервного комбината, а также в некоторых пунктах Самаровского и Кондинского районов были сооружены небольшие маслозаводы, снабженные всего лишь сепараторами для перерабатывания молока в сливки, а затем в масло. Однако следует отметить, что отдельные Уральские областные организации планировали развитие кустарного производства уже весной 1931 г., например, Уралпромкредит. Так, в докладной записке Уралсовету от 7.04.1931 г. председатель правления Уралпромкредсоюза Бретт докладывал о том, что наличие благоприятных экономических предпосылок (наличие на месте производственного сырья, свободной рабочей силы, малоемкой для других производств, а также квалифицированных специалистов по всем видам производств) давало возможность при минимальных капиталовложениях развернуть в большей части северных районов, в основном в местах лесоразработок, кустарные производства и промыслы¹⁰⁹.

Согласно Положению о кустарно-промысловом цехе в неуставных сельхозартелях из спецпереселенцев от 21 января 1933 г., кустарные промыслы в неуставных сельхозартелях из спецпереселенцев организовывали в виде хозрасчетного цеха¹¹⁰.

Необходимость развития кустарной промышленности в округе диктовалась большой потребностью рыбной, лесной и других

видов промышленности в обозах, твердой и мягкой таре, а также в бондарных и щепных изделиях.

Уже тогда, в 1931 г., на основании этих экономических предпосылок Уралпромкредсоюз наметил ориентировочный план развития кустарных промыслов по следующим основным отраслям:

1. Бондарное производство, в том числе и твердая тара.
2. Производство группы щепных изделий массового потребления.
3. Мочало-рогожное производство.
4. Лаптеплетение.
5. Сетевязание.
6. Обозостроение, в том числе санное производство.

Наряду с развитием данных отраслей с целью создания сырьевой базы и выработки подсобных материалов планировалось вести заготовки обруча и клепки для бондарного производства, лыка и корья для кожевенной промышленности, а также заготовки хмеля, кедрового ореха, ягод и грибов, лекарственного сырья.

Планировалось также по мере выявления экономической базы на местах развивать и такие виды производства, как: углежжение, лесохимическое, кирпичное, гончарное, столярное, а также производство рыбацких лодок, поделка твердой тары и даже игрушечное производство. Причем стоимость изготавливаемой продукции при всех затратах на развитие местных кустарных производств, по подсчетам Уралпромкредсоюза, была ниже на 30% стоимости той же продукции, принимаемой от кустарей-одиночек¹¹¹.

Уже в 1932 г. Остяко-Вогульский окротдел докладывал начальнику ГПУ по Уралу Чердакову о преимуществах местной кустарной промышленности. В частности, говорилось о налаживании кирпичного производства, себестоимость которого удалось снизить по сравнению с привозным кирпичом в три раза. В этом же документе говорилось и о проблеме вывоза некоторых изделий кустарной промышленности за пределы Остяко-Вогульского округа в южные районы Уральской области из-за недостатка транспорта, а также о проблеме отсутствия долгосрочных кредитов и ссуд. Эти обстоятельства приводили к тому, что изделия, которые своевременно не были реализованы на местных рынках, не реализовывались вовсе: «...имеет место затоваривание по кирпичному производству гончарных и столярных изделий в нынешний год до 35 000 руб.»¹¹².

Полагаем, что затоваривание можно объяснить низкой покупательной способностью местного населения, а также затруднениями транспортировки товаров кустарного производства в соседние округа. Свидетельством данного факта может служить комплексный план развития основных отраслей хозяйства Остяко-Вогульского округа на 1933 г. и данные о его выполнении. В частности, в документе указывалось следующее: «Транспортные затруднения имеют значительные влияния на реализацию готовой продукции, в силу чего задерживается большое количество готовой продукции на складах. Главным образом задерживаются изделия (бочко-тара) для Ямальского округа»¹¹³.

Из документов следует, что местные власти уже на 1933 г. разработали план по изготовлению кустарных изделий. Об этом свидетельствует резолюция заседания бюро Самаровского РК ВКП(б) от 1 декабря 1932 г., предусматривавшая увеличение планов производства предметов кустарного изготовления.

Производственное руководство сельхозартелями возлагалось на комендантов поселков, в которых такие артели создавались. Цеховое же руководство внутри артели осуществлял заведующий производством, который подчинялся уполномоченному сельскохозяйственной артели. В качестве кооперативной ячейки цеха руководствовались указаниями ближайшего кустарно-промышленного союза. Продукция цехов в первую очередь реализовывалась в пределах данной артели, а в случае отсутствия спроса в артели на изделия цеха они реализовались на ближайшем колхозном рынке. Основными предприятиями кустарной промышленности в Остяко-Вогульске выступали кирпичный и мыловаренный «заводы».

Анализ документов помог выявить информацию, отражавшую недочеты в работе кустарной промышленности, сводившиеся к безответственности руководителей и отсутствию планирования. Указывалось на отсутствие социализации и неиспользование методов социалистического труда. Любопытно заметить, что обращалось внимание на недооценку некоторыми вышестоящими начальниками значения развития кустарных промыслов, а также плохое снабжение спецпереселенцев, отсутствие премирования. Так, например, в директиве представительства по Уралу ОСП в Уралобком ВКП(б) от 10.12.1932 г. по результатам проведенной проверки говорилось: «... В части организации кустарных промыслов

по выработке продукции для нужд Обьрыбтреста, а также и предоставления заработка малотрудоспособному контингенту ничего не делается. Вместо организации своих смолокурен для выгонки повседневной необходимой промыслам смолы — смолу покупают у одиночек-спецпереселенцев, причем деньги за смолу не выплачивают до 3-х месяцев»¹¹⁴.

Такая же ситуация была и в лесной промышленности. В приказе № 77 по Уральско-Обскому Государственному Лесному и Деревообрабатывающему Тресту «Уралоблес» от 31.10.1932 г. отмечалось, что: «...Несмотря на ряд распоряжений треста о развертывании производства ширпотреба (17/07 и 7/08 за № 103/1) предприятия треста столь важному мероприятию правительства соответствующего значения не придали, в результате чего выработка продукции ширпотреба в 3-м квартале по тресту выражается в сумме 90 576 руб. или 49,6%, причем процент выполнения по отдельным предприятиям сильно колеблется»¹¹⁵.

В том же документе приводились сведения о производстве ширпотреба по ЛПХ Уралоблестреста за октябрь 1932 г.

Таблица 14

**Производство ширпотреба по ЛПХ Уралоблестреста
за октябрь 1932 г.**¹¹⁶

Предприятия	План 4 квартала	Фактич. выполн.	% выполн.
Тобольский ЛПХ	65500	1330	2,0
Вагайский	30000	3182	10,3
Уватский	6000	152	2,5
Самаровский	35500	5244	14,8
Сургутский	33900	896	2,6
Березовский	5100	100	1,9
Лесозавод	70000	12813	18,3
Итого	246000	23717	52,4

Из таблицы видно, в каком зачаточном состоянии находились предприятия местной промышленности в Обь-Иртышском регионе. Производственные планы были завышены, не учитывали реальной экономической обстановки.

В обзоре территориального, экономического, политического, хозяйственного состояния Остяко-Вогульского округа с 1931 по

1933 г. указывалось, что развитие кустарной промышленности определялось развивающимся строительством, развитием рыбного и охотничьего хозяйств и возрастающей ролью сельского хозяйства. Основными предметами кустарного производства являлись: кирпич, смола, деготь, лодки, бочки, сани, телеги, мебель и предметы домашнего обихода. Анализ данного документа дает нам некоторую характеристику развития кустарной промышленности в Остяко-Вогульском округе в 1931—1933 гг.¹¹⁷

Из данных, представленных в документе, можно сделать вывод, что если в 1931 г. предприятий кустарной промышленности в Остяко-Вогульском округе насчитывалось 13, то в 1932 г. их было 23, а к 1933 г. количество предприятий возросло вдвое и составило 46. Причем, по сведениям, содержащимся в документе, в это число не вошли мелкие, так называемые случайные, т.е. не оформившиеся предприятия, такие как лодочные и тележные мастерские, хлебопекарни и др.¹¹⁸

Анализ документов позволил сформулировать вывод, что количество произведенной продукции кустарной промышленности в округе увеличилось с 234,4 тыс. руб. в 1931 г., до 784,5 тыс. руб. в 1932 г., причем в 1933 г. из запланированных 1 364,52 тыс. руб. была выполнена только треть плана, а именно — 404,4 тыс. руб.

Обнаруженные нами документы помогли выявить ряд причин невыполнения плана в кустарной промышленности, одной из которых явилась недостаточная численность работников, занятых на кустарных предприятиях.

Вопреки изначально заложенной идее кустарного производства — как хозяйственной деятельности крестьянской семьи, не связанной с земледелием, в условиях организации подневольной системы труда кустари работали не на себя и свою семью, а выполняли производственные задания, поставленные перед ними органами местной власти.

Количество занятых в кустарных производствах не могло быть высоким, так как основная масса трудоспособных спецпереселенцев (трудпоселенцев) направлялась в наиболее важные отрасли хозяйства. Процент нетрудоспособных, главным образом, распространялся на детей, которых еще нельзя было привлечь к работе в артелях.

Количество спецпереселенцев, занятых в кустарной промышленности Остяко-Вогульского округа, можно представить в виде таблицы:

Таблица 15

Численность спецпереселенцев, занятых в кустарной промышленности Остяко-Вогульского округа (1931—1933 гг.)¹¹⁹

№ п/п	Виды продукции	Занято рабочих		
		1931	1932	1933
1.	Бондарная	7	195	50
2.	Смолокурная	30	39	17
3.	Лодочная	25	13	8
4.	Обозостроение	—	9	7
5.	Рогожная	—	9	10
6.	Кирпичная	160	110	30
7.	Гончарная	—	29	35
8.	Мебельно-столярная	28	69	74
9.	Кузнечно-слесарная	2	8	6
10.	Обувная	—	31	32
11.	Прочие	22	132	59

Исходя из сведений таблицы, полагаем, что одной из причин невыполнения плана явилось сокращение численности рабочих на кустарных предприятиях в 1933 г., которая составила 328 человек. В 1932 г. в кустарной промышленности трудилось 644 человека.

Всего же в кустарной промышленности Остяко-Вогульского округа в 1931—1933 гг. было занято 1886 человек.

Еще одной, не менее важной причиной низкого выполнения плана по выработке изделий кустарного производства в рассматриваемый период, на наш взгляд, явилось недостаточное финансирование кустарной промышленности Остяко-Вогульского округа. Анализ документов показал, что планируемые суммы капиталовложений в кустарную промышленность удовлетворялись в 1931 г. в размере 65,6%, в 1933 г. — 19,3%, а в 1932 г. капиталовложений в кустарную промышленность вообще не производилось.

Изделия кустарного производства, выполненные спецпереселенцами, выделялись отличным качеством, что не осталось незамеченным даже партийными органами.

Привлечение и анализ новых документов позволяет сделать вывод, что кустарная промышленность Обь-Иртышского Севера, особенно в первые годы крестьянской ссылки, была поставлена в такие условия, в которых об успешности развития кустарного производства не могло идти речи.

Однако спецпереселенцы по возможности вносили свой вклад в обеспечение населения промтоварами.

Спецпереселенцы составили основную рабочую силу в общественном производстве округа. В лесной, рыбной промышленности и строительстве в рассматриваемый период было задействовано 43 837 человек. В аграрном производстве трудилось 11 400 человек. На кустарных промыслах было занято 1 886 спецпереселенцев.

Динамика развития рыбной промышленности, лесозаготовок, строительства, кустарного производства свидетельствует о решающей роли спецпереселенцев в экономическом развитии округа в 1930—1933 гг., что заложило основы для модернизации региона.

Примечания

¹ Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО). Ф. 1785. Оп. 5. Д. 3. Л. 58.

² Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. Екатеринбург, 1997. Кн. 2. Апогей. С. 87.

³ Там же.

⁴ Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 88. Оп. 21. Д. 51. Л. 92—101.

⁵ Там же.

⁶ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г.: Сб. докладов / Сост. С.А.Красильников, В.Л.Кузнецова. Новосибирск, 1992. С. 20.

⁷ ГАТО. Ф. 1785. Оп. 5. Д. 3. Л. 4.

⁸ Государственный архив общественно-политических объединений Тюменской области (далее — ГАОПОТО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 972. Л. 60.

⁹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 52.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГАТО. Ф. 1785. Оп. 5. Д. 3. Л. 1.

¹² Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург, 2003. С. 199.

¹³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 52.

¹⁴ ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 24. Л. 43.

- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. 1785. Оп. 5. Д. 96а. Л. 2.
- ¹⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 133. Л. 6.
- ¹⁸ Там же. Д. 348. Л. 87.
- ¹⁹ Алексеева Л.В. Экономическое развитие ... С. 199.
- ²⁰ Там же. С. 200.
- ²¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 348. Л. 87.
- ²² Там же. Оп. 9. Д. 218. Л. 262.
- ²³ Там же. Д. 945. Л. 115—116.
- ²⁴ ГАТО. Ф. 1785. Оп. 5. Д. 45. Л. 23.
- ²⁵ Там же. Д. 18. Л. 43.
- ²⁶ ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 24. Л. 43.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004. С. 195.
- ²⁹ ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 23. Л. 88.
- ³⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 232.
- ³¹ Алексеева Л.В. Экономическое развитие ... С. 198.
- ³² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 52.
- ³³ Алексеева Л.В. Экономическое развитие ... С. 200.
- ³⁴ ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 24. Л. 43.
- ³⁵ Горшков С.В., Попов Н.Н. Советская ссылка на Обь-Иртышский Север (1920—1960) // Русские старожилы. Тобольск; Омск, 2000. С. 236.
- ³⁶ ГАСО. Ф. 88. Оп. 21. Д. 64. Л. 15.
- ³⁷ Там же. Л. 81.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Алексеева Л.В. Экономическое развитие ... С. 201.
- ⁴⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 348.
- ⁴¹ ГАСО. Ф. 88. Оп. 21. Д. 63. Л. 72.
- ⁴² ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 23. Л. 217.
- ⁴³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 264.
- ⁴⁴ Славко Т.И., Бедель А.Э. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930—1936 гг.). Екатеринбург. 1993. С. 39.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Алексеева Л.В. Экономическое развитие ... С. 202.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Патранова В. Аура Перековки // Новости Югры. 2001. 30 октября.
- ⁵¹ ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 110. Л. 50.
- ⁵² Иваненко А.С., Иваненко В.Е. Сельское хозяйство Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) национального округа в 1930-е гг. // Северо-Западная Сибирь в прошлом и настоящем: Сб. мат-лов регион. науч. конф., посвященной 35-летию г. Нижневартовска. Нижневартовск, 2007. С. 16—19.
- ⁵³ Алексеева Л.В. О сельском хозяйстве Тобольского Севера в XIX — нач. XX вв. // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Екатеринбург, 1999. Вып. 2. С. 27.

- ⁵⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 21. Д. 51. Л. 186.
- ⁵⁵ Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных ... С. 151.
- ⁵⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 164. Л. 170.
- ⁵⁷ Алексеева Л.В. Экономическое развитие ... С. 191.
- ⁵⁸ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927—1932 гг. / Под ред. В.П.Данилова, Н.А.Ивницкого. М., 1989. С. 382.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири ... С. 40.
- ⁶² ГАТО. Ф. 1785. Оп. 5. Д. 107. Л. 90.
- ⁶³ ГАСО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 1244. Л. 3 об.
- ⁶⁴ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание... С. 230.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Алексеева Л.В. Экономическое развитие ... С. 194.
- ⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 11. Л. 17.
- ⁷⁰ Алексеева Л.В. Экономическое развитие ... С. 194.
- ⁷¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же. Л. 27.
- ⁷⁴ ГАТО. Ф. 1785. Оп. 5. Д. 58. Л. 45—46.
- ⁷⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 2. С. 27.
- ⁷⁶ ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 23. Л. 217.
- ⁷⁷ Славко Т.И., Бедель А.Э. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале... С. 59.
- ⁷⁸ ГАСО. Ф. 20. Оп. 21. Д. 51. Л. 132.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 1715. Оп. 5. Д. 19. Л. 56.
- ⁸⁰ Там же. Ф. Р-88. Оп. 21. Д. 51. Л. 63.
- ⁸¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 266.
- ⁸² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 21. Д. 64. Л. 35.
- ⁸³ Там же. Л. 36.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Алексеева Л.В. Экономическое развитие ... С. 197.
- ⁸⁷ ГАТО. Ф. 434. Оп. 3. Д. 158. Л. 193.
- ⁸⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 21. Д. 51. Л. 63—64.
- ⁸⁹ Алексеева Л.В. Экономическое развитие... С. 192.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Там же. С. 193.
- ⁹² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 21. Д. 51. Л. 64.
- ⁹³ Теплица — тепкое с покрытием из прозрачного материала помещение для выращивания ранних овощей, цветов, теплолюбивых растений (Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2005. С. 826).

⁹⁴ Парник — род теплицы в виде низких гряд, покрытых застекленными рамами, для выращивания рассады и ранних овощей, плодов, зелени, цветов (Там же. С. 496).

⁹⁵ Алексеева Л.В. Экономическое развитие... С. 193.

⁹⁶ Зеленин И.Е. И.В.Сталин и личное подсобное хозяйство крестьянина-колхозника: теория, политика, практика // Документ. Архив. Современность: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2003. Вып. 3. С. 149—148.

⁹⁷ Славко Т.И., Бедель А.Э. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале... С. 59.

⁹⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 21. Д. 51. Л. 65.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Алексеева Л.В. Экономическое развитие ... С. 195.

¹⁰¹ ГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 150. Л. 22.

¹⁰² Кондрашова Л. Влияние ссыльных крестьян на хозяйственное развитие округа // Югра. 1994. № 5. С. 36—41.

¹⁰³ ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 14. Л. 73.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 11. Л. 55.

¹⁰⁵ Сост. по: ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 57. Л. 87—88.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ ГАСО. Ф. 88. Оп. 21. Д. 86. Л. 1.

¹⁰⁸ Там же. Д. 28. Л. 2.

¹⁰⁹ Там же. Ф. Р-8. Оп. 21. Д. 74. Л. 149.

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 11. Л. 55.

¹¹¹ ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 21. Д. 74. Л. 149.

¹¹² Там же.

¹¹³ ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 110. Л. 12.

¹¹⁴ ГАСО. Ф. 88. Оп. 21. Д. 64. Л. 35.

¹¹⁵ Бюллетень треста «Уралобльлес». Тобольск, 1932. 15 ноября. № 1. С. 9.

¹¹⁶ ГАСО. Ф. 88. Оп. 21. Д. 64. С. 23.

¹¹⁷ ГАОПОТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 110. Л. 32.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

Глава 3

МАШИННО-ТРАКТОРНЫЕ СТАНЦИИ ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

МТС накануне войны

В развитии земледелия округа военной поры важную роль сыграли машинно-тракторные станции. Как известно, строительство МТС развернулось в Западной Сибири в 1930 г., а к зиме 1932/33 г. их насчитывалось уже 148. Они обслуживали около 28% колхозов. Первоначально МТС строились как акционерные предприятия с собственностью на паях государства, колхозов и сбытоснабженческой кооперации. Не менее 25% стоимости акций обязано было вносить крестьянское население. Предполагалось, что МТС станут собственностью колхозов после того, как последние погасят их стоимость в течение трех лет. Однако в дальнейшем кооперативная линия развития МТС была признана преждевременной и отменена. Все кооперативные станции перешли к Трактороцентру, который в 1932 г. подвергся реорганизации и оказался в ведении Наркомата земледелия СССР¹.

МТС превратились в государственные предприятия и стали рассматриваться как главный рычаг переустройства сельского хозяйства на социалистический лад. МТС были призваны участвовать в налаживании всей жизни колхозов, оказывать им агрономическую помощь, организовывать ведение хозяйства, учет труда, распределение доходов. Взаимоотношения с колхозами строились на основе договора, предусматривавшего взаимные обязательства. Колхозы платили МТС по твердым государственным расценкам.

Между тем, по оценке А.С.Шевлякова, эти форпосты пролетарского государства в деревне работали в массе своей неудовлетворительно. Нередко МТС выполняли работы некачественно, однако требовать плату с колхозов не забывали. Механизация работ в МТС была низкой, а многие трудоемкие процессы выполнялись на конной тяге или вручную. В целом по колхозам Западной

Сибири в 1933 г. тракторные работы заняли 18% в общем объеме сельскохозяйственных работ. В МТС ощущался хронический дефицит специалистов. Каждый год перед МТС вставала острейшая проблема подготовки кадров массовой квалификации. Трактористы и комбайнеры проходили обучение на краткосрочных курсах, получая лишь минимум знаний и практических навыков. Такая система подготовки была ориентирована на количество кадров, но не на их качество. Тяжелые условия труда и низкие доходы вызывали значительную текучесть работников МТС. В январе 1933 г. решением пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) в МТС создавались политотделы — чрезвычайные органы управления, призванные навести порядок в деревне. К началу 1935 г. они были преобразованы в обычные партийные организации².

В ХМНО первая МТС была организована 1 июля 1931 г. в с.Реполово. Позднее была организована еще одна МТС — в с.Кондинское. В 1933 г. двумя МТС обслуживалось 12 колхозов из 140. Вначале МТС выполняли вспашку, боронование, культивацию, корчевание пней, разработку новых земель. По мере поступления техники и прицепных орудий стали производить скашивание посевов жатками, обмолот стационарными молотилками³. В 1937 г. была образована Микояновская МТС. Перед войной тракторы в СССР работали на различных видах топлива: керосин, лигроин, дизельное топливо, бензин, автол, солидол, нигрол, дизельные смазки⁴. В МТС округа тракторы работали на керосине и лигроине.

Таким образом, накануне войны в округе было всего три МТС (Реполовская, Микояновская, Кондинская). Две машинно-тракторные станции относились к системе Наркомзема и одна к ГУСМП⁵. В двух МТС — Реполовской и Кондинской — имелось 16 тракторов, 17 плугов, 4 дисковые бороны, 3 сеялки, 2 катера, ни одной корчевальной машины. «Механизация сельскохозяйственных работ далеко отстает от темпов, установленных правительством, ремонт не обеспечен. Так, обточку коленчатых валов делали в Тюмени. Перебои с горючим. Средствами передвижения и связи не обеспечены, катера старые. Хозяйственное состояние МТС тяжелое, не отвечает задачам развития сельского хозяйства округа» — отмечалось в документах Ханты-Мансийского окрисполкома⁶. В 1939 г. в округ было завезено 4 газогенераторных трактора ЧТЗ и 4 комбайна, в 1940 г. — 1 комбайн. «Производственная

мощность во всех МТС крайне низкая, срывает выполнение заданий по расширению посевных площадей за счет освоения новых земель»⁷ — подчеркивалось на заседании окрисполкома.

Микояновская МТС в 1940 г. обслуживала по договорам 14 колхозов. Горючее получала с окружной нефтебазы (300 км)⁸. Обслуживаемая территория колхозов (пахотные земли) была растянута на 300 км по берегу Оби. Сообщение осуществлялось в летний период только по воде (на катере или барже). Директором МТС являлся Беглов (имя неизвестно. — *прим. Л.В.Алексеевой*). МТС округа имели следующие марки тракторов в следующем количестве: СТЗ — 1, НАТИ керосиновый — 3, ЧТЗ лигроиновый — 2. Нагрузка на 1 трактор составляла: СТЗ — 300 га, НАТИ керосиновый — 711 га, НАТИ лигроиновый — 1 274 га. Стоимость 1 га тракторных работ по вспашке составляла 125 руб. Оплата с колхозов предусматривалась в денежном выражении — 48 845 руб. Работа МТС в основном производилась по освоению новых земель, раскорчевке, вспашке, разработке целины. Всего в МТС округа работало 62 человека⁹.

В 1940 г. в ХМНО услугами трех МТС пользовались 42 колхоза, в 1941 — 68 колхозов. Лучших показателей добились Реполовская и Кондинская МТС. Производственный план ими был выполнен на 150 и 152% соответственно¹⁰.

Тракторный парк МТС в годы войны

В стране были распространены следующие марки тракторов: СТЗ-ХТЗ, УНИВЕРСАЛ, СТЗ-НАТИ газогенераторный, ЧТЗ газогенераторный, ЧТЗ карбюраторный, ЧТЗ С 65 дизельный, СТЗ-НАТИ карбюраторный¹¹.

В годы войны в четырех МТС Ханты-Мансийского округа (Реполовская, Кондинская, Микояновская и Сургутская) работало примерно 50 тракторов с суммарной мощностью в 1 558 лошадиных сил. По данным Ханты-Мансийского окрисполкома, МТС округа располагали следующими моделями тракторов (см. табл. 1).

Тракторы МТС ХМНО в годы ВОВ¹²

№	Марка трактора	Количество
1	СХТЗ (колесный)	11
2	ЧТЗ С-60 лигроиновый ¹³	11
3	ХТЗ НАТИ Т2Г	18
4	СТЗ НАТИ керосиновый	3
5	Универсал У-2	1
6	ЧТЗ СГ-65	7
	Итого	51

Таким образом, в округе работало 2 вида тракторов, различавшихся по способу сжигания горючего: карбюраторные, работавшие на светлом горючем (лигроин, керосин), и газогенераторные; два вида, различавшихся по ходовому устройству: гусеничные и на железных колесах. Различались тракторы и по мощности. СХТЗ — трактор средней мощности, ЧТЗ-60 — более мощный. Универсал-2 — трактор пропашного типа, обладал меньшей мощностью, чем ЧТЗ. Скорость СХТЗ, Универсал У-2, ЧТЗ СГ-65 была от 6 до 7,5 км/ч. Остальные марки тракторов имели еще более низкую скорость (от 3 до 4,8 км/ч), т.е. скорость была та же, что и у рабочего скота¹⁴.

Приказ НКЗ СССР от 19.11.1942 г. требовал произвести учет тракторов и тракторного имущества во всех МТС. Согласно этому приказу, Омский ОБЛЗО издал 2 декабря 1942 г. подобный документ по МТС области, в котором указывалось, что в срок до 1 января 1943 г. должен быть произведен учет тракторов и тракторного имущества во всех МТС Омской области¹⁵.

В информационном отчете ОКРЗО за 1943 г. подчеркивалось, что механизация существующих в округе четырех МТС ничтожна. В 1943 г. имелось 50 тракторов, 12 комбайнов и 4 тракторных молотилки¹⁶. Исходя из общей посевной площади округа (17 769 га), на 1 трактор приходилось 355 га земли, на 1 комбайн — 1 480 га, на 1 молотилку — 4 442 га. По посевной площади, обслуживаемой МТС (9 050 га): на 1 трактор — 181 га, на 1 комбайн — 754 га, на 1 молотилку — 2 262 га.

На 1 февраля 1945 г. в Микояновской МТС насчитывалось исправных тракторов: колесный трактор — 1, гусеничный «Сталинец» ЧТЗ 48/60 л.с. — 1, лигроиновый — 1; СТЗ-НАТИ карбюраторных 32/46 л.с. — 3, СТЗ-НАТИ газогенераторных 27/40 л.с. — 2. Итого гусеничных тракторов — 7, комбайнов — 2¹⁷.

Из справки Омского обкома ВКП(б) «О результатах проверки Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б)» (июнь 1944 г.) следует, что в округе имелось 50 тракторов и 12 комбайнов, 75 тракторных плугов, 21 тракторная сеялка, 21 тракторный культиватор, 10 лущильщиков и 4 тракторных молотилки¹⁸.

МТС округа имели 4 катера (по одному на МТС), 4 двигателя судовых и 4 паузка (грузоподъемностью от 10 до 50 т)¹⁹.

Таким образом, за годы войны МТС округа не получили новых тракторов, работали с теми машинами, которые поступили в довоенный период.

Обеспечение МТС нефтепродуктами и альтернативными видами топлива

Серьезные трудности возникли со снабжением МТС горюче-смазочными материалами. Горючего катастрофически не хватало. Это было характерно для районов Сибири в целом²⁰. Накануне весеннего сева 1942 г. обеспеченность бензином в Омской области сократилась на 72,1%²¹. Вводился строгий учет нефтепродуктов. Например, при проверке Микояновской МТС в 1942 г. инвентаризацию горюче-смазочных материалов рекомендовалось проводить по месяцам²². Были установлены жесткие нормы расхода горючего, за перерасход горючего могли наложить штраф²³.

Нефтетара была представлена самыми простыми емкостями. Стационарная нефтетара, которой располагала Микояновская МТС: цистерны горизонтальные до 5 м³ — 2 шт., от 11 до 30 м³ — 1 шт. Передвижная нефтетара, находившаяся в распоряжении МТС: железные бочки — 225 шт., деревянные бочки — 35 шт. Один насос ручной с диаметром трубы до 1 дюйма²⁴.

В условиях дефицита нефтяного топлива специалистами предлагались альтернативные топливные ресурсы. Уже в начале 1942 г. была поставлена задача перевода автотракторного парка в сельском хозяйстве на газогенераторное топливо. Работавшие на тот

момент в сельском хозяйстве газогенераторные тракторы были рассчитаны на отопление древесным топливом — чурками, влажностью в 15—20%. Без конструктивных изменений отдельных частей тракторов использование других видов топлива (торф, бурый уголь, антрацит) одним и тем же трактором было затруднительно²⁵. Для того, чтобы предложить и осуществить такие конструктивные решения, требовались инженеры, следовательно, для массовой практики это было едва ли возможно.

Центральные органы власти требовали в качестве топлива для газогенераторных тракторов использовать в большей мере дрова (Приказ НКЗ СССР от 25.11.1942 г.). В этой связи бюро Омского обкома ВКП (б) приняло решение от 26.08.1942 г. В нем указывалось: «Предложить директорам МТС до 15 сентября с.г. произвести заготовку чурок для газогенераторных тракторов в размере не менее 3-месячной потребности. Заготовку чурок производить строго по установленному стандарту. Не допускать работы тракторов на сырой и нестандартной чурке. Запретить хранение чурок в тракторных бригадах под открытым небом, для чего построить временные навесы или специальные передвижные будки для хранения чурок»²⁶. Чурки должны быть хорошо просушены. Чем лучше просушены чурки, тем лучше работают тракторы. Толщина плашки рекомендовалась от 4 до 7 см²⁷.

План заготовки дров для газогенераторных тракторов на 1942 г. составил по МТС округа: Кондинская — 2 200 м³, Реполовская — 1 500 м³, Микояновская — 1000 м³, Сургутская — 2500 м³. План утверждался облисполкомом²⁸.

В приказе Омского ОБЛЗО № 20 от 11 февраля 1943 г. вновь отражен вопрос о переводе тракторов СХТЗ на газогенераторное топливо. Требовалось переоборудовать тракторы под новый вид топлива и подготовить для этих целей механиков и трактористов. Заготовка топлива возлагалась на колхозы, которые должны были доставить дрова к месту работы тракторов²⁹.

Ремонт тракторов

Ремонту подлежали практически все машины. Осуществлялось два вида ремонта: капитальный и текущий. Основные запчасти,

необходимые для ремонта тракторов, были следующие: газоустановки, поршневые группы, звенья гусениц, опорные катки, роликоподшипники, шарикоподшипники. Для ремонта требовались инструменты: напильники, сверла, дрели, метчики, клуппы нарезные, полотна ножевочные, развертки³⁰. Производство запасных частей для тракторов в стране сократилось в 5 раз, по многим основным деталям в 10—15 раз³¹. Со снабжением МТС запчастями возникли серьезные трудности.

Решение Омского облисполкома от 16.10.1941 г. «Об обеспечении запасными частями к тракторам МТС Ханты-Мансийского округа в период осенне-зимнего ремонта 1941—1942 гг.» содержало следующие предписания:

«1. Обязать Омскую областную контору обеспечить Сельхозснаб в Самаровское отделение до начала ремонта доставку запчастей, удовлетворяющих полную потребность.

2. Омской конторе Автотракторснаба отпустить по заявкам Сельхозснаба запчасти»³².

Таблица 2

Задание Омского облисполкома по ремонту тракторов МТС Ханты-Мансийского округа³³

МТС	Всего	Капитальный	Текущий
Кондинская	10	4	6
Реполовская	10	3	7
Микояновская	5	1	4
Сургутская	—	—	—
ИТОГО	25	8	17

Всего подлежало ремонту 25 тракторов, в том числе капитальному — 8.

Решение объединенного заседания Ханты-Мансийского ОК ВКП(б) и Окрисполкома от 22 октября 1941 г. довело плановые задания по ремонту тракторов МТС. Директорам МТС предписывалось:

1. Обеспечить через ремонтные мастерские сбор тракторных частей, подлежащих реставрации, и организованно отправлять их в ближайшие МТС.

2. Провести тщательную инвентаризацию всех запасных частей, проверить все ранее выбракованные детали и пригодные восстановить для использования на ремонте тракторов. Особенно внимательно огнестись к восстановлению деталей из цветных металлов и специальных сталей.

3. Обеспечить рабочее место каждому ремонтному рабочему.

4. В целях укрепления финансового состояния МТС и быстрого движения ремонтных работ проверить взаиморасчеты с колхозами за проведенные работы МТС и принять решительные меры к ликвидации дебиторской задолженности.

Сельхозснабу вменялось в обязанность снабжение МТС необходимыми запасными частями и материалами. Предлагалось организовать партийно-массовую работу среди рабочих и служащих МТС, чтобы качественно выполнить ремонт³⁴.

МТС зачастую не могли осуществлять ремонт по объективным причинам: не было надлежащих условий и запчастей. Ни к одной базе «Автотрактородеталь» они не были прикреплены, заботы о них никто не проявлял³⁵.

Повсеместно наблюдалось низкое качество ремонта тракторов, которое связывалось с отсутствием главных запасных частей к тракторам, особенно к таким маркам, как СТЗ-НАТИ, СТЗ Т-2-Г (поршневые группы, бункера, трубки радиаторов и др.), которые с 1941 г. не завозились. Существенным недостатком являлось отсутствие ремонтно-технической базы. В округе не было ни одной МТМ, вследствие чего ремонт моторов МТС вынуждены были производить в г.Тобольске, за 700 км и более от МТС, а текущий ремонт производился силами МТС в плохо оборудованных мастерских, некоторые из которых (мастерская Сургутской МТС) напоминали плохую колхозную кузницу, в которой не имелось даже наковальни и тисков, не говоря о каких-либо станках. Текущий ремонт во время полевых работ производился несвоевременно, это было связано с тем, что радиус обслуживания колхозов МТС очень большой. От центральной усадьбы МТС тракторы находились на расстоянии 150—200 км, и переброска их в летнее время представляла большие трудности из-за отсутствия в МТС надлежащего водного транспорта³⁶.

Таблица 3

Ремонт тракторов МТС округа к 20 апреля 1943 г.³⁷

МТС	План	Фактическое выполнение	Выполнение в %
Кондинская	16	16	100
Реполовская	14	13	92,5
Микояновская	8	6	75
Сургутская	12	9	75
Всего	50	44	88

При подготовке к посевной кампании 1944 г. тракторный парк МТС округа был отремонтирован на 66%³⁸.

Прицепной инвентарь

Тракторный парк был скудно обеспечен прицепным инвентарем (см. табл. 4).

Таблица 4

Прицепной инвентарь тракторов МТС ХМНО³⁹

№	Наименование	Количество
1	Плуги:	
	КБ-56	24
	Оригинальный 5-корпусный	20
	3—4-корпусный	29
2	Луцильщики ЛК-25	7
3	Сеялки 24-28-рядные	24
4	Бороны:	
	Дисковые	22
	Зиг-заг	68
	Корчевальные	2
5	Культиваторы УК-17	10

Особенно острый недостаток испытывали МТС во всякого рода корчевальных машинах: кустарниковых и болотных плугах, корчевальных боронах (последних в округе имелось только 2). Следовательно, недоставало орудий для освоения новых земель, а это и было главной задачей МТС в годы войны.

Наличие инвентаря в МТС можно проследить на примере Микояновской машинно-тракторной станции (см. табл. 5).

Таблица 5

Инвентарь Микояновской МТС в 1945 г.⁴⁰

1	Плуги 3-корпусные	2
2	Плуги 4-корпусные	3
3	Плуги 5-корпусные	2
4	Прочие плуги	13
5	Лушительщики тракторные 5-корпусные	3
6	Бороны 41-дисковые	6
7	Бороны зиг-заг	32
8	Посевные машины тракторные 52-рядные типа Камыщенко	4
9	Культиваторы УКС-2 12-рядные	2
10	Культиваторы навесные № 408	1
11	Сенокосилки широкозахватные	1
12	Сенные прессы механические	1
13	Триеры (зерноочистительная установка)	1
14	Картофелекопатель двухрядный	2
15	Кусторез	1
16	Соломорезка	1

Хуже всего обеспечена инвентарем была Сургутская МТС. Как следует из приказа № 69 от 16 марта 1943 г. Омского ОБЛЗО, для укомплектования Сургутской МТС из Микояновской передавалось два кустарниковых плуга; из Алымской МТС — 5 кустарниковых плугов, две 24-рядных сеялки и 1 комбайн; из Дубровинской МТС — три 24-рядных сеялки и 1 комбайн. В том же приказе Сургутской МТС разрешалось приобретение в Тарском сельхозснабе двух кустарниковых плугов, а в Самаровском отделении — двух картофелекопалок⁴¹.

Ремонт прицепного инвентаря

Решение Ханты-Мансийского окрисполкома от 29 ноября 1941 г. было направлено на обеспечение ремонта прицепного сельхозинвентаря в МТС и колхозах округа. План ОКРЗО по ремонту прицепного сельхозинвентаря на 1942 г. представлен в таблице 6.

Таблица 6

План ремонта прицепного сельхозинвентаря в МТС на 1942 г.⁴²

№	Наименование	Количество
1	Плуги	38
2	Культиваторы	11
3	Плуги кустарные	15
4	Корчевальные бороны	2
5	Дисковые бороны	15
6	Сеялки тракторные	12
7	Бороны зиг-заг	32

Подлежащий ремонту инвентарь требовалось доставить на усадьбы МТС. Там предполагалось оборудовать мастерские и кузницы, выделив ответственных за ремонт инвентаря лиц. План для каждой МТС прилагался отдельно (см. табл. 7).

Таблица 7

Ремонт прицепного инвентаря МТС к 20 апреля 1943 г.⁴³

МТС	Плуги		Культиваторы		Сеялки	
	План	Фактически отремонтировано	План	Фактически отремонтировано	План	Фактически отремонтировано
Кондинская	21	26	8	8	8	8
Реполовская	28	27	6	6	9	9
Микояновская	12	10	—	—	4	4
Сургутская	10	9	5	2	—	—

Всего к посевной кампании 1943 г. было отремонтировано 72 плуга, 16 культиваторов и 21 сеялка.

При подготовке к посевной кампании 1944 г. прицепной инвентарь отремонтирован: по плугам — на 59%, по культиваторам — на 69%, по сеялкам — на 80,9%⁴⁴.

Недостаточное оснащение МТС тракторами и прицепным инвентарем осложнялось не только дефицитом запчастей, но и условиями содержания и хранения техники. Для привлечения внимания к проблеме содержания и ухода за тракторами Омским ОБЛЗО были изданы в 1941 г. книжки технического ухода

за тракторами (распространенных в области марок тракторов). В каждой из этих книжек содержалась выписка из решения № 111-108 Исполкома областного совета от 23 апреля 1941 г. по вопросу о соблюдении правил технического ухода за тракторами. В книжке предлагался график периодичности проведения технического ухода и ремонта с указанием требований и условий⁴⁵.

В дальнейшем были изданы специальные приказы Омского ОБЛЗО от 16 октября 1942 г. «О зимнем хранении тракторов и сельхозмашин» и от 21 декабря 1942 г. «О хранении тракторов, комбайнов и сельскохозяйственных машин МТС»⁴⁶. Как следует из документов, многие МТС не имели необходимых помещений для хранения машин в зимнее время. МТС ХМНО не являлись исключением. Перед постановкой тракторов на зиму рекомендовалось снимать с них детали и узлы, обеспечивающие работу трактора. За оставление трактора в безнадзорном состоянии могли привлечь к судебной ответственности⁴⁷. Требовалось свозить все тракторы и машины на зимнее хранение на центральную усадьбу МТС. Допускалось хранение и в колхозах, если имелись сараи и навесы. Разрешалось и безгаражное хранение тракторов⁴⁸.

Виды работ, выполняемых МТС округа

Работа МТС по освоению новых земель была в числе приоритетных. Процесс освоения новых земель в первую очередь включал корчевание пней и кустарников. Большую работу по освоению новых земель осуществляла Микояновская МТС, освоившая за 1941—1943 гг. 1 091 га — на 150% больше, чем в период с 1938 г. по 1940 г. В результате колхозы, обслуживаемые этой МТС, увеличили посевные площади на 200%: с 746 га в 1941 г. до 1510 га в 1943 г.⁴⁹

Реполовская, Кондинская, Микояновская и Сургутская МТС в 1943 г. провели раскорчевку в объеме 219,5 га (по плану — 622 га). Процент выполнения плана составил 35,3%. Ими же осуществлялся подъем целинных земель. По плану МТС должны были распахать 1 890 га, удалось распахать 609 га, или 32% к плану⁵⁰.

За 1943—1944 гг. механизаторы Сургутской МТС освоили 225 га новых земель⁵¹.

Другие виды работ, выполняемые МТС: весновспашка, пере-
пашка, боронование, предпосевная культивация, посев яровых,
скашивание посевов и обмолот, а также сенокошение. За 1941 г.
МТС округа выполнили следующие виды работ:

Таблица 8

Работа МТС округа за 1941 г.⁵²

№	Виды работ	Объем
1	весновспашка	717 га
2	предпосевная культивация	820 га
3	посев яровых	358 га
4	обмолот зерновых молотилками	4 100 ц
5	раскорчевка	104 га
6	подъем целины	184 га

Письмо ЦК ВКП (б) от 28 июля 1942 г. «Об организации и
проведении уборки без потерь» в том числе предназначалось и
начальникам политотделов МТС. В нем указывалось:

1. Не допускать простоя и осыпания зерна на корню.
2. Привлечь школьников к сбору колосьев.
3. Вести строгий учет и охрану хлеба на токах⁵³.

Облисполком разработал для МТС округа следующие планы
на 1942 г. (см. табл. 9).

Таблица 9

Тракторные работы МТС ХМНО на 1942 г. (в га)⁵⁴

МТС	Годовой объем работ по мягкой пахоте	В т.ч. на газогенераторных тракторах	Молотьба
Реполовская	8 100	2 700	910
Кондинская	9 720	4 700	
Микояновская	5 100	1 100	
Сургутская	4 500	4 500	

Предложенный план явно не учитывал возможности МТС ок-
руга и был нереальным к исполнению.

Бухгалтерский годовой отчет Микояновской МТС за 1942 г.
дает представление о работе станции. План по пахоте выполнен

на 101,7% (5 187,25 га), намолочено комбайном 175,69 т зерна. План раскорчевки выполнен на 376% (86,46 га). Не производились плановые работы по предпосевной культивации, весновспашке, подъему паров. Затраты на 1 га составили 56 руб. 99 коп. при норме 51 руб. 28 коп.⁵⁵

Таблица 10

Работа МТС за 1940—1944 гг. по мягкой пахоте (в га и %)⁵⁶

МТС	1940	1941	1942	1943	1944
Реполовская	685,8 (94,2%)	454,9 (150%)	759,5 (90,%)	392,4 (59,1%)	217,1 (39,4%)
Кондинская	1 240,3 (142%)	1 453,4 (152%)	1 080,3 (111%)	455,7 (53,7%)	625,0 (77,1%)
Микояновская	405,8 (80%)	866,7 (91,4%)	518,5 (101%)	304,6 (68,6%)	232,2 (59,5%)
Сургутская	—	306,3 (91,4%)	147,7 (32,6%)	724 (18%)	54,4 (14,7%)
Итого	2 331,9 (110,9%)	3 078,54 (141,0%)	2 506,0 (90,3%)	1 236,1 (52%)	1 128,7 (53,2%)

В 1942 г. план был невыполнен на 10%, в 1943 г. на 48%, а в 1944 г. на 46,8%. Высокими были показатели в работе у Микояновской МТС, но и она в 1943—1944 гг. не справилась с планом. Что касается других видов работ, таких как посев яровых, подъем зяби — задания также полностью не выполнены. Справились МТС только с весенней вспашкой (см. табл. 11).

Таблица 11

Выработка на 1 условный трактор по МТС округа в 1943 г. (в га)⁵⁷

МТС	План	Выполнение	% выполнения
Реполовская	246	148	60,1
Кондинская	230	123	53,5
Микояновская	260	178	68,4
Сургутская	181	32,7	18,1

Эти показатели невысокие, особенно по Сургутской МТС. В отчете ОКРЗО по этому поводу замечено: «В Сургутской МТС условный трактор дал за весь сезон всего 32,7 га, несравненно меньше того, что делает наша обская северная лошадь»⁵⁸.

Одной из главных причин столь неудовлетворительной работы по оценке ОКРЗО являлись простои по разным причинам (аварии, отсутствие горючего, масла и запасных частей, плохой ремонт и т.п.), они составили по МТС: Реполовской — 49,5% рабочего времени, Кондинской — 78%, Микояновской — 41%, Сургутской — 82%, что выразилось в количестве тракторосмен: 2 118, 3 692, 1 400 и 2 950 соответственно. В общей сложности из 15 тыс. плановых тракторосмен простои выразились в огромной цифре — 10 160, что составило 67,7% запланированного рабочего времени. В результате простоев оказались не освоены 9 000 га новых земель.

Однако с некоторыми видами работ МТС справились неплохо. Так, Кондинская МТС выполнила культивацию на 103%, дискование весенней вспашки на 172%, вспашку на 100%. Микояновская МТС перевыполнила план дискования и обработки целины. Общими причинами неудовлетворительной работы МТС ОКРЗО назвал: «недостаточное внимание со стороны окружных организаций к деятельности МТС, отсутствие систематического контроля и руководства, отсутствие необходимой оперативности в работе директоров МТС... Особо надо отметить совершенно неудовлетворительную работу Областного земельного управления, в непосредственном ведении которого находятся МТС. Это проявляется и в безобразном и несвоевременном снабжении необходимыми материалами, в частности горючим, засылкой не по надлежащему адресу тех или иных видов горючего, и в позднем отпуске нарядов на него, без учета расстояния и северных условий доставки грузов, и в характерном наконец игнорировании МТС округа... МТС округа не являются еще подлинными организаторами сельскохозяйственного производства в колхозах. Упрощая свою деятельность до роли простых прокатных пунктов, они мало осуществляют возложенную на них важнейшую задачу по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Совершенно недостаточно уделяется внимание организации колхозного труда, постановке учета и отчетности, даже качеству сельхозработ»⁵⁹.

В 1943 г. ЦК ВКП(б) и Советское правительство заслушали отчеты секретарей ряда обкомов и крайкомов. Обращалось внимание на материально-техническое положение сельского хозяйства. В этой связи промышленные предприятия городов Сибири

изготовили и передали, в том числе и МТС, много инструментов, запасных частей, выделили квалифицированных рабочих для проведения ремонта⁶⁰. Однако, была ли оказана соответствующая помощь ХМНО, обнаружить не удалось.

Из справки «О результатах проверки Ханты-Мансийского окружкома ВКП (б)» (июнь 1944 г.) следует, что общий план тракторных работ МТС округа выполнен на 52%, хуже показатели были у Сургутской МТС — 18%, а самые высокие у Кондинской МТС — 53,7%. Наблюдалось неправильное снабжение топливом. Например, наряды на лигроин получали МТС, не имевшие тракторов, работавших на данном виде топлива. Государственная комиссия по приемке тракторов не работала⁶¹.

Итоги работы МТС Омской области были оглашены в докладе начальника ОБЛЗО на седьмой сессии Облсовета 20.01.1944 г. В качестве типичных проблем назывались: перерасход горючего, увеличение себестоимости вспашки, хищения топлива, списание горючего на холостые проезды. В докладе констатировалось ухудшение работы МТС⁶². Указанные явления были характерны и для МТС Ханты-Мансийского национального округа.

Таблица 12

**Выработка на 1 условный трактор по МТС округа
в 1944 г. по мягкой вспашке (в га)⁶³**

МТС	План	Выполнение	% выполнения
Реполовская	240	94	39,1
Кондинская	220	169	76,8
Микояновская	230	131	57,0
Сургутская	170	25	14,7

Показатели в работе МТС округа за 1944 г. несколько выше, чем в 1943 г. Однако, по Сургутской МТС они были самые низкие. Один условный трактор за весь сезон вспахал только 25 га. Причины плохой работы МТС те же, что и в 1943 г. Особенно тревожили простои из-за неисправности тракторов.

План развития сельского хозяйства округа на 1945 г. предусматривал тракторные работы МТС округа по мягкой пахоте в объеме 14 900 га. Молотьба молотилками МТС — 700 т, раскорчевка — 214 га, весновспашка — 2 200 га, предпосевная культивация —

500 га, посев яровых — 1 500 га, подъем пара — 1 400 га, культивация пара — 700 га, перепашка пара — 1 100 га, уборка зернобобовых — 700 га, посев озимых — 925 га, подъем зяби — 1 470 га.

Таблица 13

Распределение плановых занятий 1945 г. по МТС округа (в га)

План	Конд.	Репол.	Сургут.	Микоян.	Всего
Всего мягкой пахоты	6 500	3 700	2 400	2 300	14 900
Освоение новых земель	250	300	230	150	930

Качество работ, связанных с обработкой пашни, оставляло желать лучшего. На окружном совещании специалистов сельского хозяйства 14—15 марта 1944 г. отмечались случаи нарушения агротехнических мероприятий со стороны МТС⁶⁴.

Из бухгалтерского годового отчета Микояновской МТС за 1945 г. следует, что начало весенних полевых работ — 17 мая, окончание — 10 октября. Всего вспахано 2 600 га (по плану — 2900). Тракторов всего 17, в рабочем состоянии — 8; марки тракторов: СХТЗ, ЧТЗ С-60, СТЗ-НАТИ карбюраторный, СТЗ-НАТИ газогенераторный. На капитальном ремонте 3 трактора ЧТЗ, 1 трактор СТЗ, 2 трактора НАТИ газогенераторных; на текущем ремонте: 2 ЧТЗ, 3 НАТИ, 1 ТЗ, 2 НАТИ газогенераторных⁶⁵. Убрано комбайном 40 га зерновых. Израсходовано горючего 340,2 ц⁶⁶.

Проблема повышения производительности труда тракторов в МТС оставалась актуальной. В повышении производительности труда большое значение имел уход за машиной. Несоблюдение ежемесячного технического ухода, ремонт под открытым небом отрицательно сказывались на производительности труда тракторов. Не соблюдались элементарные требования: например, разборка трактора проводилась без предварительной его очистки, снятые части нередко валялись прямо на земле, в пыли и грязи. Ремонт осуществлялся без инструментов, при помощи лома, молотка и зубила. Низкая культура труда находила выражение и в том, что, не имея технических знаний, трактористы допускали случаи расплавки подшипников (происходило это из-за засорения отверстия магистральной трубки, выработки масла в картере и ослаблении крепления картера и люков)⁶⁷.

Финансирование МТС

Финансирование в годы войны осуществлялось на основе довоенных документов. В их числе:

1. Постановление СНК СССР от 5 февраля 1938 г. «О порядке финансирования МТС».
2. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 13 января 1939 г. «О работе МТС».
3. Инструкция «О порядке финансирования МТС», утвержденная СНК 16 мая 1939 г.

Финансирование МТС осуществлялось на основе следующих принципов:

1. МТС — государственное предприятие. Все затраты осуществляются из союзного бюджета.
2. Все доходы МТС принадлежат государству.
3. Отпуск денежных средств осуществляется через Госбанк и Сельхозбанк.
4. Отдельные бюджетные счета на горючее, ремонт, заработную плату, прочие административные и хозяйственные расходы.
5. Средства переводятся МТС ежемесячно⁶⁸.

В 1940 г. объем финансирования из госбюджета МТС округа составлял 1 млн. 24 тыс. руб.⁶⁹ Бухгалтерский годовой отчет Микояновской МТС за 1942 г. свидетельствует, что фактические затраты МТС составили 295 618 руб.⁷⁰ В течение военного времени финансирование МТС округа находилось приблизительно на уровне 1940 г.

Выводы

В годы Великой Отечественной войны в ХМНО работали четыре машинно-тракторные станции. Существовавшие в округе МТС охватывали своей деятельностью сравнительно небольшое количество колхозов, занимавшихся сельским хозяйством. МТС обслуживали 43 из 77 сельхозартелей, 3 из 181 рыболовецкой артели. Всего имели посевы 258 колхозов, МТС обслуживали 46 из них, или 17,8%⁷¹. Рыболовецкие артели, занимающиеся в том числе и земледелием, находились вне сферы воздействия МТС,

исключение составляли 2 артели в Микояновском и 1 артель в Сургутском районах.

Плохое техническое оснащение МТС, поломки тракторов, отсутствие запасных частей, нехватка горючего вели к простоям в их работе. В официальных документах работа МТС округа характеризовалась весьма критично. Так, по результатам работы 1942 г. отмечалось, что Реполовская МТС — самая отстающая⁷². Работа МТС по результатам 1943-го хозяйственного года оценивалась следующим образом: «Далеко неудовлетворительно работали МТС округа. Ни одна МТС не справилась с планом тракторных работ. По округу выполнение составляет 52%, особенно плохо работала Сургутская МТС, выполнившая годовое задание лишь на 18%».

Роль МТС в расширении земель для аграрного освоения территории округа более чем очевидна. Несмотря на многочисленные проблемы, МТС из года в год увеличивали ввод земель в сельскохозяйственный оборот. За 1941—1945 гг. их площадь составила по приблизительным оценкам 2 тыс. га, т.е. 25% от общего размера освоенных земель в округе.

Ежегодно силами МТС осуществлялась вспашка и подготовка полей под посевы, которая в общем объеме посевных площадей в разные годы составляла 15—20%. За 1941—1944 гг. их суммарная площадь составила 7 950 га.

Примечания

¹ Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов. Чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е годы. Томск, 2000. С. 34.

² Там же. С. 34—35.

³ Иваненко А.С. Машинно-тракторные станции // Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 2. С. 181.

⁴ Мацкевич С.П. О типах тракторов в СССР // Колхозное производство. 1943. № 12. С. 3.

⁵ Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (далее — ГАХМАО). Ф. 184. Оп. 1. Д. 23. Л. 47.

⁶ Там же. Л. 47—49.

⁷ Там же. Л. 29, 33.

⁸ Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 9. Л. 17.

⁹ Там же. Л. 3, 17, 21.

¹⁰ Серазетдинов Б.У. Сельское хозяйство в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2001. № 1 (3). С. 72.

¹¹ Казенное учреждение «Исторический архив Омской области» (далее — КУ «ИсАОО»). Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 2687. Л. 61.

¹² ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 257. Л. 145.

¹³ Лигроин — смесь углеводородов, получаемая дистилляцией нефти или газовых конденсатов. Выкипает в пределах 120—140 градусов. Компонент товарных бензинов, осветительных керосинов и реактивных топлив; растворитель, наполнитель жидкостных приборов // Новая иллюстрированная энциклопедия. М., 2002. Т. 10. С. 145.

¹⁴ Мацкевич С.П. О типах тракторов в СССР. С. 5—6.

¹⁵ КУ «ИсАОО». Ф. 1699. Оп. 1. Д. 2336. Л. 63.

¹⁶ ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 655. Л. 10.

¹⁷ Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 12. Л. 12 об.

¹⁸ КУ «ИсАОО». Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3848. Л. 18.

¹⁹ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 257. Л. 145.

²⁰ Базаржапов В.Б. Национальные районы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1981. С. 148.

²¹ Докучаев Г.А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1968. С. 86; Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов Сибири в годы Великой Отечественной войны. С. 26.

²² ГАХМАО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

²³ КУ «ИсАОО». Ф. 1699. Оп. 1. Д. 2638. Л. 159.

²⁴ ГАХМАО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 12. Л. 13.

²⁵ Вайнер М. О перестройке топливной базы сельского хозяйства // Социалистическое сельское хозяйство. 1942. № 1. С. 10.

²⁶ КУ «ИсАОО». Ф. 17. Оп. 1. Д. 3252. Л. 5—6.

²⁷ Вайнер И. Организация заготовки газогенераторного топлива // Колхозное производство. 1945. № 1—2. С. 27.

²⁸ КУ «ИсАОО». Ф. 437. Оп. 14. Д. 379. Л. 104.

²⁹ Там же. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 2638. Л. 130.

³⁰ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 257. Л. 146.

³¹ Докучаев Г.А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. С. 86.

³² КУ «ИсАОО». Ф. 437. Оп. 9. Д. 834. Л. 37.

³³ Там же. Л. 49.

³⁴ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 5.

³⁵ Там же. Д. 236. Л. 39.

³⁶ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 655. Л. 35.

³⁷ Там же. Л. 23 об.

³⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 236. Л. 39.

³⁹ Там же. Д. 257. Л. 145.

⁴⁰ Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 12. Л. 13 об.—14.

⁴¹ КУ «ИсАОО». Ф. 1699. Оп. 1. Д. 2638. Л. 81.

⁴² ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 79.

⁴³ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 655. Л. 23 об.

- ⁴⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 236. Л. 39.
- ⁴⁵ См.: Книжка технического ухода за трактором ХТЗ-Т2Г. Огиз, 1941; Книжка технического ухода за трактором СТЗ-ХТЗ. Огиз, 1941; Книжка технического ухода за трактором ЧТЗ-С-60. Огиз, 1941; Книжка технического ухода за трактором ЧТЗ-С-65. Огиз, 1941.
- ⁴⁶ КУ «ИсАОО». Ф. 1699. Оп. 1. Д. 2336. Л. 170.
- ⁴⁷ Там же. Д. 2638. Л. 15.
- ⁴⁸ Там же. Д. 2336. Л. 170.
- ⁴⁹ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 236. Л. 35.
- ⁵⁰ Там же. Л. 73.
- ⁵¹ Серазетдинов Б.У. Сургутский район в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сб. науч. ст. / Отв. ред. Т.А.Исаева. Сургут, 2004. С. 160.
- ⁵² ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 625. Л. 2.
- ⁵³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. 1941—1952 гг. С. 69—71.
- ⁵⁴ КУ «ИсАОО». Ф. 437. Оп. 14. Д. 379. Л. 96.
- ⁵⁵ ГАХМАО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 11. Л. 3—6.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 655. Л. 11 об., 34.
- ⁵⁷ Там же. Л. 12.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. Л. 13.
- ⁶⁰ Докучаев Г.А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. С. 131.
- ⁶¹ КУ «ИсАОО». Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 3848. Л. 18.
- ⁶² Там же. Ф. 437. Оп. 9. Д. 1091. Л. 16—21.
- ⁶³ ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 655. Л. 34.
- ⁶⁴ Сталинская трибуна. 1944. 17 марта.
- ⁶⁵ ГАХМАО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.
- ⁶⁶ Там же. Л. 5.
- ⁶⁷ Шабалин Н. О повышении производительности тракторов в МТС // Колхозное производство. 1943. № 3—4. С. 22.
- ⁶⁸ Никитин Н. О финансировании МТС // Социалистическое сельское хозяйство. Ежемесячный научно-производственный экономический журнал. Орган Наркомзема СССР. 1942. № 8. С. 55.
- ⁶⁹ ГАХМАО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 9. Л. 21.
- ⁷⁰ Там же. Д. 11. Л. 3—6.
- ⁷¹ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 655. Л. 11.
- ⁷² Сталинская трибуна. 1942. 29 ноября.

Глава 4

ЗАГОТОВКИ СЕЛЬХОЗПРОДУКЦИИ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Становление системы заготовок сельхозпродуктов в округе

Заготовки традиционно являлись важнейшим экономическим показателем советской экономики. Становление системы сельскохозяйственных заготовок в округе следует относить ко второй половине 1930-х гг., когда наладилось общественное сельскохозяйственное производство¹. Сложившаяся система заготовок в округе имела свои отличия и особенности, хотя в заготовительной кампании на территории округа все больше проявлялись тенденции, характерные для заготовок в сельскохозяйственных районах страны. В.А.Ильиных, изучая налоговую политику в Сибири в период 1920—50-х гг., рассматривал, в том числе как одну из ее составляющих, систему заготовок. Им сформулированы базовые принципы налоговой политики сталинского режима².

До войны значительное распространение получили заготовки мясомолочных продуктов. Во второй половине 1930-х гг. организацией заготовок занимался Ишимо-Тобольский маслотрест, бригада которого в составе 5 человек выехала 15 августа 1936 г. в Остяко-Вогульск и 26 числа прибыла на место. Им же было предложено задание на 1937 г. — заготовить 500 ц масла. Тогда же были установлены сепараторы в Остяко-Вогульске для переработки молока в масло, поскольку в документе сообщалось, что «первая партия масла, выработанная на наших заводах, показала, что население довольно, масло свежее и качественное»³. Однако отсутствие оборудования не позволяло хранить молоко, а требовало быстрой доставки и переработки, поэтому заводы размещались с учетом наличия сырья, на месте.

В 1937 г. в Остяко-Вогульске и Самарово были организованы 4 завода, планировалось открыть заводы в Березовском и Ларьякском районах⁴. Потребителями масла являлось население Остяко-Вогульска и Самарово, в другие районы оно не отправлялось, так

как масла производилось мало, и доставка скоропортящегося продукта летом была невозможна.

В конце 1930-х гг. заготовки масла, как показывает таблица 1, существенно возросли. В 1937 г. было заготовлено 4 ц масла, в 1938 г. — 713 ц, 1939 г. — 1 179 ц.

В 1939 г. начал работать Нижневартовский маслозавод, который осуществлял переработку молока, поступавшего от местного населения в форме обязательной сдачи. В первый год работы было принято от населения села Нижневартовского 1 036 л молока. План составлял 4 000 л. Молоко везли в Нижневартовск и жители близлежащих деревень. Средств у завода, чтобы расплатиться со сдатчиками молока, не было. На 1 февраля 1940 г. задолженность маслозавода составляла 12 773 руб. Производственный план завода на 1940 г. по производству масла составлял 160 ц⁶. План не учитывал реальных производственных возможностей общественного животноводства. Для его выполнения население принуждалось к сдаче молока из подсобных хозяйств.

Незадолго до начала войны Экономический Совет при СНК СССР принял постановление № 92 (от 23.01.1941 г.) «О порайонных нормах обязательной поставки молока государству колхозами Омской области». Нормы поставок устанавливались из расчета от 17 до 33 л с одного гектара земельной площади⁷.

Кроме основных видов заготовок все большее внимание уделялось заготовкам ягод, пуха, пера, шерсти, конского и коровьего волоса, картофеля и др.

Накануне войны существовали заготовки двух видов: централизованные и децентрализованные. К децентрализованным относилась заготовка незерновых сельхозпродуктов и разного второстепенного сырья. В 1940 г. по Ларьякскому району план децентрализованных заготовок исчислялся суммой 247,7 тыс. руб. Обеспечить поступление заготовок должны были заготконтора райпо и рыбпродснаб⁸.

Интересно, что начали разворачивать заготовительную деятельность на Севере Западной Сибири предприятия из других регионов СССР. Так, в одной из местных газет было помещено объявление: «К сведению всех организаций, колхозов, колхозников и совхозов. В п.Остяко-Вогульск организована заготконтора второго Тагилторга Уралвагонзавода по децзаготовкам незерновых

с-х продуктов и покупает в неограниченном количестве по установленным государственным ценам: мясо скотское, в т.ч. соленое и копченое. Рогатый и мелкий скот, мясо диких съедобных животных, дичь водоплавающую, грибы сушеные и соленые, крахмал и пр. с-х продукцию»⁹. На заседании исполкома Ларьякского национального совета решался вопрос о допуске Кировоградторга к децентрализованным заготовкам в 1940 г., касающимся незерновых продуктов¹⁰.

Заготовки шерсти стали вводиться со второй половины 1930-х гг., когда в колхозах появилось поголовье овец и произошло некоторое его увеличение в подсобных хозяйствах колхозников и в хозяйствах единоличников. Заготовки шерсти относились к числу обязательных поставок государству. В Ларьякском районе заготовка шерсти в 1940 г. осуществлялась со всех хозяйств, имевших овец. Однако точного учета скота не имелось, поэтому уполномоченному по заготовкам предписывалось составить списки хозяйств и переписать имеющийся скот, затем представить списки в райсовет на рассмотрение¹¹.

16 апреля 1940 г. вышло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательной поставке картофеля государству колхозами, колхозниками и единоличными хозяйствами»; 1 августа 1940 г. — Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об уборке и заготовках сельхозпродуктов»¹².

Таким образом, заготовки сельхозпродуктов получили самое широкое распространение в Ханты-Мансийском национальном округе накануне войны.

Заготовки сельхозпродуктов в годы Великой Отечественной войны

В период войны заготовки стали неотъемлемой частью обязательных поставок государству. В годы Великой Отечественной войны, как указывает В.П.Мотревич, сельскохозяйственная продукция изымалась государством из сельхозартелей, как по линии обязательных поставок, так и через плату за работу МТС, сдачу в фонд РККА, а также возврат колхозами семенных и фуражных ссуд.

Большую часть заготовок составляли обязательные поставки¹³. В.А.Ильиных, рассматривая их как составную часть налогового-податного бремени, подчеркнул, что в первые годы Великой Отечественной войны их тяжесть продолжала нарастать¹⁴. В.А.Ильиных полагает, что в форме принимаемых регионами, районами и хозяйствами «повышенных социалистических обязательств» по сдаче сельхозпродуктов (прежде всего хлеба) была фактически реанимирована ранее осужденная система «встречных» планов. Существенно возросла роль платежей и сборов, формально относимых к категории добровольных — госзаимов, лотерей, сдачи денег и сельхозпродуктов в фонды обороны, помощи освобожденным районам, инвалидам войны и т.п. Стабилизация тяжести налогового пресса произошла, по его мнению, лишь в конце войны¹⁵.

Положение в сельском хозяйстве округа было тяжелым в течение всего военного времени. Государством устанавливались максимально жесткие планы заготовок сельхозпродукции. Используя все возможные ресурсы и силы, иногда удавалось выполнить поставленные плановые задания, но очень большой ценой...

Порядок начисления обязательных поставок

Накануне войны был изменен порядок начисления обязательных поставок. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 7 апреля 1940 г. «Изменение в порядке заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов», колхозы стали привлекаться к поставкам продукции растениеводства не с плана их посева, как раньше, а с каждого гектара пашни, закрепленной за ними. В размер пашни включалась не только освоенная, но и подлежащая освоению земля.

Изменился и порядок заготовки продукции животноводства. Ее поставки стали начислять не с количества колхозного скота, а с каждого гектара земельной площади. Изменив порядок начисления поставок, государство тем самым стремилось обеспечить заранее определенный объем заготовок. Новый принцип должен был заинтересовать колхозы в максимальном расширении посевных площадей и увеличении общественного стада.

Списки привлекаемых к поставкам колхозов составлялись по каждому виду продукции районным уполномоченным Наркомата заготовок СССР на основе данных о закреплении за хозяйствами земельных площадей. Они утверждались уполномоченными НКЗ СССР по области, краю, республике (не имеющей областного деления). После этого райуполнаркомзаг выписывал обязательства по поставкам и вручал их под расписку председателю колхоза или заменяющему его лицу. Колхоз был обязан сдать государству продукцию установленного качества в размерах и в сроки, указанные в обязательствах.

Прием продукции в счет обязательных поставок и расчет с колхозами по установленным ценам возлагались на специальные заготовительные организации, которые имели на местах сеть контор, баз и приемных пунктов. Так, зерно колхозы сдавали на приемные пункты и склады «Заготзерно», сено — на пункты «Заготсено», скот — на базы «Заготскот», молоко и масло — предприятиям «Главмолоко» и «Главмаслопром» и т.д.

Колхозы должны были на своем транспорте, в своей таре и за свой счет подвозить зерно, и другие подлежащие сдаче государству продукты на указанные в обязательствах заготовительные пункты. Приемка от колхозов сельхозпродуктов оформлялась выдачей сдатчикам приемных квитанций. За сданные продукты заготовители оплачивали колхозам по установленным ценам их стоимость путем перечисления денег на счет колхоза в местном отделении Госбанка. Сдаваемое зерно оплачивалось колхозам по государственным заготовительным ценам с применением скидок (рефракций) за пониженное качество. Если зерно было засорено посторонними примесями или повышенной влажности, то заготовительные пункты принимали его со скидкой с веса и цены, а при влажности выше допустимой — вовсе не принимали.

Обязательные поставки формально не являлись налогом. Колхозы сдавали продукцию не бесплатно, а за определенное вознаграждение (продажа производилась по твердым государственным ценам). В.П.Мотревич полагает, что поскольку сдача колхозами государству определенной части продукции была обязательна и производилась не по договору, а на основании закона, то эти поставки имели силу и характер налога, и являлись натуральным налогом с коллективных хозяйств. Это позволило ему сделать

вывод, что введенные еще в январе 1933 г. обязательные поставки в сочетании с натуральной оплатой за работу МТС фактически означали натурализацию экономических отношений между колхозами и государством¹⁶.

Нормы поставок утверждались правительством СССР и были неодинаковыми для различных зон, что хорошо прослеживается на примере ХМНО.

При начислении натуроплаты урожайность бралась не фактическая, а биологическая, не учитывавшая потери при уборке. Предложение о внедрении биологического учета урожая Наркомзем СССР внес в марте 1939 г. при выработке третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. И в целях «правильного» начисления урожайности зерновых и технических культур перед войной перешли к ее определению перед уборкой «по корню».

Как подчеркивает В.П.Попов, к тому времени уже сложилось такое мощное средство контроля за колхозами как видовая оценка урожая, дававшая представление о максимуме возможных сборов зерна и позволявшая выжать из деревни все. Даже в случаях, когда фактический урожай сильно отличался от видового, государство взыскивало с отстающих колхозов плановые задания на следующий год (такие хозяйства заносились в разряд недоимщиков) или перекладывало их в форме дополнительных заданий на передовые колхозы. В подтверждение выдвинутой точки зрения автор ссылается на решение политбюро ЦК ВКП (б) от 6 декабря 1942 г., согласно которому ЦСУ и Наркомзему воспрещалось собирать данные о фактическом намолоте урожая в колхозах, «как искажающих действительное положение дел с урожайностью», и предписывалось «впредь пользоваться в оценке урожая только данными видовой оценки, производимой органами ЦСУ до начала уборки». Этот порядок был обязателен для всех работников партийных, советских и земельных органов, которые предупреждались, что за пользование данными о фактическом намолоте урожая виновные будут привлекаться к строгой ответственности¹⁷.

Биологический учет урожая действовал вплоть до сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Оценка урожайности производилась грубо, с помощью метровки. В результате видовая (биологическая) урожайность в 1,5—2 раза превышала урожайность

фактическую. В годы войны этот разрыв в ряде хозяйств был еще больше¹⁸.

Детально был регламентирован и строго контролировался порядок сдачи государству растениеводческой продукции. Из первых партий зерна и картофеля погашались полученные колхозами от государства ссуды, а также задолженность колхозов за прошлые годы по обязательным поставкам и натуроплате. В дальнейшем из каждой сдаваемой колхозами партии зерна половина шла в счет обязательных поставок, а другая половина — в счет натуроплаты за работы МТС. Сдавалась сельскохозяйственная продукция и в фонд РККА¹⁹.

В первый военный год решение о заготовках сельхозпродуктов было принято в ХМНО совместно на заседании окружкома ВКП(б) и окрисполкома 12 июля 1941 г. и повторно рассматривалось на заседании окрисполкома от 15 июля²⁰.

Заготовки зерна

В годы войны, как полагает А.С.Иваненко, Ханты-Мансийский округ не имел обязательных планов сдачи зерна государству. Между тем, А.С.Иваненко правильно заметил, что хлеб поступал в виде возврата семенных ссуд, гарнцевого сбора за помол, натуроплаты за работу МТС и в виде отчислений в хлебный фонд Красной Армии (с каждого гектара посевов от 12 до 17% ожидавшегося урожая)²¹.

Срок выполнения поставок колхозов по хлебу заканчивался 1 декабря. Он состоял из четырех видов поступлений: обязательные поставки, натуроплата, фонд Красной Армии и возврат ссуд. Таким образом, ХМНО не стал исключением и осуществлял те же самые поставки, что и земельные районы страны. В 1941 г. заготовки зерна в Ханты-Мансийском округе составляли 570 т²².

В июле 1942 г. правительство вынуждено было принять постановление СНК ССР и ЦК ВКП (б) «О создании из урожая 1942 г. хлебного фонда Красной Армии» в размере 145 млн. пудов²³, предусматривавшее в случае невыполнения плана сдачи зерновых санкции, аналогичные тем, которые применялись при невыполнении плана обязательных поставок. В соответствии с установленным порядком хлебосдача за каждый год производилась до июля

будущего года. В результате, хотя постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) о создании хлебного фонда РККА было принято в 1942 г., часть колхозов сдали зерно в этот фонд в счет 1941 г. Отчисления зерна в этот фонд частично компенсировали сокращение поступлений зерновых по обязательным поставкам²⁴. Следовательно, поставки хлеба в фонд РККА имели силу налога.

В 1942 г. ситуация с заготовками значительно ухудшилась. Омская область на 26 ноября 1942 г. выполнила план хлебозаготовок лишь на 31%, натуроплату — на 22,7%. В область приехал секретарь ЦК ВКП (б) А.А.Андреев для изучения столь неблагоприятной ситуации. По его мнению, основная причина крылась в отсутствии организации дела хлебозаготовок со стороны области, районных заготовительных организаций и земорганов. Секретарь заметил, что многие руководители нечестно относятся к нуждам фронта: «В области нет боевого темпа хлебозаготовок и нет острой политической борьбы с саботажниками»²⁵.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 18 марта 1943 г. возлагало на колхозы выполнение государственных обязательств по поставкам сельхозпродуктов с засеваемой площади²⁶.

В 1943 г. потребность в продовольствии в стране по сравнению с 1942 г. увеличилась. Красная Армия освободила 2/3 оккупированной территории, на которой проживали десятки миллионов советских людей. Однако положение в сельском хозяйстве продолжало ухудшаться. Освобожденные районы были разорены и нуждались в помощи. В ноябре 1943 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР разработали систему мер по увеличению хлебозаготовок. Для оказания помощи местным партийным и советским организациям в выполнении плана хлебозаготовок на места были направлены А.А.Андреев, И.А.Вознесенский, А.Н.Косыгин, А.И.Микоян, Н.М.Шверник и другие члены ЦК ВКП (б)²⁷.

Заготовки зерна в Ханты-Мансийском округе в 1944 г. также существенно возросли и составляли 1 780 т²⁸, т.е. в три раза больше, чем в 1941 г. План 1944 г. по заготовкам в фонд Красной Армии был выполнен на 117,6%, по натуроплате — на 122,2%²⁹. В 1944 г. округ успешно справился с планом хлебозаготовок, сдал хлеба государству почти на 600 ц больше плана. Правительство отметило фронтовую работу по заготовке хлеба, и указом Президиума Верховного Совета СССР орденами Отечественной войны

II степени были награждены секретарь окружкома ВКП (б), председатель исполкома окружного совета депутатов трудящихся и уполномоченный заготовок СССР по Ханты-Мансийскому округу³⁰.

План хлебозаготовок на 1945 г. по округу составлял 1 686 т, в том числе: хлебный фонд Красной Армии — 1 022, натуроплата — 500, возврат ссуды — 44, гарнцевый сбор — 120³¹.

Таблица 1

План хлебозаготовок для районов ХМНО на 1945 г.

Район	Количество зерна (в ц)
Самаровский	697
Кондинский	615
Микояновский	203
Сургутский	80
Березовский	32
Ларьякский	34
с/х артель им. Чкалова (п. Ханты-Мансийск)	25

Основная нагрузка по поставкам хлеба распределялась между Самаровским, Кондинским и Микояновским районами.

План по заготовкам хлеба в 1945 г. выполнить не удалось. В 1945 г. сдано государству 1 125 т³² вместо 1 686 по плану. За 1945 г. госпоставки зерна колхозами округа выразились в следующих цифрах: рожь — 667 ц, овес — 2 624 ц, ячмень — 922 ц, яровая пшеница — 627 ц³³.

Сколько всего хлеба сдал округ государству? Авторы «Истории ХМАО» пишут, что округ в 1941—1945 гг. сдал государству 4 тыс. ц хлеба (т.е. 400 т. — *подсчитано Л.В.Алексеевой*)³⁴. Вероятно, эти данные взяты ими из монографии Г.Мазуренко³⁵. Ю.П.Прибыльский полагает, что округ за годы войны сдал государству 350 тыс. пудов зерна (5 600 т. — *подсчитано Л.В.Алексеевой*)³⁶.

Сопоставление различных источников и проведение кропотливых подсчетов позволяют представить динамику хлебозаготовок в ХМНО в годы войны. Следует оговорить, что данные за 1942—1943 г. в документах не обнаружены и выявлены путем многочисленных расчетов, являясь ориентировочными.

Динамика хлебозаготовок в ХМНО в 1941—1945 гг. (в т)

Год	Количество хлеба
1941	570
1942	600
1943	1 180
1944	1 780
1945	1 125
Итого	5 255

Следовательно, приблизительно округ сдал государству 5 255 т зерна. Данный показатель весьма близок сведениям, которые приведены Ю.П.Прибыльским.

Наряду со сдачей хлеба сельхозартелями, в периодике содержится достаточно примеров сдачи хлеба государству из собственных запасов колхозников. Так, члены колхоза им. Куйбышева Ларьякского района 18 декабря 1943 г. привезли в с.Нижевартовское 25 ц зерна, взяв обязательства в дальнейшем сдать государству 160 ц³⁷. В 1943 г. колхозы Нижневартовского сельсовета впервые продали государству 423 ц зерновой продукции³⁸.

Прочие заготовки сельхозпродукции

Молоко. Государственный план закупа молока колхозами принимался ежегодно. В 1941 г. его выполнение за 9 месяцев составило 75,1%. Ханты-Мансийский окрисполком рассматривал данный вопрос на заседании 3 ноября 1941 г. Много упреков звучало в адрес Окраслопрома, работавшего, по мнению окрсовета, плохо. Окраслопром не выполнял договоры, заключенные с колхозами на поставку молока³⁹. Колхоз им. Куйбышева Нижневартовского сельсовета имел план в 1941 г. по молоку в размере 35 тыс. л, который был выполнен досрочно. Колхозники надоили 49 тыс. л или 140% к заданию⁴⁰. В 1942 г. план по колхозам Нижневартовского сельсовета был выполнен на 83,3%⁴¹.

В Ханты-Мансийском округе работало 7 маслозаводов, осуществлявших заготовку молока для переработки в масло.

Из сведений, приведенных в таблице 3, видна динамика увеличения плана заготовок молока.

Таблица 3

Заготовка молока в округе маслозаводами (1943—1944 гг.)⁴²

	1943 г. план	1943 г. (заготовлено)	1944 г. план	% к 1943 г.
Молоко (в т)	150	198	250	126,1

План 1943 г. был перевыполнен почти на 25%. План 1944 г. превосходил полученный результат еще примерно на столько же. Следовательно, закуп молока должен был увеличиться вдвое по сравнению с 1943 г.

Таблица 4

Заготовка молока по маслозаводам округа в 1943 г.⁴³

Наименование завода	Заготовлено молока (в ц)
Зенковский	24
Реполовский	28
Черно-Мысовский	66
Леушинский	28
Больше-Каменный	16
Березовский	12
Нижневартовский	24

Сведения таблицы позволяют выделить Черно-Мысовский маслозавод, который закупал треть всего молока. По приведенным данным следует, что Нижневартовский маслозавод заготовил 24 т молока, по другим сведениям Нижневартовский маслозавод в 1943 г. заготовил молока 59 ц, в фонд Красной Армии — 473 ц⁴⁴.

В 1943 г. план закупок молока по округу выполнен на 111,4%, а именно вместо 1 750 т молока по плану сдали 1 950 т, или на 200 т больше, чем установлено по плану⁴⁵. Следовательно, другими организациями заготавливалось не менее 70% молока. В 1943 г., например, только в систему Маслопрома поступило от округа 1 823 тыс. л молока. Это составило 43% от валовой молочной продукции округа.

Таблица 5

Заготовка молока в округе за 1944 г. (в т)⁴⁶

Район	Масло-пром	Пищекombинат	Кооперация	Всего
Самаровский	624	—	81,2	705,2
Кондинский	172	21,4	4,3	197,4
Микояновский	153	30,0	16,2	199,2
Сургутский	419	1,7	5,5	439,2
Березовский	127	31,0	10,3	168,3
Ларьякский	144	1,0	0,5	145,5
Ханты-Мансийский горрыбкооп	—	—	17,5	17,5
Итого	1639	97,8	135,5	1872,3

Следовательно, заготовка молока в округе за 1944 г. составила 1 872,3 т. Больше всего заготавливали молока в Самаровском районе, меньше всего в Ларьякском.

План закупа молока МТФ на 1945 г. составил 10 тыс. ц⁴⁷. В 1945 г. получено 4 695 тыс. л молока⁴⁸. Авторы «Истории ХМАО» называют цифру по заготовкам молока в период 1941—1945 гг. — 13 400 ц, опять-таки, думается, позаимствовав эту цифру у Г.Мазуренко⁴⁹.

Подсчеты, проведенные в исследовании, позволяют представить следующую динамику заготовки молока в округе (см. табл. 6).

Таблица 6

Заготовка молока в округе в 1941—1945 гг. (в т)

1941	1942	1943	1944	1945
10	12	19,5	18,72	18

Таким образом, по приблизительным подсчетам заготовка молока составила за военный период 78,22 т или почти треть от всего произведенного молока в округе (223 т). Г.Мазуренко называет цифру заготовок молока — 134 т⁵⁰.

Недостаток молочного сырья сдерживал производство масла⁵¹.

Динамика заготовок масла в 1940—1943 гг. (в кг)⁵²

1940	1941	1942	1943
18 217	133 462	75 343	93 000

План заготовки масла на 1944 г. составлял 150 000 кг⁵³.

Заготовки скота, мяса и кожевенного сырья

Больше всего в годы войны из-за заготовок пострадало поголовье лошадей. В соответствии с решением Омского облисполкома от 26 июля 1941 г., окрисполком принял решение о заготовке лошадей в округе для конторы «Уралзолото» в количестве 200 голов (Самаровский — 90, Микояновский — 50, Сургутский — 60)⁵⁴. В соответствии с решением бюро Омского Обкома ВКП (б) и облисполкома от 9 августа 1941 г. окружной исполком принял решение 21 августа о заготовке в округе 80 голов лошадей. Лошадей должны были представить Ларьякский район (30 голов) и Сургутский (50 голов). Заготовки осуществлялись для Омской конторы «Химлессырье»⁵⁵.

25 сентября 1941 г. окрисполком принял очередное решение о заготовке лошадей для треста № 4 Авиапрома, предписанное облисполкомом 10 сентября. Заготовке подлежало 75 голов. Самаровский район должен был обеспечить поставку 35 голов, а Микояновский 40 голов⁵⁶.

19 ноября 1941 г. окрисполкомом вновь рассматривался вопрос об организации перегона лошадей, покупаемых заготовительной организацией в колхозах округа. «Заготконь» осуществлял закупку лошадей и должен был доставить их своим ходом в г.Тобольск. Насколько затратным было то мероприятие, нетрудно представить. Прежде чем приступить к перегону лошадей, необходимо было организовать доставку сена для подкормки лошадей в пути. Составлялся маршрут, устанавливались пункты кормлений, и каждый район округа получал задание по подвозке кормов: Березовский — 6,4 т, Самаровский — 80,1 т, Микояновский — 54,9 т, Сургутский — 30,7, Кондинский — 313,3. Сено должны были

свозить на Самаровский пункт «Заготконь». Скот гнали по Гаринскому тракту в сопровождении зооветработников⁵⁷.

29 ноября 1941 г. окрисполком принял решение на основе вышестоящего постановления облисполкома о заготовке хознепригодных лошадей Тобольскому зверосовхозу в колхозах округа в количестве 150 голов. Из них в Самаровском районе — 100 голов, в Кондинском — 50⁵⁸. Закуп лошадей в округе в военное время осуществлялся регулярно, вплоть до окончания войны. Например, Тюменский облисполком 1 марта 1945 г. принял постановление о закупе лошадей в округе, на основе которого окрисполком 28 марта принял аналогичное решение. «Заготживконторе» разрешалось закупить 151 лошадь с разбивкой по районам: Самаровский — 50, Микояновский — 30, Сургутский — 35, Березовский — 20, Ларьякский — 15, Кондинский — 1⁵⁹. Итоги заготовок за 1941 г. представлены в таблице 8.

Таблица 8

**Итоги заготовок по животноводству за 1941 г.
(количество голов скота)⁶¹**

Вид скота	Сдано государству	Продано госзаготконторе и кооперации
КРС	3 441	4 788
Свиньи	1 239	1 252
Овцы	2 421	771
Птица	12	153
Лошади	1 593	3 882

Колхозам разрешался забой в порядке децентрализованных заготовок бруцеллезного, туберкулезного, малопродуктивного крупного рогатого скота. Об этом в частности свидетельствует решение Омского Облисполкома от 8.11.1941 г. «О мероприятиях по организации зимовки скота в колхозах Ханты-Мансийского округа»⁶⁰.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15 февраля 1942 г. «О некотором повышении норм обязательных поставок мяса государству» были увеличены нормы для колхозов и колхозных дворов. Для колхозов они устанавливались в размере 3,5—5 кг с гектара земельной площади.

Заготовки мяса и сырья осуществляла окружная контора «Заготживсырь». Ее заготовительная сеть включала 6 районных заготовительных контор, десятки заготпунктов и подпунктов (например, в 1941 г. их насчитывалось 75), 1 скотобойный пункт, который имелся только в Самарове. В 1944 г. забой скота в фонд Запорожья планировался в объеме 75,8 ц. Всего по округу предполагалось забить на заготовки 1 тыс. голов КРС⁶².

План первого полугодия 1944 г. по заготовкам мяса был выполнен на 27,7% и составил 100 ц (заготовка объединяла мясо диких и домашних животных)⁶³.

Сдача в мясопоставки скота с весом ниже сдаточного веса вела к сокращению общественного стада. Количество сдаваемого скота увеличилось и потому, что большая его часть имела упитанность ниже установленной нормы. Со стороны заготовительных организаций («Заготскот») допускались нарушения правил приемки скота при определении его упитанности.

Заготовки мяса в 1945 г. составили 3 490 ц⁶⁴.

Заготовки животноводческого сырья осуществляла Ханты-Мансийская окружная контора. Из годового отчета о деятельности конторы за 1941 г. следует, как обстояло дело с заготовкой животноводческого сырья (см. табл. 9).

Таблица 9

Выполнение плана по заготовке кожсырья в округе за 1941 г.⁶⁵

Виды кожсырья	План	Выполнение	% выполнения
Крупное	5 450	10 508	193
Мелкое	7 290	15 153	207,8
Свиное	3 420	3 036	88,8
Волос	3 000	2 185,1	72,8
Щетина	—	4,6	—
Олень	7 500	7 116	94,9

В годы войны происходило увеличение объема заготовок кожи, что требовало расширения сети скотобойных пунктов. На 1942 г. планировалось открытие подобных пунктов в каждом районе⁶⁶.

Таблица 10

**Заготовки кожевенного сырья в ХМНО по районам за 1941 г.
(в руб.)⁶⁷**

Район	Загот- живсырье	Уд. вес в %	Потреб- кооперация	Уд. вес в %
Самаровский	59 376	51,7	55 547	48,3
Кондинский	14 311	42,1	23 291	57,9
Микояновский	41 285	56,3	33 359	43,7
Березовский	95 254	61,6	59 446	38,4
Сургутский	15 934	22,4	55 188	77,6
Ларьякский	4 499	30,4	10 308	69,6

Из приведенных в таблице 10 сведений следует, что по трем районам — Сургутскому, Кондинскому и Ларьякскому больший удельный вес в заготовке кожсырья занимала потребкооперация, а не «Заготживсырье».

Таблица 11

**Виды кожевенного сырья,
прошедшего через скотоубойный пункт в 1941 г.⁶⁸**

Вид	Количество (в шт.)	Средняя цена (в руб.)	Первым сортом (в %)
Крупное	608	18—97	88,5
Мелкое	244	5—85	83,8
Свиное	171	8—90	88,8

В 1943 г. в округе было заготовлено 4 039 шт. кож, в том числе крупных — 1 761⁶⁹. План заготовок кожсырья за 1943 г. был выполнен на 72,5%⁷⁰, план первого полугодия — на 43%⁷¹.

В 1945 г. заготовки кожсырья составили 2 861 шт.⁷²

Заготовка шерсти

План по настригу шерсти в 1941 г. составлял 1,6 кг⁷³. Постановление Омского облисполкома от 31 января 1942 г. содержало плановые задания для ХМНО по заготовкам шерсти на 1942 г. и первый квартал 1943 г. в объеме 600 кг⁷⁴. За 1943 г. поступило

7 572 кг шерсти⁷⁵. План заготовок шерсти за 1943 г. был выполнен на 74%⁷⁶.

В 1945 г. получено 75 ц шерсти; из них по плану поставок государству следовало отдать 42 ц, плюс недоимка 6 ц и по индивидуальному сектору — 15,3 ц, итого 62,3 ц⁷.

В соответствии с решением исполкома Омского облсовета от 10 апреля 1944 г. «О проведении весенней стрижки овец и заготовках шерсти весеннего настрига» председатели исполкомов райсовета обязывались обеспечить стрижку овец весной 1944 г. в колхозах и в личных подсобных хозяйствах колхозников в течение 8—10 дней с момента установления теплой погоды. Рекомендовалось разработать план стрижки с установлением графика по каждой ОТФ. Во всех колхозах следовало подготовить места для стрижки, выделить необходимое количество стригалей и установить им ежедневное задание. Шерсть сдавалась в заготпункты, Заготживсырье обязано было организовать продажу промышленных товаров сдатчикам шерсти⁷⁸.

Заготовки животноводческой продукции проходили в округе очень тяжело. Это объяснялось, прежде всего, порядком начисления обязательных поставок, несоответствием между размерами облагаемых земельных угодий и фактическим поголовьем скота в колхозах. Проведенные накануне войны изменения в политике заготовок подходили для тех районов, где были необходимые условия для расширения сельскохозяйственного производства. Введенный в 1940 г. новый принцип начисления обязательных поставок приводил к передаче из колхозов основной части произведенной продукции. Это влекло за собой сокращение колхозного стада, уменьшение семенных, фуражных, продовольственных и прочих фондов и отрицательно сказывалось на состоянии производства.

Заготовка овощей

В феврале—апреле 1942 г. возросли нормы поставок картофеля, овощей и других продуктов сельского хозяйства. Повышение налогообложения диктовалось возросшей потребностью страны в продовольствии и сельскохозяйственном сырье. Данные по заготовке овощей в 1940—1943 гг. представлены в таблице 11.

Динамика заготовок овощей и картофеля в 1940—1943 гг. (в ц)⁷⁹

	1940	1941	1942	1943
Овощи	1 400	1 107	1 884	1 246
Картофель	12 104	5 067	28 698	40 134

План заготовки овощей на 1944 г. составлял 500 т, картофеля — 6500 т⁸⁰. План первого полугодия 1944 г. по заготовкам картофеля был выполнен на 38%⁸¹.

План заготовок из урожая 1945 г. по картофелю составлял 3 340 т, по овощам — 513 т⁸².

Закупочные цены

Сдаваемая государству продукция оплачивалась по низким заготовительным ценам, которые не менялись с начала 1930-х гг. За 1940-е гг. отсутствуют данные о себестоимости колхозной продукции. Заготовительные цены возмещали незначительную часть затрат на производство растениеводческой продукции. Несколько выше были закупочные цены. Однако и закупочные цены были намного ниже себестоимости продукции, и в сотни раз уступали ценам колхозного рынка. В 1943 г., по сравнению с 1940 г., индекс цен на колхозных рынках увеличился на продукты растениеводства в 12,6 раз, а на продукты животноводства — в 13,2. Разница в ценах была огромной, однако колхозы основную часть своей продукции передавали государству.

Сельскохозяйственная продукция от колхозников поступала и через госзакуп. Однако закупочные цены намного уступали рыночным. Поэтому Центросоюз, чтобы заинтересовать крестьян в продаже сельхозпродукции, организовал встречную продажу необходимых крестьянам товаров.

Наказания за невыполнение заготовок

В годы войны при проведении заготовок широкое распространение получило применение репрессивных мер. Отставание по

заготовкам, особенно хлебозаготовкам, рассматривалось как преступление.

Работа по производству сельхозпродукции приравнивалась к фронтовой. Срыв плана рассматривался как преступление. Позиция районных руководителей, осмелившихся докладывать, что хлеба нет, и план заготовок выполнить невозможно, рассматривалась как саботаж. Они снимались с работы и исключались из партии. К осуществлению хлебозаготовительной кампании привлекались органы суда и прокуратуры. Часто после сдачи зерна в колхозах не оставалось ничего⁸³.

Взимание обязательных поставок с большинства крестьянских семей вследствие их тяжелого материального положения происходило с трудом. Законодательством за невыполнение обязательных поставок предусматривались разнообразные меры наказания. В соответствии с постановлением СНК СССР от 24 ноября 1942 г. «Об ответственности за невыполнение обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству колхозными дворами и единоличными хозяйствами» предусматривалось наложение штрафа на недоимщиков и привлечение злостных нарушителей к уголовной ответственности.

В случае невыполнения в срок установленных поставок народный суд по заключению районного уполномоченного Наркомата заготовок СССР налагал на недоимщиков штраф в размере двукратной стоимости не сданных в срок продуктов, исчисленной по рыночной цене. Виновные в неоднократном невыполнении обязательных поставок, помимо штрафа, привлекались к уголовной ответственности. В связи с этим СНК СССР утвердил инструкцию о порядке применения постановления правительства от 24 ноября 1942 г. В ней указывалось, что в случае невыполнения колхозными дворами обязательных поставок, райуполнаркомзаг или, по его поручению, агент по государственным поставкам, вручает недоимщику письменное предупреждение. В этом предупреждении говорилось о том, что в случае невыполнения обязательств в десятидневный срок дело о взыскании недоимок будет передано в суд. При этом для обеспечения взыскания недоимок производится опись имущества недоимщика. После решения суда о взыскании недоимок народный судья выдавал райуполнаркомзагу исполнительный лист для принудительного исполнения

судебного решения. Однако на практике судебные санкции применялись не ко всем недоимщикам, в противном случае пришлось бы осудить всю деревню⁸⁴.

Выводы

Большинство колхозов округа установленные планы обязательных поставок не выполняло, да и не могло выполнить. Недоимки прошлых лет включались в план будущего года, что еще больше увеличивало его напряженность. При высоких нормах поставок и низких заготовительных ценах заготовки сельхозпродукции проходили очень тяжело.

Система заготовок настолько противоречила реальному положению дел в сельском хозяйстве, что это грозило окончательно подорвать экономику колхозов.

Поставщиком сельскохозяйственной продукции в округе были не только колхозы. Зерновые, картофель, мясо, молоко, яйцо, шерсть, кожсырье и некоторые другие виды сельхозпродукции округ получал также из личных подсобных хозяйств колхозников.

Семьям военнослужащих, а также нетрудоспособных колхозников предоставлялись льготы.

Примечания

¹ Преимущество в регионе имели пушно-меховые заготовки в силу своего валютного значения. Государственные организации и органы Советской власти хорошо понимали, что своевременное и достаточное снабжение Севера товарами — залог успеха пушнозаготовительной компании, для обеспечения которой и осуществлялась заброска товаров. Вторыми по значимости были рыбные заготовки, обеспечивавшие одним из продуктов питания рабочих Урала. Прочие заготовки в меньшей степени интересовали органы власти и были недостаточно обеспечены товарами и деньгами. Однако во второй половине 1930-х гг. заготовки охватили все сферы сельского хозяйства Ханты-Мансийского округа.

² а) изъятие у производителей не только прибавочного, но и части (иногда значительной) необходимого продукта; б) внеэкономическое принуждение (включая прямые репрессии), применяемое как основной способ изъятия; в) рефеодализация системы налогообложения деревни, которая заключалась в возврате к присущему для феодализма сословному, групповому, натуральному и податному характеру обложения. См.: Ильиных В.А. Система налогово-податного обложения сибирской деревни в конце 1920-х — начале 1950-х гг.: функциональные

особенности и этапы. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/modern/030.html>. Дата обращения 21 июля 2011 г.

³ Алексеева Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург, 2003. С. 310.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 311.

⁸ Казенное учреждение «Исторический архив Омской области» (далее — КУ «ИсАОО»). Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 2687. Л. 1.

⁹ Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (далее — ГАХМАО). Ф. 129. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.

¹⁰ Там же. Л. 123.

¹¹ Там же. Л. 140.

¹² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. 1941—1952 гг. С. 758—773.

¹³ Мотревич В.П. Заготовки сельскохозяйственной продукции в колхозах как форма мобилизационной экономики в годы ВОВ. URL: <http://csu.ru/files/hist/060.pdf>. Дата обращения 21 июля 2011 г.

¹⁴ Он указал на ряд вводимых вновь денежных и натуральных сборов (сдача в хлебный и мясной фонды Красной Армии, гарнцевый сбор, который был отменен накануне войны, имеющие подушный характер военный налог и налог на одиноких и малосемейных граждан). См.: Ильиных В.А. Система налогово-податного обложения сибирской деревни в конце 1920-х — начале 1950-х гг.: функциональные особенности и этапы.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Мотревич В.П. Заготовки сельскохозяйственной продукции...

¹⁷ Попов В.П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 50—51.

¹⁸ Мотревич В.П. Заготовки сельскохозяйственной продукции...

¹⁹ Там же.

²⁰ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 198. Л. 27.

²¹ Иваненко А.С. Зерновое хозяйство // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 1. С. 350.

²² Патрикеев Н.Б. В вихрях времени. Ханты-Мансийск, 1994. С. 200.

²³ О создании из урожая 1942 г. хлебного фонда Красной Армии // Колхозное производство. 1942. № 7—8. С. 9.

²⁴ Мотревич В.П. Заготовки сельскохозяйственной продукции...

²⁵ КУ «ИсАОО». Ф. 1699. Оп. 1. Д. 2336. Л. 64.

²⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. С. 112.

²⁷ Мотревич В.П. Заготовки сельскохозяйственной продукции...

²⁸ Патрикеев Н.Б. В вихрях времени. С. 200.

²⁹ Серазетдинов Б.У. Сельское хозяйство в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2001. № 1 (3). С. 72.

³⁰ Там же. С. 74.

- ³¹ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 257. Л. 29 об.
- ³² Там же. Д. 237. Л. 13, 16 об.
- ³³ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 700. Л. 3 об.
- ³⁴ История ХМАО. Екатеринбург, 1999. С. 367.
- ³⁵ Мазуренко Г. Торжество национальной политики коммунистической партии на Обском Севере. Тюмень, 1961. С. 18.
- ³⁶ Прибыльский Ю.П. Истоки Победы // Югра. 2000. № 11. С. 46.
- ³⁷ Хлеб — государству. Красный обоз с хлебом из колхоза им. Куйбышева // Стахановец. 1943. 27 декабря.
- ³⁸ Сподина В.И. Мегион. Страницы истории. Омск, 2000. С. 49.
- ³⁹ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 199. Л. 17.
- ⁴⁰ Делом отвечать на призыв товарища Сталина // Стахановец. 1941. 14 декабря.
- ⁴¹ Сподина В.И. Мегион. С. 51.
- ⁴² КУ «ИсАОО». Ф. 1088. Оп. 1. Д. 320. Л. 9.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 618. Л. 8.
- ⁴⁷ КУ «ИсАОО». Ф. 437. Оп. 9. Д. 1023. Л. 37.
- ⁴⁸ Серазетдинов Б.У. Сельское хозяйство в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны... С. 78.
- ⁴⁹ История ХМАО. С. 367; Мазуренко Г. Торжество национальной политики... С. 18.
- ⁵⁰ Мазуренко Г. Торжество национальной политики... С. 18.
- ⁵¹ ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 655. Л. 22.
- ⁵² КУ «ИсАОО». Ф. 437. Оп. 21. Д. 147. Л. 23.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 198. Л. 6 об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 81 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 92.
- ⁵⁷ Там же. Д. 199. Л. 65.
- ⁵⁸ Там же. Л. 78.
- ⁵⁹ Там же. Д. 256. Л. 56 об.
- ⁶⁰ КУ «ИсАОО». Ф. 437. Оп. 9. Д. 834. Л. 14 об.
- ⁶¹ ГАХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 607. Л. 5.
- ⁶² Там же. Д. 653. Л. 139—140.
- ⁶³ КУ «ИсАОО». Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 4393. Л. 190.
- ⁶⁴ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 217. Л. 17.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 51. Оп. 2. Д. 42. Л. 349.
- ⁶⁶ Там же. Л. 353.
- ⁶⁷ Там же. Л. 362 об.
- ⁶⁸ Там же. Д. 42. Л. 349 об.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 655. Л. 22.
- ⁷⁰ КУ «ИсАОО». Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 4393. Л. 189.
- ⁷¹ Там же. Л. 190.

- ⁷² ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 217. Л. 17.
- ⁷³ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 588. Л. 7.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 208. Л. 13.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 655. Л. 22.
- ⁷⁶ КУ «ИсАОО». Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 4393. Л. 189.
- ⁷⁷ ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 217. Л. 17; Д. 256. Л. 216.
- ⁷⁸ Там же. Ф. 43. Оп. 1. Д. 677. Л. 252.
- ⁷⁹ КУ «ИсАОО». Ф. 437. Оп. 21. Д. 147. Л. 23.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ КУ «ИсАОО». Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 4393. Л. 190.
- ⁸² ГАХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 257. Л. 64.
- ⁸³ Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 199.
- ⁸⁴ Мотрович В.П. Заготовки сельскохозяйственной продукции...

Раздел 3

**ЮГРА
И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ**

Глава 1

ПЕРВАЯ ВСЕОБЩАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1897 г. НА ЯМАЛЕ: ОРГАНИЗАЦИЯ, ПРОВЕДЕНИЕ, ОСНОВНЫЕ ИТОГИ

Различные аспекты истории Ямала (Ямало-Ненецкого округа) в последнее время становятся объектом все большего внимания со стороны многих отечественных исследователей¹. Более того, накопленный на сегодняшний день значительный источниковый и литературный материал, характеризующий основные параметры развития региона, позволил перейти к серьезным научным обобщениям, что выразилось в создании обобщающего труда по истории края — недавно вышедшей многотомной академической «Истории Ямала»².

Тем не менее, изучение различных аспектов демографического развития региона — особенно применительно к периоду конца XIX — первой половины XX вв. — продолжает занимать второстепенное положение. Указанные проблемы лишь начинают получать должное освещение в работах, посвященных истории Северо-Западной Сибири первой половины XX в.³

Ключевыми для любого историко-демографического исследования являются материалы статистики и прежде всего переписи населения, представляющие собой один из основных источников демографической информации. В большинстве случаев сведения о численности населения и его составе являются либо результатом переписи населения, либо исчислений на основе последней⁴. До 1919 г. современная территория Ямало-Ненецкого округа входила в состав северных волостей Березовского уезда Тобольской губернии, где ее жители были подвергнуты первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Учитывая отсутствие в то время налаженной системы статистического наблюдения за населением региона, результаты переписи 1897 г. являются важнейшим источником для изучения населения Ямальского Севера в конце XIX — начале XX в.

Первая и единственная всеобщая перепись населения Российской империи проводилась по состоянию на 9 февраля (28 января

по старому стилю) 1897 г. Перепись была проведена по принципу однодневной переписи. Переписные листы заполнялись в селе за 30—20, в городах — за 10—15 дней до дня переписи, а затем в них вносились исправления по состоянию на критический момент. В российских губерниях для проведения переписи были созданы губернские, а в уездах — окружные переписные комиссии.

Березовская окружная переписная комиссия была организована на основании распоряжения Тобольской губернской переписной комиссии от 28 сентября 1896 г., полученного в Березове «благодаря отдаленности его и распутице» лишь 6 ноября того же года, на целый месяц позже остальных окружных комиссий, образованных в октябре⁵. В ее состав вошли: председатель — березовский окружной исправник, коллежский советник Владислав Катанович Кондратович, члены (за отсутствием в Березове воинского начальника и податного инспектора, включения которых в состав уездных комиссий требовало «Положение о первой всеобщей переписи населения Российской империи»⁶) — начальник березовской местной команды, капитан Иван Иванович Алексеев, окружной казначей, коллежский секретарь Дмитрий Николаевич Соколов и временно исполняющий дела березовского городского старосты Константин Герасимович Тарасов⁷. На втором заседании Окружной комиссии, состоявшемся 10 ноября 1896 г., было принято решение о разделении территории уезда на четыре переписных участка. В первый был выделен непосредственно город Березов. Во второй участок — Кондинский — вошли русские Елизауровская и Кондинская волости, а также три инородческих: Котская, Казымская и Подгородная. В состав третьего участка — Сосьвинского — были включены Сосьвинская и Ляпинская инородные волости. Наконец, четвертый участок — Обдорский — охватывал территорию трех инородных волостей: Куноватской, Обдорской Остяцкой и Обдорской самоедской⁸.

Говоря о разделении уезда на переписные участки, необходимо отметить, что выделение ни одного из них не соответствовало утвержденной Министерством внутренних дел инструкции уездным и городским переписным комиссиям, которая предписывала образовывать участки «с таким расчетом, чтобы в каждый из них входило от 15000 до 30000 жителей»⁹. То есть уезд по количеству населения, численность которого по имевшимся до переписи

данным составляла около 21 тыс. человек, должен был быть разделен самое большее на два переписных участка. Однако, в силу обширности территории уезда и малой плотности населения — «одна юрта от 2 до 10 домов отстоит от другой в расстоянии нескольких десятков верст» — Комиссия сочла возможным разделить территорию уезда на три участка¹⁰. Выделение же Березова в самостоятельный участок было обусловлено следующими причинами: «1) вблизи города нет населенных пунктов; 2) население, проживающее в окрестности города на довольно порядочном от него расстоянии, исключительно инородческое, составляющее иной этнографический состав, чем население города, и 3) с выделением г.Березова в особый участок не требовалось никаких лишних денежных расходов в виду намеченных бесплатных счетчиков из интеллигенции, заявивших согласие потрудиться бесплатно»¹¹.

Заведывание этими участками, в силу знакомства с местными условиями, было решено возложить на следующих лиц: участок № 1 — на помощника березовского окружного исправника Владимира Павловича Крекова, участок № 2 — на кондинского земского заседателя Ивана Семеновича Могилева, участок № 3 — на секретаря березовского окружного полицейского управления Абрама Харлампьевича Дудинова и участок № 4 — на местного земского заседателя Ивана Семеновича Нагибина¹².

Конкретный план проведения переписи на каждом из участков был принят на заседании Комиссии, состоявшемся 13 декабря 1896 г. Березов было запланировано разделить по числу кварталов на 13 счетных участков, пригласив для работы на них, как уже говорилось, бесплатных счетчиков из числа местной интеллигенции¹³. Перепись оседлого инородческого населения второго участка, проживающего по р.Оби от Березова до Самарова, было предположено произвести при помощи 8 платных счетчиков, которые будут объезжать юрты лично и «по расчетам заведующего, начав объезд теперь же, могут кончить ее к концу января, но уже не в состоянии будут сделать нового объезда для проверки», а перепись русских поселений — посредством 7 бесплатных счетчиков в установленные сроки. Перепись же кочевого и полукочевого населения этого района предполагалось осуществить: остяков (т.е. хантов) — путем объезда их юрт одним счетчиком, а самоедов

(т.е. ненцев) — путем опроса последних при положении ими ясака. Естественно, что при этом переписать будет возможным лишь те семьи, представители которых придут лично, сведения же об отсутствующих, полученные от родовых старшин, будут неполными. Перепись этой категории населения данного участка, «начав ее немедленно, счетчики предполагают окончить в течение января»¹⁴. По аналогичной схеме предполагалось произвести перепись и на третьем участке¹⁵.

Несколько подробнее хотелось бы остановиться на особенностях проведения переписи на четвертом участке, самом обширном по площади и количеству жителей. Кроме того, именно эти территории впоследствии войдут в состав сначала Обдорского района Тобольского округа Уральской области, а затем и Ямало-Ненецкого округа.

Обдорский переписной участок было решено разделить на две части. Первую часть участка составляла Куноватская волость, представлявшая наименьшие трудности для переписи. Перепись сравнительно компактно проживавшего здесь оседлого автохтонного и русско-зырянского населения предполагалось произвести при помощи двух счетчиков — волостного писаря Щепеткина и вахтера хлебозапасного магазина Шахова. Личный объезд каждым из них своего счетного участка должен был занять как минимум один месяц и начаться в декабре. Остальное население, ведущее полукочевой образ жизни, предполагалось переписать в начале января при сборе ясака, поскольку только к этому времени «инородцы все выезжают из урманов с промыслов и могут быть опрошены лично». Расположенное в данной волости село Мужы было решено разделить на четыре счетных участка, где перепись в установленные сроки будет осуществлена местным священником, псаломщиком, учителем и фельдшером, выразившими желание работать бесплатно¹⁶.

Большие трудности для проведения переписи представляла собой Обдорская Остяцкая волость, значительная часть населения которой вела кочевой образ жизни. Кроме того, на территории волости находилось и село Обдорское, куда происходил огромный наплыв пришлого населения в ходе знаменитой ярмарки, время проведения которой — с 1 по 21 января¹⁷ — фактически совпадало с временем переписи. В силу этих обстоятельств

Комиссия решила установить различные способы переписи жителей Обдорска и кочевого населения остальной волости. Работу по переписи последнего предполагалось возложить на волостного писаря Ускова, а саму перепись провести в январе — начале февраля во время сбора ясака. Личный же объезд чумов счетчиком «ввиду крайней их разбросанности» был признан невозможным. Причем, как и в случае с другими переписными участками, Комиссия изначально отмечала, что «перепись кочевого, живущего в чумах, населения этого района совершенно точною быть не может», т.к. переписи будут подвергнуты лишь те лица, которые «явятся лично для положения ясака», хотя «сколько возможно эти сведения будут пополнены расспросами явившихся об отсутствующих». Что же касается Обдорска, то его предполагалось разделить на 12 счетных участков с таким же числом бесплатных счетчиков, на которых возлагалась также обязанность по переписи всего пришлого на время ярмарки населения¹⁸.

Наконец, самые большие трудности были связаны с переписью населения Обдорской Самоедской волости, абсолютно все жители которой являлись кочевниками. Учитывая данное обстоятельство, Тобольская губернская переписная комиссия первоначально выступила с предложением о посылке нарочных на Пуйко, Хама-нель и Надым для оповещения проходящих через эти пункты самоедов о необходимости ради переписи направляться в Обдорск. Но, как оказалось «по единогласным отзывам сведущих лиц», эта мера своей цели не достигнет. Во-первых, нарочные были не в состоянии известить всех кочевников, шедших через эти пункты «врассыпную». Во-вторых, последние даже при желании не могли прибыть в Обдорск, «ибо около Обдорска не хватило бы корма для стад оленей, с которыми они идут». В-третьих, эта мера могла оказаться даже вредной, «ибо плохо понятое распоряжение переписи могло быть истолковано самоедами иначе, и это оповещение вместо того, чтобы собрать самоедов в Обдорск, разогнало бы их»¹⁹.

Поэтому, отклонив данное предложение, Комиссия решила произвести перепись уже одобренным для других переписных участков способом: осуществить учет кочевников в Обдорске, в Инородной управе, при сборе ясака, для которого обязательно должны были прибыть старшины всех ватаг и многие самостоятельные хозяева. И хотя в таком случае «более или менее точному

учету будут подлежать семьи старшин и явившихся лично хозяев», а «о не прибывших же самоедах вряд ли возможно будет собрать достоверные сведения», другого способа произвести перепись Комиссия не видела. Правда, для охвата как можно большего числа кочевников, принадлежавших Обдорской волости, часть которых, не заходя в Обдорск, в своих кочевьях доходила до Сургута и даже Самарова, Березовская комиссия постановила просить Сургутскую окружную комиссию зарегистрировать последних. Перепись же самоедов в Обдорске предполагалось поручить тому же волостному писарю Ускову и начать ее с января, т.е. того времени, когда кочевники начнут прибывать в село для уплаты ясака. В помощь Ускову предложено также было командировать трех писцов²⁰.

Описанный выше план организации и проведения переписи в Березовском уезде после утверждения Окружной комиссией был препровожден в Тобольскую губернскую переписную комиссию. Губернская комиссия на своем заседании 31 декабря 1896 г. рассмотрела и также утвердила данный проект, вынеся постановление о том, что «заведующие участками ... должны немедленно приступить к работе»²¹.

Перепись городского населения уезда (т.е. жителей Березова) была произведена за один день. В городе, разделенном на 13 участков, на долю каждого счетчика пришлось от 10 до 13 квартир, обход которых был вполне возможен за день. Перепись русского населения остальной территории уезда была произведена за несколько дней до 28 января, поскольку и в данном случае счетные участки по количеству жителей и населенных мест не были значительными: от 10 до 1030 человек и от 4 до 80 дворов. На одного счетчика приходилось примерно 90 человек и 15 дворовых мест, что делало обход счетчиком своего участка возможным самое большее за пять дней. Проверка переписи русского населения осуществлялась путем вторичного обхода. Производство переписи оседлого инородческого населения началось, как и предусматривалось по плану, с декабря 1896 г. путем личного объезда счетчиками юрт, находившихся в пределах счетных участков последних. Ее оказалось возможным завершить только к 28 января, а потому проверка результатов, как изначально и оговаривалось Комиссией, в силу отсутствия времени произведена не была²².

Наибольшие затруднения были связаны с переписью кочевого населения уезда. Председатель окружной комиссии в своем рапорте на имя губернатора от 9 марта 1897 г. отмечал, что «перепись как инородческого, так русского населения Березовского округа окончена своевременно, т.е. 28 января, за исключением северных кочевников, которых перепись продолжалась и после означенного срока, по мере прикочевки их к селу Обдорскому, так как никаких других средств к приведению в известность кочевого населения не представлялось»²³.

Итак, несмотря на все те неблагоприятные условия, которые были обусловлены спецификой уезда и которые значительно осложняли деятельность исполнительных переписных органов и их работников, можно констатировать, что первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. в Березовском уезде (включая и северную его часть) состоялась. Как отмечалось в журнале Окружной переписной комиссии, «результат переписи вышел удовлетворительный»²⁴. Следовательно, и отступления от общих правил, действовавших при проведении переписи, сделанные Комиссией в связи с особенностями уезда, были вполне оправданы. Во многом успешному проведению переписи способствовало и то, что само население, «как городское, так сельское и инородческое к делу переписи отнеслось без всяких нежелательных предубеждений или неправильных и несогласных с духом разъяснений Правительства о целях переписи, толкований»²⁵.

Переходя к рассмотрению результатов переписи, следует отметить, что ни первичного переписного материала, ни подсчетных ведомостей по северным уездам Тобольской губернии не сохранилось. Изданные Центральным статистическим комитетом в 1899—1905 гг. результаты переписи дают сведения о населении лишь по губерниям (областям), уездам (округам) и городам²⁶. Переписные листы, отправленные с мест в центр, по окончании разработки переписи уже в начале XX в. за ненадобностью были проданы на бумагу²⁷. Копии с переписного материала, которые должны были остаться на местах также до нас не дошли.

Однако, данные о численности автохтонного населения по сибирским губерниям были извлечены из подлинного переписного материала до его уничтожения С.К.Паткановым и, будучи облеченными в форму статистических таблиц, изданы в «Записках

Императорского Российского Географического Общества»²⁸. Программа переписи включала 14 признаков — отношение к главе хозяйства и главе семьи; возраст; пол; брачное состояние; сословие, состояние или звание; место рождения; место приписки; место постоянного жительства; отметка об отсутствии человека или о временном проживании; вероисповедание; родной язык; грамотность и обучение; занятие, ремесло, промысел, должность или служба (с выделением главного и побочного занятий); отметка о физических недостатках. А в таблицах, составленных С.К.Паткановым, дается только группировка населения (как инородческого, так и отчасти русского) по уездам, волостям и населенным местам сибирских губерний. Но за отсутствием других данных его работа является единственным источником сведений о численности и этническом составе населения всех волостей Березовского уезда, полученных в результате первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Именно материалы С.К.Патканова послужили источником для таблицы 1.

Таблица 1

**Численность и этнический состав населения Ямальского Севера
(по переписи 1897 г.), чел.***

Название волостей и населенных пунктов**	Русские	Зыряне	Ханты	Ненцы	Прочие***	Всего
<i>Куноватская волость</i>	132	828	1684	72	108	2824
В том числе:						
Кушеват, село	70	1	47	0	17	135
Мужи, село	60	737	44	63	0	904
<i>Обдорская (остяцкая и самоедская) волость</i>	436	561	2444	3706	34	7181
В том числе:						
а) Остяцкая	428	546	2441	183	33	3631
В том числе:						
Обдорск, село	421	539	94	164	31	1249
б) Самоедская	8	15	3	3523	1	3550
ИТОГО	568	1389	4128	3778	142	10005

* Составлено и подсчитано по: Патканов С.К. Статистические данные, показывающие состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материалов переписи 1897 г.). Т. 2. Тобольская,

Томская и Енисейская губ. // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению статистики. 1911. Т. XI. Вып. 2. С. 26, 27, 32—34, 36—38.

** Указаны только места наибольшего сосредоточения русского населения.

*** К этой категории, за небольшим исключением, отнесены, главным образом, манси («вогулы»).

Как наглядно показывают итоги переписи, главным компонентом местного населения являлись представители коренных народов — ханты и ненцы, совокупный удельный вес которых составлял 79% (или 41,2 и 37,8% соответственно). На втором месте по численности находились коми-зыряне, доля которых равнялась 13,9%. Наконец, численность русских жителей края, зафиксированная переписью, составляла всего 568 человек, или 5,7% от общего числа населения Ямальского Севера.

Представленные в работе С.К.Патканова данные позволяют также установить особенности распределения населения региона по полу (табл. 2). Перепись показала преобладание мужчин во всех этнических группах. Их удельный вес составил: у русских — 52,1%, зырян — 51,8%, хантов — 53,9%, ненцев — 52,6%, прочих — 51,4%. Рассчитанный для всего населения, этот показатель равнялся 53%. Эта особенность полового состава неизбежно отражалась и в соотношении полов, которое находилось в диапазоне от 105—106 мужчин для группы «прочие» до 117—118 мужчин на 100 женщин для группы «ханты». Эти же группы устанавливали, таким образом, и крайние значения диапазона колебаний числа женщин, приходившихся на 100 мужчин: от 85—86 до 94—95 человек соответственно.

Таблица 2

Соотношение полов населения Куноватской и Обдорской волостей по переписи 1897 г., чел.*

	Русские	Зыряне	Ханты	Ненцы	Прочие	Все население
Число мужчин, приходящееся на 100 женщин	108,8	107,6	117,1	111,1	105,8	112,8
Число женщин, приходящееся на 100 мужчин	91,9	92,9	85,4	90,0	94,5	88,6

* Составлено и подчитано по тем же источникам, что и табл. 1.

С точки зрения абсолютных показателей численности на огромных северных территориях переписью 1897 г. было зафиксировано немногим более 10 тыс. человек. При этом, как было установлено исследователями, кочевое население региона подверглось очевидному недоучету. Так, уже современники отмечали, что в полной мере не была отражена численность этнографической группы лесных ненцев (проживавших в бассейне среднего и верхнего течения реки Пур и верховьях рек Назым и Лямин). Из 6 вагатов последних, выделенных А.А.Дуниным-Горкавичем, переписью, согласно С.К.Патканову, были охвачены только 3, принадлежавших к Казымской инородной управе в количестве 149 человек²⁹.

Уже в наше время И.И.Крупник, проведя критический анализ источников по демографической истории Ямала, пришел к выводу, что первая российская перепись также не учла в полной мере обдорских тундровых ненцев в составе Каменных (расселенных на полуострове Ямал, Северном Урале и в устье реки Оби) и Низовых (кочевавших на полуострове Явай, Гыдан, Тазовский) самоедов. Этот недоучет коснулся, в частности, ненецких родов, обитавших в северной и центральной части Ямальского полуострова, и объясняет неожиданный «взрыв» их численности по Приполярной переписи 1926/1927 гг. Приводимые в переписи сведения об общей численности Каменных самоедов и некоторых их наиболее крупных родов, заключает автор, гораздо менее достоверны, чем ревизии 1851 и 1858 гг.³⁰

Вполне вероятно, что какой-то процент недоучета мог приходиться и на кочевое и полукочевое хантыйское население региона. Тот же С.К.Патканов отмечал, что наличие у хантов нескольких сезонных поселений (летних и зимних юрт), отличавшихся к тому же повышенной мобильностью, еще до переписи 1897 г. становилось причиной серьезных расхождений в списках населенных мест с хантыйским населением, количество которых зависело от сезона и года сбора соответствующих сведений³¹.

Таким образом, перепись 1897 г. не решила проблему более точного демографического учета кочевого населения Ямала. Несмотря на стремление отразить всю полноту состава населения региона, она предоставила данные лишь о той части кочевого населения, которая уплатила ясак в 1897 г. В то же время, потенциальный недоучет кочевников ожидался Окружной переписной

комиссией изначально, еще на этапе планирования переписных работ и являлся вынужденным допущением в условиях отсутствия должной инфраструктуры и стабильно функционирующей системы текущего статистического наблюдения.

Что касается менее подвижного оседлого населения (прежде всего, русских и коми), то сведения, полученные переписью по данным категориям, являются более достоверными и полными.

Несмотря на свою малочисленность, русские составляли основу населения немногочисленных постоянных населенных пунктов региона. Наиболее крупным из них, конечно, являлось село Обдорское, где в 1897 г. проживало 74% русских жителей Ямала, составлявших при этом более трети жителей самого села. Другими центрами сосредоточения русских были села Мужы и Кушеват. Следует отметить, что перепись, проведенная в начале года, не могла учесть той части русских, чье пребывание на Ямале было связано с работой на рыбных промыслах и ограничивалось лишь рыболовным сезоном.

В конце XIX — начале XX вв. освоение и развитие рыбного хозяйства региона приняло промышленные масштабы. Лов рыбы в основном концентрировался в пределах р.Оби и Обской дельты, позднее, перед Первой мировой войной, в постоянную эксплуатацию были также втянуты угодья, расположенные в Тазовской губе, низовьях Таза и Пура³². Эксплуатация этих рыбных угодий осуществлялась главным образом при помощи завозной рабочей силы, вербовавшейся преимущественно в соседних уездах (Тобольском, Тюменском, Туринском)³³. Однако, поскольку рыбная промышленность носила не стационарный, а экспедиционный характер, то наемные рабочие проживали и работали на промыслах лишь в течение промыслового сезона, продолжавшегося с 1 мая по 1 сентября³⁴, на каковой срок они и вербовались.

По сведениям А.А.Дунина-Горкавича, всего в низовьях Оби в 1908 г. было зарегистрировано 83 рыбопромышленника, арендовавших 127 рыболовных угодий, на которых находилось более 80 промысловых заведений. На этих заведениях находилось «76 жилых домов и изб, 72 казармы, 354 чума, 44 отдельных кухни, 94 амбара, 52 бани и 83 засольных сарая. Всего, таким образом, на промыслах оказалось 775 зданий». При этом на промыслах было зарегистрировано 2991 человек рабочих, из которых на долю русских приходилась почти половина (1308 человек или 43,7%)³⁵.

Помимо непосредственной организации рыбозаготовок крупные тобольские фирмы, равно как и мелкие торговцы, занимались также скупкой продуктов рыболовства, заготовкой ценного пушного зверя и оленьих шкур. Для этих целей представители тобольских рыбопромышленников или отдельные инициативные торговцы проникали все дальше на север, в районы традиционного расселения коренных народов, организуя там лавки и торговые фактории, располагавшиеся, как правило, на путях наиболее оживленного передвижения кочевников или в удобных в промышленном отношении местах. Таким образом происходило расширение поселенческой сети региона или же подготавливалась основа для ее дальнейшего расширения. Так, например, Г.М.Дмитриев-Садовников, принявший участие в организованной Тобольским губернским музеем летом 1916 г. экскурсии на р.Надым, отмечал: «Зимовки, устраиваемые на зиму для торговли с инородцами, были первыми рассадниками поселений в этом краю, так как устраивались или на пути, или в центре движения инородцев. Вокруг них сгруппировалось население. Так образовались Норе, Хэ, Ныда»³⁶.

Дальнейшее развитие рыбной промышленности и укрепление торговых связей с аборигенным населением региона влекло за собой и соответствующее увеличение присутствия в нем русских. Как свидетельствуют данные Березовского уездного исправника за 1907 г., численность русских, проживавших в Куноватской и Обдорской волостях Березовского уезда, составляла уже 1431 человек, или 10,4% всего населения волостей, т.е. возросла почти вдвое. Причем основной вклад в этот рост внесла именно Обдорская волость, где располагались основные рыбопромышленные заведения и торговые пункты. Если в Куноватской волости число русских увеличилось всего на 18 человек (со 132 до 150), то в Обдорской — на 846 человек или почти в 3 раза (с 436 до 1282)³⁷.

Как и русские, коми-зыряне относились к некоренным жителям Ямальского Севера. Когда коми начали переселяться на север Западной Сибири — точно сказать нельзя, но они издавна знали пути в Зауралье и поддерживали постоянные торговые связи с местным населением, сами ходили туда промысливать пушнину и т.п.³⁸ Наиболее активные миграции зырян в Северное Зауралье, основными участниками которых явились коми-ижемцы, выходцы из Печорского уезда Архангельской губернии, начались со второй

половины XIX в. Зыряне, ведшие оседлый образ жизни, обосновывались во всех основных населенных пунктах края, составляя совместно с русскими большинство населения последних.

Так, в Обдорске первая семья коми появилась в 1853 г. Пик активности переселенческих процессов пришелся на последнее десятилетие XIX в., в течение которого в Обдорск на постоянное жительство прибыло 45 семей и 6 семей «наезжали временно»³⁹. По итогам переписи 1897 г. в Обдорске насчитывалось 539 коми жителей (или 43%). В дальнейшем их численности и удельный вес продолжал расти. В 1907 г. количество коми жителей села выросло до 718 человек, или 46% от общего числа последних⁴⁰.

В Мужы первые 4 семьи зырян прибыли в 1875 г.⁴¹ В 1897 г. здесь проживало 737 человек коми или 81,5% от общего количества жителей села, являвшегося центром сосредоточения коми населения края.

Несмотря на различия в образе жизни (кочевой или оседлый), всех ижимцев, как отмечали современники, отличала предприимчивость и способность к торговле. «Зырян зовут часто “северными жидами”, и они отчасти оправдывают свое прозвание. “Народ-эксперт”, как выражаются в Обдорске о зырянах, характеризуя их пронырливость», — замечал В.В.Бартенев⁴². Ему вторил Г.М.Дмитриев-Садовников: «Зырянин из всего сумеет извлечь выгоду, везде приспособиться, со всяким сторговаться, взяться за любое хозяйственное дело»⁴³.

Естественно, что в этом отношении зыряне составляли сильную конкуренцию русским торговцам. Представляя собой активный «колониционный элемент», зыряне и в дальнейшем продолжали наращивать свою численность в регионе. Так, к 1907 г. число его коми жителей увеличилось на 27% (или 1,3 раза) с 1389 до 1767 человек⁴⁴.

Таким образом, перепись 1897 г. стала на Ямале первой попыткой сбора сведений обо всех группах населения региона, не преследовавшего чисто фискальных целей, в отличие от предыдущих ревизий и ясачных сказок, являвшихся, по словам И.И.Крупника, колониальными по своей сути формами регистрации населения⁴⁵. Полученные по ее итогам данные не были полными, в то же время добиться абсолютного учета жителей края в условиях конца XIX в. вряд ли представлялось возможным.

Примечания

¹ См. подробнее: Камынин В.Д. Основные этапы и проблемы изучения истории Ямало-Ненецкого национального округа // Ямал в панораме российской истории. Материалы семинара «Теоретико-методологическое обеспечение исследований по истории Ямала». г. Салехард. 19—22 декабря, 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 3—20.

² История Ямала: В 2 т. / Под общ. ред. В.В.Алексеева. Екатеринбург, 2010. Т. 1. Ямал традиционный. Кн. 1. Древние культуры и коренные народы / Ред. Н.В.Федорова, А.П.Зенько и др.; Кн. 2. Российская колонизация / Ред. И.В.Побережников и др.; Т. 2. Ямал современный. Кн. 1. У истоков модернизации / Ред. К.И.Зубков и др.; Кн. 2. Индустриальное развитие / Ред. В.П.Тимошенко и др.

³ Из последних особенно выделяются работы Л.В.Алексеевой. См., например: Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917—1941 гг.: национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2002; Она же. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: трансформация хозяйственного уклада. Екатеринбург, 2003; Она же. Национальный состав, размещение, социальная организация населения Северо-Западной Сибири в первой трети XX в. // Западная Сибирь: история и современность. Краев. зап. Тюмень, 2001. Вып. 4. С. 55—62; Она же. Численность населения и демографические процессы на Севере Западной Сибири в 1920-е гг. // От Ваха до Агана. Тюмень, 2002. С. 51—65; Она же. К вопросу о составе и численности населения Обь-Иртышского Севера в 1920-х гг. // Динамика миграции населения и проблемы современного развития Западной Сибири. Сургут, 2002. С. 6—9; и др.

⁴ Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 305.

⁵ Государственный архив в г.Тобольске (далее — ГУТО ГАТ). Ф. 573. Оп. 1. Д. 7. Л. 1, 9.

⁶ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 458. Л. 3.

⁷ Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 1, 1 об.

⁹ Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.

¹⁰ Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 об.

¹¹ Там же. Л. 6 об.—7.

¹² Там же. Л. 1 об.

¹³ Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 7. Л. 52.

¹⁴ Там же. Л. 52 об., 53, 53 об.

¹⁵ Там же. Л. 53 об.—54.

¹⁶ Там же. Л. 54 об., 55, 55 об.

¹⁷ Список населенных мест Тобольской губернии. По сведениям, доставленным волостными правлениями в 1903 г. и проверенным с переписным материалом. Тобольск, 1904. С. 57.

¹⁸ ГУТО ГАТ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 7. Л. 56—56 об.

¹⁹ Там же. Л. 57—57 об.

²⁰ Там же. Л. 57 об.—58.

²¹ Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.

²² Там же. Л. 7.

²³ Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 7. Л. 74.

- ²⁴ Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 7. Л. 5 об.
- ²⁵ Там же. Л. 7 об.
- ²⁶ См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXVIII. Тобольская губерния. СПб., 1905.
- ²⁷ См. подробнее: Патканов С.К. Проект составления племенной карты России // Живая старина. 1915. Вып. 3. С. 220—221.
- ²⁸ Патканов С.К. Статистические данные, показывающие состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материалов переписи 1897 г.). Т. 2. Тобольская, Томская и Енисейская губернии // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению статистики. 1911. Т. XI. Вып. 2.
- ²⁹ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. Т. 1. Этнографический очерк местных инородцев. М., 1995. С. 117; Патканов С.К. Тобольский Север. С. 28—29, 122. Примеч. 1.
- ³⁰ Крупник И.И. Люди в чумах, цифры на бумаге. Русские источники к демографической истории Ямала, 1695—1992 гг. // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург; Салехард, 2000. С. 133, 139—141.
- ³¹ Патканов С.К. Тобольский Север. Т. 1. Сводные таблицы и краткие выводы // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению статистики. 1912. Т. XI. Вып. 1. С. 40.
- ³² Прибыльский П. Из прошлого Ямальского (Ненецкого) округа // Омская область. 1940. № 10. С. 23—24; Он же. Рыбное хозяйство Ямальского округа // Омская Область. 1940. № 11—12. С. 33.
- ³³ Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. С. 212.
- ³⁴ Там же. С. 222.
- ³⁵ Дунин-Горкавич А.А. Вопросы экономики и статистики рыбного промысла в Тобольской губернии // Дунин-Горкавич А.А. Доклады по вопросам рыболовства в Тобольской губернии. Тобольск, 1910. С. 5.
- ³⁶ Дмитриев-Садовников Г.М. Река Надым // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1918. Вып. 29. С. 33.
- ³⁷ ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 587. Л. 9 об.—10.
- ³⁸ См. подробнее: Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X — начало XX века. М., 1982. С. 176—179.
- ³⁹ Дунин-Горкавич А.А. Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения. Тобольск, 1908. С. 16.
- ⁴⁰ Шемановский И.С. Хронологический обзор достопамятных событий в Березовском крае Тобольской губернии (1032—1910 гг.) // Шемановский И.С. Избр. тр. / Сост. Л.Ф.Липатова. М., 2005. С. 283.
- ⁴¹ Дунин-Горкавич А.А. Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения. С. 14—16.
- ⁴² Бартенева В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века / Сост. Л.П.Рошевская, В.К.Белобородов. Екатеринбург, 1998. С. 112.
- ⁴³ Дмитриев-Садовников Г.М. Река Надым. С. 32.
- ⁴⁴ ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 587. Л. 9 об.—10.
- ⁴⁵ Крупник И.И. Люди в чумах, цифры на бумаге. С. 141.

Глава 2

ОПЕРАЦИЯ ПЕРЕВОЗА РОМАНОВЫХ ИЗ ТОБОЛЬСКА В ЕКАТЕРИНБУРГ

Операция перевозки семьи бывшего российского императора из Тобольска в Екатеринбург — одна из интереснейших и загадочных страниц в истории России. Интересна она тем, что в ней были задействованы две противоборствующие группы большевиков: московская во главе с комиссаром В.Яковлевым и уральская во главе с Ф.Голощёкиным, которые имели свои представления о судьбе Николая II и его семьи.

Отправляя царскую семью в Тобольск, Временное правительство надеялось, что спасает семью бывшего российского императора от политической нестабильности. Однако на деле получилось совсем по-другому: большевики никогда не выпускали из поля зрения бывшую царскую семью и потому, придя к власти после октябрьского переворота, сразу же обратили пристальный взгляд на Тобольск, что впоследствии круто изменило судьбу семьи бывшего российского императора. Немаловажным фактором перевозки семьи бывшего царя из Тобольска в Екатеринбург, сыгравшим, как впоследствии оказалось, не в пользу Романовых, стало, по мнению Александра Каца, следующее: «20 февраля 1918 г. СНК в составе Ленина, Свердлова, Крыленко, Карелина, Сталина и др. постановил: “Поручить Комиссариату юстиции и двум представителям Крестьянского съезда подготовить следственный материал по делу Николая Романова. Вопрос о переводе Николая Романова отложить до пересмотра этого вопроса в СНК. Место суда не предугадывать пока”. Из исторических документов известно, что большевики готовили в Москве громкий судебный процесс над Николаем Романовым¹. Обвинителем на предполагаемом процессе должен был выступить Троцкий Л.Д. Приближался час, о котором Ленин говорил и мечтал давно, — час расплаты с ненавистным монархом»².

Казалось бы, все ясно: большевики готовили в Москве над бывшим императором Николаем Романовым и его супругой судебный процесс по обвинению в государственной измене и разжиганию

войны и т.п., однако приговор прозвучал без суда. Возникает ряд вопросов: почему приговор привели в исполнение без суда, почему новым местом ссылки был выбран все-таки Екатеринбург и почему так много тайн вокруг операции перевозки Николая II из Тобольска в Екатеринбург?

В.Алексеев выдвинул в статье свою версию, которая касается царской семьи и их перевода в Екатеринбург: «Ситуация вокруг царской семьи заметно обострилась после заключения Брестского мира. Через неделю после ратификации Брестского мира, 1 апреля 1918 г., на заседании Президиума ВЦИК было постановлено: «Усилить надзор над арестованными, сформировать отряд в 200 чел. и отправить его в Тобольск (там находился в это время Николай II со своей семьей. — В.А.) для подкрепления караула, а в случае необходимости перевести в Москву»³. 6 апреля Президиум ВЦИК снова слушал вопрос о бывшем царе и принял решение подготовить его перевоз на Урал. Еще через три дня Председатель ВЦИК Я.Свердлов направил Уралсовету телеграмму о переводе царской семьи в Екатеринбург»⁴. 9 апреля 1918 г. Советы установили политический контроль над городом Тобольском и губернией, который продержался всего 66 дней.

Однако в историографических исследованиях мы встретили еще одну причину, почему семью Романовых решено было перевезти из Тобольска в Екатеринбург — монархический заговор, который, по мнению Советов, формировался в кругу офицеров для освобождения царской семьи. Эту точку зрения освещает в своем исследовании А.А.Штырбул, который отмечает: «В Тобольске активность монархистов особенно возросла в конце 1917 — начале 1918 года. К этому времени в Западной Сибири они располагали крупными денежными средствами, боевыми кадрами (главным подспорьем были бывшие офицеры, жандармы, активисты распавшихся черносотенных организаций). Заговорческих групп было несколько. В их числе: петербургская — Маркова (ее главным агентом в Тюмени был штабс-капитан С.Марков); московская — “монархического цензурного гарда” (ею был заслан в Тобольск некто Кривошеин, еще при Временном правительстве обосновавшийся здесь на нелегальном положении); “распутинская” (Вырубовой — Ярошинского, председатель Соловьев); гермогеновская, связанная с матерью Николая II; союзническая группа “Союз

тяжелой кавалерии” (с конца 1917 года ее центр находился в Берлине)»⁵.

Как отмечает в статье Николай Стариков, еще 22 апреля 1918 г. в Тобольск прибыл с чрезвычайными полномочиями от большевиков Комиссар Яковлев, с мандатом, подписанным Лениным и Свердловым⁶. При нем был отряд красноармейцев в 150 человек. В его свите был даже особый телеграфист, через которого шли все сношения по телеграфу.

Яковлев прибыл в Тобольск вечером и остановился в доме Корнилова. 23 апреля утром он явился к полковнику Кобылинскому, отрекомендовался ему «чрезвычайным комиссаром» и предъявил свои документы. Все они исходили из ЦИКа и имели подпись председателя ЦИКа Свердлова. Первый документ был удостоверением личности Яковлева. В нем говорилось, что он — член ЦИКа и что на него возложено поручение «особой важности»⁷.

На полномочия Яковлева указывает в своем исследовании В.В.Алексеев: «По его собственным словам, назначение свое он получил от Председателя ВЦИК Я.М.Свердлова, который заявил при этом: “Совет Народных Комиссаров постановил вывезти Романовых из Тобольска пока на Урал”»⁸.

9 апреля 1918 г. в Екатеринбург за подписью Свердлова ушла телеграмма: «Без нашего прямого указания из Екатеринбурга никуда не увозите. Задача Яковлева доставить Николая в Екатеринбург живым и сдать Белобородову и Голощёкину. Яковлеву даны самые точные и подробные инструкции. Все, что необходимо, сделайте. Сговоритесь с деталями с Яковлевым»⁹. Вместе с этой телеграммой в Центральном архиве МГБ России, где она и была обнаружена историком, находится большой пакет инструкций, регламентирующих каждый шаг царской семьи и ее охранников.

Возникает вопрос: почему же все-таки подготовку и осуществление операции Москва доверила лично комиссару В.Яковлеву, а не екатеринбуржцу П.Хохрякову? И почему Кремль так не доверял Уралу? Генрих Иоффе высказывает по этому поводу свое предположение: «В уральскую большевистскую верхушку, подержанную весьма влиятельными на Урале людьми из левоэсеровской партии, входило множество левых коммунистов. Как вспоминал уральский чекист И.Радзинский, «засилие в головке Уралоблсовета было левокоммунистическое. А.Белобородов, Г.Сафаров,

Н.Толмачёв, Е.Преображенский — все были леваки». Партийную линию вел Ф.Голощёкин — тоже левак. Левачество уральцев выразилось, в частности, в антибрестской позиции, занятой ими весной 1918 г., которая лишь усилила местнические, сепаратистские тенденции.

Примечателен факт, о котором бывший глава Временного правительства Г.Е.Львов, сидевший в апреле 1918 г. в тюрьме Екатеринбургa, позже рассказал колчаковскому следователю Н.Соколову. На одном из допросов, который вел Ф.Голощёкин, он заявил Львову: «У нас своя республика. Мы Москве не подчиняемся». Конечно, в этом выделась определенная бравада, но она, по-видимому, отражала действительность. Если это так, то и Москва, и Екатеринбург понимали: тот, кто “владеет” Романовыми, имеет хороший козырь в возможных переговорах с Германией или Антантой»¹⁰.

Таким образом, из статьи Г.Иоффе можно констатировать, что Екатеринбург по отношению к царской семье имел сепаратистские наклонности и не торопился особенно подчиниться Москве. Кремль это «чувствовал» и поэтому послал в Тобольск своего комиссара — Яковлева с более чрезвычайными полномочиями, чем у екатеринбургских руководителей РКП (б), которые предусматривал мандат, выданный ему самим Я.М.Свердловым. Это сильно встревожило екатеринбургскую головку, члены которой были не согласны с решением Москвы относительно судьбы Романовых. При этом налицо еще один немаловажный факт в «Деле»: комиссар Яковлев прибыл в Тобольск вечером 22 апреля 1918 г., а за десять дней до этого, как отмечает в своих воспоминаниях судебный следователь Омского Окружного суда Н.Соколов, «12 апреля от ЦИКа пришло письменное распоряжение об аресте Татищева, Долгорукова, Гендриковой и Шнейдер. Но солдаты пошли дальше. Они самовольно арестовали всех лиц, бывших при семье, не исключая и прислуги. В это время они и поселили их в губернаторском доме. Только один англичанин Гиббс упорно боролся за свою свободу и настоял на своем»¹¹.

Таким образом, на сепаратистские наклонности солдат указывает и сам Н.Соколов, который, опираясь на показания очевидцев, отмечает, что последние, по-видимому, не очень-то подчинялись указам «сверху». Н.Гриценко, опубликовавшая записки-воспоминания

офицера Мунделя, показала, что взвод революционных солдат, вступивших 9 апреля 1918 г. в Тобольск, называли не иначе, как бандитским сбродом, который не считался ни с кем и ни с чем¹².

Следует также отметить, что при установлении контроля над Тобольском и губернаторским домом между отрядами красноармейцев не существовало какого-либо согласия, наоборот, с каждым шагом приближения к городу между ними увеличивались разногласия и соперничество. На это указывает в своей статье А.Лосунов, который отметил следующее: «29 марта председатель Западно-Сибирского Совета из Омска В.Косарев послал в Москву телеграмму, при этом, прося заменить старую охрану омскими красногвардейцами. 13 апреля с подобной же просьбой обратились в Москву екатеринбуржцы, с той лишь разницей, что просили перевести Романовых в более спокойное место. Так, в телеграмме, отправленной в Москву, они констатировали следующее: «В Тобольске разложение. Омский комиссар Демьянов вместе с отрядом отказывается подчиняться местному исполкому. Боимся вооруженного столкновения части его отряда и солдат Керенского с нашими латышами и матросами¹³. 29 марта председатель Западно-Сибирского Совета из Омска В.Косарев послал в Москву телеграмму, при этом, прося заменить старую охрану омскими красногвардейцами»¹⁴. 13 апреля с подобной же просьбой обратились в Москву екатеринбуржцы, с той лишь разницей, что просили перевести Романовых в более спокойное место.

Ведя предварительное следствие по «Делу убийства царской семьи», Н.Соколов отмечал в своих отчетах, что комиссар Яковлев, с самого начала приезда из Петрограда в Тобольск, а также во время операции перевозки царской семьи из Тобольска в Екатеринбург, вынужден был бороться с самоуправством уральцев, которые ждали удобного момента, чтобы привести приговор в исполнение без всякого суда.

Архивные документы дают нам следующую информацию, касаемую операции комиссара Яковлева: «При обследовании фактов в сем направлении было установлено показаниями свидетелей Евгения Степановича Кобылинского, Николая Александровича Мунделя, Петра Андреевича Жильяра, Алексея Андреевича Волкова и других и ныне представляется доказанным, что присланный из Москвы для увоза Царской Семьи из г.Тобольска комиссар,

именовавшийся членом ЦИКа Василием Васильевичем Яковлевым, имел полномочия на выполнение этого поручения не от Уральского областного совета, а от председателя ЦИКа Якова Мовшева (Свердлова). Данными предварительного следствия установлено, что, выполняя это поручение, Яковлев обнаружил в г.Тобольске опасение, что ему будет оказано препятствие в выполнении его поручения и принимал в сём отношении необходимые меры, причем эти его мероприятия были направлены на устранение препятствий к увозу Царской Семьи не только со стороны отряда солдат, составлявших охрану Семьи, но и большевистских элементов в Тобольском СОВДЕПе, представлявших интересы именно екатеринбургских большевиков в лице их посланца Заславского»¹⁵.

Яковлев обнаружил при этом чрезвычайную торопливость в выполнении возложенного на него поручения. Как видно из показаний названных лиц, на него было возложено поручение увезти всю Царскую Семью из г.Тобольска. Из этого же документального сборника мы можем узнать, что он намеревался вывести из Тобольска всю семью Романовых во главе с бывшим императором. Однако болезнь цесаревича Алексея Николаевича изменила план действий, и пришлось действовать по-иному. Факт болезни в момент его прибытия в г.Тобольск Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и невозможность увоза Его из Тобольска повлекли за собой переговоры Яковлева с Москвой, каковые он вел по телеграфу через особого привезенного им с собой телеграфиста. Представляется установленным, что он получил из Москвы соответствующие указания при этих переговорах, и он увез 26 апреля 1918 года из г.Тобольска бывшего Императора¹⁶.

О приезде комиссара Яковлева в Тобольск и о его разговоре с Николаем II сообщала газета «Сибирский листок», опубликовавшая беседу комиссара Яковлева с сотрудником «Известий Центрального комитета», в которой было сказано следующее: «Комиссар Яковлев, ныне назначенный командующим на Урало-Оренбургском фронте, на которого было возложено выполнение распоряжения Совета народных комиссаров о переводе бывшего царя из Тобольска в Екатеринбург, в беседе с сотрудником «Известий Центрального комитета», рассказывает: «Подготовив все для переезда, назначенного мною на 27 апреля, я накануне этого дня

приехал в дом губернатора в Тобольске, где жил Николай Романов с семьей и близкими ему людьми.

Романов был предупрежден о моем приходе, но знал лишь, что я являюсь официальным представителем советской власти. О цели моего прихода он ничего не знал.

Войдя к бывшему царю, я заявил ему:

— Гражданин Романов, Советом народных комиссаров мне поручено перевезти вас из Тобольска. Отъезд назначен на завтра на 4 часа утра. Будьте готовы к этому времени.

Романов встрепенулся и тревожно спросил:

— А куда меня переведут?

Я ответил, что мне самому будущее место пребывания в точности неизвестно, и что я получу соответствующие распоряжения только в дороге.

Романов подумал немного и сказал:

— Я не поеду...

Прошу этого не делать. Я должен исполнить приказание. Если вы отказываетесь ехать, я должен или воспользоваться силой, или отказаться от возложенного на меня поручения. Тогда могут прислать вместо меня другого, менее гуманного человека. Вы можете быть спокойны. За вашу жизнь я отвечаю своей головой. Если вы не хотите ехать один, можете ехать с кем хотите. Будьте готовы. Завтра в 4 часа мы выезжаем»¹⁷.

Таким образом, даже из воспоминаний комиссара Яковлева можно судить о том, что в Москве ему были даны самые точные указания относительно безопасности царской семьи и лично Николая II.

Еще до приезда в Тобольск комиссара Яковлева среди уральских большевиков росли слухи об угрозе монархического заговора, и они забрасывали Москву телеграммами с требованиями дать им разрешение увести Романовых из Тобольска. Однако это дело поручили Яковлеву — человеку совершенно чужому для уральской верхушки, что существенно «ударило» по самолюбию уральцев. Об этом также упоминает в своих воспоминаниях П.М.Быков: «Вопрос о положении Романовых в Тобольске и возможности их побега начал ставиться в частных совещаниях партийных организаций и Областного Совета с февраля 1918 года. Сообщения товарищей о наплыве в Тюмень и Тобольск офицерства

и существовании там организации, поставившей целью освобождение Романовых, заставили еще внимательнее отнестись к этому вопросу. Были предположения, что в случае побега Романовых увезут или на Обдорск, где можно было сесть на английский пароход, или по тракту через Ишим — на Дальний Восток»¹⁸.

Из материалов «дела» Н.А.Соколова можно проследить: сама операция по перевозу царской семьи из Тобольска в Екатеринбург началась 26 апреля 1918 г. в 4 часа утра. Обстановка перед отъездом была непростая. За два дня до отбытия можно было наблюдать следующее: «Он обнаруживал большую торопливость, спешил сам и торопил других. Кобылинский показывает: “У Яковлева, я уверен, была в это время мысль: как можно скорее уехать, как можно скорее увезти. Встретившись с противодействием Государя... Яковлев думал: мне все равно. Пусть берут, кого хотят. Только бы поскорее. Вот почему он тогда так часто и повторял слова: “Мне все равно; пусть едет, кто хочет”, не выражая на словах второй части своей мысли: только бы поскорее. Об этом он не говорил, но все его действия обнаруживали это желание: он страшно торопился. Поэтому он и обусловил: немного вещей, чтобы не задержать время отъезда”»¹⁹.

Из воспоминаний придворного учителя П.Жильяра: «Комиссар уверяет, что с Государем не случится ничего дурного и что, если кто-нибудь пожелает его сопровождать, этому не будут противиться»²⁰.

По приезду в Тобольск, перед увозом царской семьи, комиссар Яковлев решил еще одну проблему — выдал всем солдатам караула жалование, которое они ждали уже несколько месяцев, вследствие чего и получил свободный доступ к Романовым. На это, в частности, указывал в своем исследовании историк Лев Сонин, который отмечал: «Прибывший утром 25 апреля Яковлев, прежде всего, появился к полковнику Кобылинскому и в очень корректной форме вел с ним переговоры.

В тот же день было собрано общее собрание стрелков, на котором Яковлев по большевистской манере сразу расположил к себе их. Он заявил, что Совнарком знает об их примерной службе, извиняется, что очень долго оставляет отряд без внимания, причиной чему была обремененность работой, что он привез всему отряду суточные деньги, которые были давно обещаны и не были

получены. Наши стрелки быстро поняли положение и стали требовать кроме суточных еще и жалованье, равное с красноармейцами, т.е. по 150 руб. в месяц. Яковлев для виду торговался, но потом на все согласился и в тот же день раздал обещанные деньги. На каждого пришлось сразу более чем по 1000 руб. Так Яковлев разрешил одну из трех стоявших перед ним проблем — Царская семья была у него в руках»²¹.

Следовательно, можно констатировать: большевики, направляя в Тобольск комиссара Василия Яковлева, уже были, с одной стороны, наслышаны о проблеме с охраной губернаторского дома, которая не хотела и близко подпускать кого-либо к царской семье; с другой стороны, им было также известно, что солдаты давно не получали жалованье и готовы были говорить лишь с тем, кто предложит реальный выход из сложившегося положения. И Яковлев решил эту проблему — с помощью тех денег, которые привез с собой из Москвы.

Что касается самого перевоза Николая II и его семьи из Тобольска в Екатеринбург в апреле 1918 г., то вокруг этого события до сих пор продолжают формироваться слухи и домыслы, особенно вокруг комиссара Яковлева. Как отмечает историк В.В.Алексеев, «Переезд Николая Романова на Урал широко освещался в исторической литературе, высказывалось немало версий относительно миссии комиссара В.Яковлева, сопровождавшего царя. Сегодня ясно, что он не был двойным шпионом, а, являясь заместителем Председателя ВЧК Ф.Э.Дзержинского, выполнял роль большевистского руководства. Главный вопрос в другом: какую цель оно преследовало, перевоза Царскую семью в Екатеринбург? На пленуме ЦК РКП (б) 18 мая 1918 года было принято решение не предпринимать пока ничего относительно Николая II. Отсюда можно сделать вывод, что на первых порах преследовалась цель перебазировать царскую семью из далекой и слабо контролируемой Сибири, ближе к центру под надежную охрану радикально настроенных уральских большевиков»²².

Сама операция по перевозу царской семьи из Тобольска в Екатеринбург, как уже было сказано выше, началась в 4 часа утра 26 апреля 1918 г. Сохранились воспоминания самого комиссара Яковлева, в которых он упоминает о разработке плана по отъезду из Тобольска: «Совместно с Касьяновым, Зенцовым, Мыльниковым

и Фадеевым я занялся разработкой плана отъезда. Здесь впервые я сообщил им, что нам предстоит перевезти Романовых в Екатеринбург, но просил их пока держать это в секрете не только вообще от всех окружающих, но временно воздержаться знакомить с этим остальных членов нашего отряда. В последний момент они сами узнают об этом.

Обитатели дома все были на ногах. По всем углам дома слышались вздохи и всхлипывания. Дочери Романовых и весь их придворный штат вышли на крыльцо. Николай Романов как-то растерянно переходил от одного к другому и какими-то судорожными движениями крестил своих дочерей. Его надменная жена сдерживала слезы дочерей.

Ровно в 4 часа все сидели на своих местах. Я зашел в караульное отделение, попрощался с солдатами охраны, и мы двинулись в путь»²³.

Дочь придворного доктора Е.С.Боткина, Татьяна Мельникова-Боткина вспоминала потом: «Было часов пять утра, и на рассвете бледного весеннего дня всех можно было хорошо видеть. Комиссар Яковлев шел около Государя и что-то почтительно говорил Ему, часто прикладывая руку к папахе. Стали садиться, укутываться. Вот тронулись. Поезд выехал из противоположных от меня ворот загородки и загнул мимо забора, прямо на меня, чтобы затем под моими окнами повернуть налево по главной улице.

В первых двух санях сидели четыре солдата с винтовками, затем Государь и Яковлев. Его Величество сидел справа, в защитной фуражке и солдатской шинели. Он повернулся, разговаривая с Яковлевым, и я, как сейчас, помню Его доброе лицо с бодрой улыбкой.

Дальше были опять сани с солдатами, державшими между колес винтовки, потом возок, в глубине которого виднелась фигура Государыни и красивое, тоже улыбающееся такой же ободряющей улыбкой, как у Государя, личико Великой Княжны Марии Николаевны, потом опять солдаты, потом сани с моим отцом и князем Долгоруковым. Мой отец заметил меня и, обернувшись, несколько раз благословил. Потом опять солдаты, Демидова с Матвеевым, Чемодуров с солдатами, опять солдаты и верховые вокруг.

Все это со страшной быстротой промелькнуло передо мной и завернуло за угол»²⁴.

Во время перевоза Романовых из Тобольска в Екатеринбург комиссаром Яковлевым были приняты самые строгие меры безопасности: это было сделано в связи с неоднократными попытками уральцев (в частности — Заславского), ликвидировать бывшую царскую семью по пути следования из Тобольска, что подтверждают документальные источники. Из содержания «Основания к возбуждению уголовного дела» следует: «6 апреля 1918 г. Президиумом ВЦИК принято решение о переводе царской семьи на Урал. Перевезти Романовых из Тобольска в Екатеринбург ВЦИК поручил В.В.Яковлеву, наделенному для этого чрезвычайными полномочиями. К этому времени руководство Совета в Екатеринбурге пришло к выводу о необходимости расстрела семьи Николая II без суда. Председатель Уралсовета А.Г.Белобородов вспоминал: “Мы считали, что, пожалуй, нет даже надобности доставлять Николая в Екатеринбург, что если представятся благоприятные условия во время его перевода, он должен быть расстрелян в дороге. Такой наказ имел (командир екатеринбургского отряда) Заславский...”»²⁵.

Сохранились документы о перевозке Николая II, Александры Федоровны, Великой княжны Марии Николаевны и слуг комиссаром Яковлевым В.В., из которых видно, насколько решительно уральцы предпринимали усилия для уничтожения по дороге членов Царской семьи. Их не смущало вооруженное столкновение, и даже гибель всего отряда В.В.Яковлева, в который входило более ста революционных солдат. Существовал даже предложенный Уралсоветом план ликвидации царской семьи с помощью крушения поезда по пути следования из Тюмени в Екатеринбург»²⁶.

Следовательно, операция по перевозу Николая II и некоторых членов семьи Романовых из Тобольска в Екатеринбург проходила с не меньшими трудностями, чем их перевоз из Петрограда в Тобольск; и это притом, что комиссар Яковлев имел особо важный мандат от самого Я.Свердлова и его самые точные указания: «Доставить “груз” в целости и сохранности»²⁷.

По пути в деревнях все знали, что везут бывшего царя и бывшую царицу, хотя организаторы переезда старались не разглашать это. Там, где проезжали днем или под вечер, улицы бывали полны народом. Многие, чтобы лучше видеть, забирались на крыши домов, на верхушки колоколен, деревьев, оград. Наблюдали проезд

большей частью молча, но иногда и до Николая доносились насмешливые выкрики, вроде: «Что, доцарствовался?» «Ну как, субчик, навоевался?..» «Наломал наших костей, а?»

«По лесным и полевым дорогам, местами обратившимся в топи, по мосткам и пародам через три широкие реки, по хрупкому льду этих рек, покрытому талой водой и ежеминутно готовому треснуть и раздаться», колонна под начальством Яковлева покрыла за 40 часов 280 верст и в десятом часу вечера въехала на улицы Тюмени²⁸.

На подступах к городу колонну встретил во главе кавалерийского эскадрона Н.М.Немцов — руководитель тюменских большевиков, член партии с 1897 г., активно участвовавший в организации охраны пути от Тобольска до Тюмени. Выйдя навстречу колонне, отряд Немцова повернул обратно вслед за ней и проводил ее через город до вокзала. Вскоре вдоль перрона тюменского вокзала двинулся маневровый паровоз. Он вытянул сюда состав в шесть пассажирских вагонов, обозначенный в расписании как «внеочередной поезд № 42 Самаро-Златоустовской железной дороги». Началась посадка. Романовы разместились в отдельном вагоне в середине состава. В центре этого вагона занял купе Яковлев. Справа от него поместились отдельно Николай и Александра Федоровна, слева — дочь бывшего царя и Анна Демидова. Еще три отделения рядом — для прислуги и приближенных. В крайних купе у выходов — командир отряда Зенцов и начальник караула. Посты поставлены в концах коридора и тамбурах. Вся охрана в этом вагоне была подобрана из уфимского, т.е. яковлевского, отряда²⁹.

По воспоминаниям П.Жильярва, 28 апреля полковник Кобылинский получил телеграмму с сообщением о том, что все благополучно прибыли в Тюмень. Вечером пришла вторая телеграмма, отправленная после отъезда из Тюмени: «Едем в хороших условиях. Как здоровье маленького? Господь с вами»³⁰.

Опираясь на содержание источников и историографии, необходимо отметить, что посадка в вагон прошла без промедления, но под контролем уральских сопровождающих товарищей. Однако Яковлев вдруг, неожиданно для всех, в пути меняет маршрут и поворачивает поезд в направлении Омска. С.Мельгунов в книге «Судьба императора Николая II» указывал: «Когда была закончена

операция размещения, Яковлев отправился на телеграф и снова говорил по прямому проводу с Москвой. Говорил он в присутствии представителя тюменского совета Немцова, т.е. это действие комиссара центра не носило секретного характера. Авдееву, поместившемуся в купе вместе с Яковлевым, переговоры эти показались подозрительными. Он пытался выйти из вагона на вокзал, но часовые его не пустили. «Несколько минут, — пишет Авдеев, — я просидел в вагоне, обдумывая, что предпринять, и услышал шум на площадке — часовые с кем-то перебранивались. Я поспешил выйти на площадку вагона и увидел нашего рабочего с Злоказовского завода, красногвардейца Ивана Логинова. Он пробивался ко мне в вагон, а часовые не пускали... Подошел начальник караула. Воспользовавшись моментом, Логинов подошел к площадке вагона, и я ему сообщил, чтобы он после отхода поезда сообщил в Уральский совет о времени отхода и направлении нашего поезда. Услыхав мое сообщение Логинову, начальник караула начал требовать, чтобы я вошел в вагон, а Логинова просил удалиться от вагона. Через несколько минут вошел Яковлев, и поезд тронулся, только не по направлению к Екатеринбург, а, как я и предполагал, к Омску»³¹.

Здесь необходимо добавить еще одну немаловажную деталь: из источников и историографии, описывающих операцию перевоза Романовых в Екатеринбург, известно следующее: «В дороге Яковлев узнал, что Екатеринбург не пропустит Царственных Узников. Заславский, опередивший его на один день, успел предупредить и мобилизовать Уральский областной Совет.

Тогда он приказал повернуть назад и ехать на восток, чтобы через Омск пробраться на южную линию и попытаться пробиться в Европейскую Россию через Челябинск и Уфу. На ближайшей к Омску станции Куломзино поезд был остановлен отрядом красноармейцев. Здесь Яковлев узнал, что Уральский Совет объявил его вне закона за то, что он якобы пытается увезти Государя за границу. Тогда он отцепил паровоз и один отправился в Омск говорить по прямому проводу с председателем ВЦИК Свердловым. Этот последний приказал ему ехать в Екатеринбург. Ему оставалось только подчиниться»³².

В статье историк Г.Сергеев указывает на следующее: «В Омске, по счастью (только для Яковлева, к сожалению), председателем

Совета оказался его старый товарищ, и телеграмма Белобородова была аннулирована. Но непоправимое уже случилось. Снова Яковлев вызывает Свердлова, и тот, узнав ситуацию, велел отправить поезд в Екатеринбург. Здесь еще раз Яковлев убедился, что опасность Екатеринбурга для Романовых была совершенно реальной. Казалось бы, местная власть должна была принять надлежащие меры для их встречи и препровождения, но, как потом стало известно, машины в местном гараже не были готовы за отсутствием бензина. Три часа простоял поезд на станции, заперженной агрессивно настроенной толпой, требовавшей выдачи Романовых на расправу. Именно тогда и сказал Николай Романов начальнику охраны поезда Петру Матвееву: «Я бы поехал куда угодно, только не на Урал»³³.

Расправа грозила и самому Яковлеву. Насколько можно реконструировать события, уральцы не вняли разъяснениям Свердлова и сообщили ему о своем намерении расправиться с «изменником». Можно только догадываться, в какой ярости был Свердлов, если мандат, подписанный им и Лениным, был проигнорирован уральцами. Пришлось срочно подключать к проводу Ленина, и только это спасло Яковлева.

«Ваше счастье, Яковлев, что Ленин за вас! Все ваши действия он считает правильными! — сказал Голощёкин»³⁴.

Следовательно, исходя из документальных данных, мы можем констатировать, что в Екатеринбург поезд с первой партией царской семьи прибыл примерно 29—30 апреля 1918 г. Яковлев уехал в Москву. Оттуда он прислал своему телеграфисту телеграмму: «Собирайте отряд. Уезжайте. Полномочия я сдал. За последние не отвечаю»³⁵.

Из дневника Николая II: «17 апреля. Вторник. Тоже чудный теплый день. В 8.40 прибыли в Екатеринбург. Часа три стояли у одной станции. Происходило сильное брожение между здешними и нашими комиссарами. В конце концов одолели первые, и поезд перешел к другой — товарной станции. После полуторачасового стояния вышли из поезда. Яковлев передал нас здешнему областному комиссару, с которым мы втроем сели в мотор и поехали пустынными улицами в приготовленный для нас дом — Ипатьева».

Что же из себя представлял город Екатеринбург в 1918 году? Английский исследователь Р.Месси так пишет о Екатеринбурге:

«Город Екатеринбург расположен на пологих холмах восточного склона Уральских гор. На одном из самых высоких холмов, рядом с центром города, преуспевающий купец Н.Н.Ипатьев построил себе красивый двухэтажный дом. Стоял он на склоне холма, его нижний этаж с одной стороны дома находился на уровне земли, а с другой переходил в полуподвал. В конце апреля, когда Николая и Александру увезли из Тобольска, Ипатьеву неожиданно приказали в 24 часа освободить дом». После того, как он уехал, пришла бригада рабочих и спешно возвела большой дощатый забор, огородивший дом и сад от улицы. Пять комнат верхнего этажа были отведены под тюрьму, стекла на окнах закрасили белой краской, так, чтобы нельзя было видеть, что происходит внутри. Нижний этаж на скорую руку был переделан в караульное помещение и канцелярию. Когда все было готово, дому было присвоено зловещее официальное название — «Дом особого назначения»³⁶.

22 мая 1918 г. в дом Ипатьева из Тобольска были доставлены остальные члены царской семьи и их приближенные. В Ипатьевский дом были заключены следующие лица: Император Николай II, Императрица Александра Федоровна, Наследник Алексей Николаевич, Великие Княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, доктор Е.С.Боткин, лакей А.Е.Трупп, комнатная девушка А.С.Демидова, повар И.М.Харитонов, поваренок Иван Седнев³⁷.

Остальные члены свиты царской семьи: матрос Нагорный, князь Долгоруков, граф Татищев, графиня Гендрикова были немедленно убиты большевиками³⁸.

Таким образом, почти полтора месяца бывшая царская семья после приезда в Екатеринбург проведет в заточении в доме Ипатьева под строжайшем надзором.

Примечания

¹ Кац А.С. Анти-Лениниана. Убийство царской семьи // Самиздат. 2008. № 26. С. 1—9.

² Там же.

³ Алексеев В.В. Гибель императорского дома: взгляд три четверти века спустя. URL: <http://www.ihist.uran.ru>. Дата обращения 30 сентября 2011 г.

⁴ Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX — первая треть XX в.). Омск, 2008. С. 287—280.

⁵ Стариков Н. Ликвидация России: кто тайно руководил Лениным во время революции? СПб., 2009. С. 178.

⁶ Алексеев В.В. Гибель царской семьи: мифы или реальность (Новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, 1993. С. 120—125.

⁷ Там же.

⁸ Алексеев В.В. Гибель императорского дома: взгляд три четверти века спустя // Уральский исторический вестник. 1994. №1. С. 65—66.

⁹ Иоффе Г. Филиппов суд // Наука и жизнь. 2010. № 8. С. 1—2.

¹⁰ Соколов Н. Убийство Царской семьи. М., 1999. С. 29.

¹¹ Гриценко Н. Заметки офицера охраны Мунделя. Екатеринбург, 2000. С. 286—287.

¹² Лосунов А. Омск мог бы стать нашим спасением // Археология и история. 2009. № 5. С. 2.

¹³ Там же.

¹⁴ Соколов Н.А. Постановление о выделении из настоящего дела (№ 20) об убийстве Царской Семьи и приобщении к делу (№ 21) об убийстве Августейших Особ в г.Алапаевске обстоятельстве, относящихся к убийству Августейших Особ в г.Алапаевске, 6 августа 1922 г. // Соколов Н.А. Предварительное следствие 1919—1922 гг.: Сб. материалов / Сост. Л.А.Лыкова. М., 1998. С. 358—359. (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Т. VIII).

¹⁵ А. А-в. К переводу бывшего царя из Тобольска в Екатеринбург // Сибирский листок. 1918. № 59 (20 мая). С. 2—3.

¹⁶ Быков П.М. Последние дни последнего Царя. Свердловск, 1991. С. 110.

¹⁷ Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сент. 1905 — Екатеринбург, май 1918 г.) / Предисл. С.Д.Сазонова. Воспроизв. изд.: Вена, 1921; М., 1991. С. 242.

¹⁸ Сонин Л. Покер на костях, или как скрывают правду о семье Николая II. Екатеринбург, 1998. С. 157—158.

¹⁹ Алексеев В.В. Гибель императорского дома: взгляд три четверти века спустя // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 65—66.

²⁰ Последние дни Романовых. Документы, материалы следствия, дневники, версии. Свердловск, 1991. С. 64—65.

²¹ Мельник (Боткина) Т.Е. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции / Предисл. автора. Воспроизв. изд.: Белград, 1921; М., 1991. С. 55.

²² Там же. С. 56.

²³ Справка о гибели семьи российского Императора Николая II и лиц из его окружения, погибших 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге. М., 1998. С. 2.

²⁴ Иоффе Г. Филиппов суд. С. 1—2.

²⁵ Там же. С. 2.

²⁶ Касвинов М. Двадцать три ступени вниз // Звезда. 1972. № 8—9; 1973. № 7—10.

²⁷ Там же.

²⁸ Мельгунов С. Судьба императора Николая II после отречения. URL: <http://readr.ru/page=43#ixzz1hwkUusyGf>. Дата обращения 29 декабря 2011 г.

²⁹ Там же.

³⁰ Увоз из Тобольска их величеств и Великой Княжны Марии Николаевны // Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. СПб., 1998. С. 4—5.

³¹ Сергеев Г. Миф о большевистском расстреле или кто отдал приказ о расстреле Романовых. URL: <http://test.t-gid.ru>. Дата обращения 30 декабря 2011 г.

³² Там же.

³³ См.: Соколов Н.А. Убийство Царской семьи. С. 39.

³⁴ Месси Р. Николай и Александра: Роман-биография. М., 1992. С. 419.

³⁵ Из дневника Николая II // Сборник документов, относящихся к убийству Императора Николая II и его семьи. М., 1999. С. 8—9.

³⁶ Мультагули П. Тайны Екатеринбургского злодеяния // Академия Российской истории. 2009. № 2. С. 11.

³⁷ Там же.

Глава 3

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КОЛХОЗАМИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1930-е гг.

Колхозы как новая, «социалистическая» форма организации аграрного производства всегда находились в зоне внимания Советского государства и Коммунистической партии. Само возникновение коллективных хозяйств было инициировано советской властью: строительство колхозов и совхозов было объявлено одной из задач созданного 8 ноября 1917 г. Народного комиссариата земледелия (НКЗ, Наркомзем). Наркомзем должен был содействовать крестьянам при создании коллективных хозяйств. Первые коллективные хозяйства возникли уже в 1917 г. Советское государство оказывало им материальную помощь, предоставляло землю, часть помещичьего, а в период комбедов — и кулацкого инвентаря и скота. Колхозы в первую очередь снабжались сельскохозяйственным инвентарем. Все это оказало существенное влияние на развитие колхозов, их количество значительно возросло в 1918 г., достигнув в конце года 1579, в том числе 975 коммун и 604 артели¹.

Сложившаяся система управления колхозами в 1917 — начале 1930-х гг. исследована в работах Н.А.Ивницкого и Н.П.Носовой². Здесь лишь кратко охарактеризуем этапы, которые можно выделить в рамках этого периода.

Первый этап в развитии системы управления колхозами совпал с процессом становления государственного аппарата Советской республики в условиях Гражданской войны. Особую роль в возникновении и развитии коллективных хозяйств, безусловно, играл Наркомат земледелия и его структуры — Отделение о коммунах в составе Отдела текущей земельной политики, а с июня 1918 г. — Бюро коммун. В составе губернских, уездных земельных отделов возникали местные органы бюро коммун, в функции которых входило обобщение опыта работы первых коллективных хозяйств и осуществление руководства колхозным строительством.

Вопрос о работе в деревне был одним из основных вопросов, обсуждавшихся на VIII съезде партии в марте 1919 г., по решению которого в ЦК партии 25 июля 1919 г. был создан специальный Отдел по работе³.

Одновременно со становлением государственно-партийных структур шел процесс создания собственно колхозных органов — союзов коммун и артелей в центре и на местах, которые призваны были связывать органы Наркомзема с отдельными колхозами. Первый губернский союз коммун образовался в Вологде 1 мая 1919 г.⁴ В декабре 1919 г. по решению I съезда земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей был организован Всероссийский союз трудовых производительных сельскохозяйственных коллективов (коммун и артелей)⁵.

На *втором этапе*, весьма непродолжительном, руководство колхозами осуществлялось в рамках единого профсоюза. В конце 1920 г. Всероссийский союз колхозов был объединен с Всероссийским профессиональным союзом работников земли и леса (Всеработземлес). Решение о слиянии фактически означало отождествление членов сельскохозяйственных коллективов (колхозов) с работниками советских государственных хозяйств (совхозов) и вскоре оно было признано ошибочным⁶.

Что касается органов государственного управления коллективными хозяйствами, то эти задачи до 1919 г. выполняло Бюро коммун, затем — Отдел обобществления сельского хозяйства Наркомзема РСФСР. Практической работой на местах руководили инструкторы этого отдела и подотделы обобществления местных земельных органов (губернских и уездных)⁷. В феврале 1921 г. в составе Наркомата земледелия РСФСР было образовано Главное управление советскими и коллективными хозяйствами (Главсовколхоз). Вопросами колхозного строительства в Главсовколхозе занимался Отдел коллективных хозяйств⁸.

В декабре 1921 г. было принято решение о передаче коммун и артелей в систему сельскохозяйственной кооперации, для руководства которой в августе 1921 г. был создан Всероссийский союз сельскохозяйственной кооперации (Сельскосоюз)⁹. Это означало наступление нового, *третьего этапа* в развитии системы управления колхозами: колхозные органы существовали в рамках кооперативных. Внимание партийных и советских властных структур

к коллективным хозяйствам примерно до середины 1920-х гг. было незначительным.

В связи с переходом к новой экономической политике произошли изменения в системе земельных органов. В составе НКЗ РСФСР в декабре 1921 г. было образовано Центральное управление земледелия и советских хозяйств (1921—1923 гг.). А в 1923 г. прошла реорганизация НКЗ РСФСР, в результате которой Центральное управление земледелия и советских хозяйств было ликвидировано. В составе НКЗ было создано пять управлений, из которых ведущим являлось Управление сельского хозяйства (остальные управления мыслились как вспомогательные). Оно занималось вопросами полеводства, луговодства, садоводства, огородничества и пр. Однако руководство развитием советских и коллективных хозяйств в особую сферу выделено не было. Это отразило понимание властью того обстоятельства, что развитие социалистического земледелия не стоит на повестке дня. В центре внимания земельных органов оказались миллионы индивидуальных крестьянских хозяйств. Местные земельные органы в губерниях через подотделы повторяли структуру НКЗ РСФСР. В уездных земельных отделах подразделение на подотделы отсутствовало¹⁰.

Изменения произошли и в партийных структурах. По решению X съезда РКП (б) Отдел по работе в деревне был ликвидирован. Хотя решением Оргбюро ЦК РКП (б) в августе 1923 г. была создана Комиссия по работе в деревне, она имела временный статус¹¹. В июле 1924 г. была создана постоянная комиссия по работе в деревне в составе В.М.Молотова (председатель), М.И.Калинина, И.В.Сталина, Н.К.Крупской и др. В сентябре 1924 г. она была преобразована в Совещание по работе в деревне при ЦК РКП (б)¹². Н.П.Носова отмечает нерегулярность созыва этих структур, отсутствие у них технического аппарата и представительств на местах, они действовали через аппарат центральных и территориальных партийных комитетов¹³.

Перелом в отношении к коллективным хозяйствам произошел в 1925 г. Установка партии на социалистическое строительство потребовала перестройки советских (прежде всего, земельных), партийных и колхозных органов по руководству колхозным движением.

В феврале 1925 г., после длительного перерыва, было создано Всесоюзное совещание колхозов, которое фактически имело значение съезда. Оно приняло решение о создании специального совещательного органа при Сельскохозяйственном Союзе — Всесоюзного Совета сельскохозяйственных коллективов (колхозов)¹⁴. Таким образом, впервые был создан общесоюзный орган, специально занимавшийся вопросами колхозного строительства — ВСК. На местах создавались Советы колхозов. Наряду с существованием Всесоюзного Совета колхозов при союзах сельскохозяйственной кооперации начали возникать с 1925 г. отделы коллективного земледелия, которые в 1926 г. были преобразованы в автономные секции колхозов.

Уже весной 1927 г. оформилась система организационно-производственного руководства колхозами. 10 апреля 1927 г. совещание представителей колхозных объединений РСФСР — делегатов V расширенной сессии Всесоюзного Совета колхозов — вынесло постановление об организации Всероссийского союза сельскохозяйственных коллективов (Колхозцентра РСФСР). Колхозная система впервые получила свое организационное оформление как самостоятельная система сельскохозяйственной кооперации¹⁵. На местах создавались республиканские колхозные центры, в районах с относительно высоким уровнем коллективизации — секции или бюро колхозов, а также групповые и кустовые объединения колхозов. Создание Колхозцентра и его местных органов означало начало *четвертого этапа* в развитии системы управления колхозами. В октябре 1929 г. в результате слияния Всесоюзного совета колхозов и Колхозцентра РСФСР был создан Колхозцентр СССР и РСФСР, который сыграл важнейшую роль в управлении процессом создания коллективных хозяйств, организации их внутренней жизнедеятельности в период сплошной коллективизации.

По решению ноябрьского (1927 г.) Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) вторично был создан Отдел по работе в деревне ЦК ВКП (б) во главе с К.Я.Бауманом. Отдел не был разделен на сектора, хотя в нем работало 10 инструкторов и 4 референта. В ведении отдела находились совхозы, колхозы, МТС, реорганизация сельскохозяйственной кооперации, работа среди батрачества и бедноты и хозяйственная помощь бедноте, наблюдение за проведением водной, земельной и иными реформами. Отделы по

работе в деревне создавались и в губернских партийных комитетах. По словам И.В.Сталина на заседании Оргбюро ЦК ВКП (б) 30 декабря 1929 г., Отдел по работе в деревне служил «некоторым суррогатом несуществующего Наркомзема, несуществующей организации советского типа, которая могла бы объединять политическую работу и направлять соответствующие наркомземы республик»¹⁶.

В декабре 1929 г. был образован объединенный Наркомат земледелия СССР. Выступая 7 декабря 1929 г. на 2-й сессии ЦИК СССР 5-го созыва, принявшей решение «Об образовании Народного комиссариата земледелия Союза ССР», Г.И.Петровский сказал: «...Коллективизация требует повседневного управления и руководства союзного центра: коллективизировать целые области это будет уже не под силу им самим», т.е. местным органам¹⁷. Управление колхозным строительством приобретало централизованный характер.

Таким образом, накануне сплошной коллективизации в системе управления колхозами можно увидеть три властных вертикали. Одна из них — различные структуры земельных органов в центре и на местах, представлявшие советский аппарат управления.

Вторую вертикаль представляли собственно колхозные органы, которые в 1920-е гг. имели разную степень самостоятельности, входя или в профессиональные, или в кооперативные организации. Для руководства колхозным строительством созывались различные съезды (совещания) представителей коллективных хозяйств, на которых создавались объединения колхозов. Важнейшим шагом в развитии колхозных органов стало создание Колхозцентра СССР и РСФСР, который входил в систему сельскохозяйственной кооперации. Общее руководство Колхозцентром осуществлял Наркомзем. В то же время Колхозцентр пользовался правом непосредственного представительства в правительстве.

С середины 1920-х гг. возросло внимание партии к вопросам колхозного строительства. В ЦК ВКП (б) и местных партийных органах были созданы специальные подразделения, занимавшиеся этими вопросами — отделы по работе в деревне. Таким образом, начала оформляться еще одна — третья — властная вертикаль управления коллективными хозяйствами. Учитывая специфику политической модели СССР, следует иметь в виду, что именно эта

властная вертикаль имела важнейшее значение в жизни страны вообще и в государственном управлении в частности.

Особенностью политической модели СССР являлось то, что практически на протяжении всего существования советы как конституционные органы власти являлись лишь исполнителями решений правящей партии. В реальной политической жизни СССР отсутствовало разделение властей в привычном для нас смысле: законодательная, исполнительная, судебная. Однако разделение властей, тем не менее, существовало. И органы советской власти здесь выступали как органы исполнительной власти, а законодательная ветвь была представлена вертикалью партийных комитетов. «Законодательная» деятельность советских органов власти была сведена к одобрению партийных решений и адаптации этих решений применительно к местным задачам.

Сама партийная система отличалась высокой степенью централизации и дисциплины. На протяжении почти всего советского периода реальная власть в СССР принадлежала ЦК партии, а именно — ее постоянно действующему органу — Политбюро. Роль местных партийных комитетов сводилась к проведению в жизнь установок вышестоящих партийных органов. Они в свою очередь выступали «законодательной» ветвью власти для всей системы местных советских органов.

Когда говорится, что власть в СССР принадлежала коммунистической партии, то подразумевается реализация конкретных управленческих функций со стороны партийных органов. Партия определяла направление развития страны. Она устанавливала конкретные цели, которых следовало достичь, разрабатывала перечень средств и мероприятий, позволявший это осуществить, другими словами, реализовала функцию планирования. Партия организовывала массы на выполнение поставленных задач, координировала их действия. Партия же мотивировала и стимулировала эти массы к действиям. Именно партия, наконец, контролировала весь процесс развития и подводила итоги. Однако сразу оговорим, что конкретная управленческая деятельность партийных комитетов не является предметом данного исследования.

Особенностью 1920-х гг. в отношениях между государством и колхозами было незначительное вмешательство власти в их деятельность. С момента создания первых коллективных хозяйств

и до конца 1920-х гг. государственное воздействие проявлялось лишь в оказании разного рода помощи коллективным хозяйствам — в кредитовании, снабжении семенами, удобрениями, сельскохозяйственным инвентарем и техникой, подготовке специалистов и т.д. При этом государство, как правило, не вмешивалось в производственную деятельность и внутреннюю жизнь колхозов. Разумеется, власть стремилась заинтересовать колхозы в развитии именно тех отраслей хозяйства, которые представляли для нее наибольший интерес, например, пыталась выстроить производственную специализацию того или иного коллектива в соответствии со специализацией района (губернии). Однако осуществлялось это воздействие, как правило, экономическими или агитационно-пропагандистскими методами.

Поскольку материальные возможности у государства для такого воздействия в тот период были невелики, колхозы до конца 1920-х гг. в полном смысле слова были коллективными хозяйствами. Колхозы сами определяли свою внутреннюю жизнь и производственную деятельность. Проведенные в 1927—1928 гг. обследования коллективных хозяйств, например, в Вологодской губернии вскрыли неприятную для власти картину. Многие колхозы оказались несостоятельными в экономическом отношении и просто «проедали» государственные кредиты, хозяйство в колхозах имело откровенно потребительский характер, и поэтому их товарность была равна нулю. Техника, сельскохозяйственный инвентарь, удобрения, улучшенные виды семян, породный скот использовались нерационально. В колхозах царили уравнилельные «коммунистические» настроения — «от каждого по способности, каждому по потребности», что отрицательно сказывалось на производительности труда, тормозило внедрение рациональных форм организации труда и производства. Нерентабельные, «самоедские» колхозы были малопривлекательны в глазах окружающего населения и не способствовали пропаганде социалистических методов хозяйствования на земле.

В поисках причин такого состояния колхозов государство пошло традиционным путем поиска «врагов» и «стрелочников». Главными виновниками безотрадного состояния колхозов были объявлены «кулаки» и прочие враги советской власти, прокравшиеся в колхозы. В декабре 1929 г. в Северном крае прошел первый

краевой съезд колхозов, который «с удовлетворением отметил правильность политики партии в деле социалистической перестройки деревни»¹⁸ и одновременно вынес решение о проведении чистки колхозов от кулацких и чуждых элементов, которую предполагалось завершить к 1 января 1930 г.¹⁹

В 1920-е гг. вмешательство государственных органов во внутриколхозные отношения происходило по инициативе самих колхозников, и было, как правило, результатом возникновения в коллективе какого-либо конфликта. Только после направления жалобы одной из противостоящих сторон (часто неоднократной) в государственные, партийные или кооперативные органы конфликт в коллективе становился предметом изучения и разбора. Туда выезжала комиссия, проводившая всестороннее изучение хозяйства и предлагавшая пути разрешения конфликтной ситуации.

Начавшаяся зимой 1929/1930 гг. сплошная коллективизация коренным образом изменила и характер коллективных хозяйств, и их взаимоотношения с государством.

Коллективизация сельского хозяйства была призвана решать не только социально-экономические задачи, но и проблемы управления деревней. На смену миллионам крестьянских хозяйств пришла колхозная система, насчитывавшая к концу первого колхозного десятилетия более 230 тыс. артелей²⁰. Несмотря на прописанные в Примерных уставах сельскохозяйственной артели 1930 и 1935 гг. параметры внутриколхозной демократии, повсеместное распространение этой системы означало практически полное огосударствление сельского хозяйства. Коллективные хозяйства стали частью единого народно-хозяйственного механизма и были встроены в единую государственную систему управления.

Создание союзного Наркомзема стало основанием для новой реорганизации партийных органов, руководивших колхозным строительством. Выступая на заседании Оргбюро ЦК ВКП (б) 30 декабря 1929 г., И.В.Сталин, отметив, что «работа в городе и в деревне не может быть отделена, отгорожена», предложил ликвидировать Отделы по работе в деревне в центральных и местных партийных органах²¹. Согласно постановлению ЦК ВКП (б) от 5 января 1930 г. «О реорганизации аппарата ЦК» функции Отдела по работе в деревне были переданы по линии внутривнутрипартийной — оргинструкторскому отделу, по линии массовых кампаний —

Отделу агитации и массовых кампаний²². В феврале аналогичные изменения произошли и региональных партийных органах. Так, в Северном краевом комитете ВКП (б) в 1930—1932 г. в составе Отдела агитации и массовых кампаний действовал сектор коллективизации сельского хозяйства, в 1932 г. — сектор сельскохозяйственных районов, сектор животноводческих и льноводческих районов, сектор сельскохозяйственных кампаний. По «схеме крайкома» прошла реорганизация окружных комитетов партии. Всю руководящую работу в районных комитетах выполнял один ответственный секретарь и два инструктора²³.

Однако центральным звеном в системе управления колхозным строительством, на плечи которого ложилась вся непосредственная работа по управлению этим процессом, были колхозные органы.

Постановление ЦК ВКП (б) «О реорганизации колхозно-кооперативной системы» от 30 июля 1930 г. все организационное и производственное руководство колхозным строительством передавало колхозным органам²⁴. На уровне района это были единые райколхозсоюзы, на уровне национальных республик, краев и областей — колхозсоюзы. Количество специальных центров сельскохозяйственной кооперации в областях и краях сокращалось до 4 в соответствии со специализацией региона. Общее руководство колхозно-кооперативной системой осуществлял Союз союзов в составе представителей специальных кооперативных центров, Колхозцентра, Трактороцентра, Союзколхозбанка.

Таким образом, если ранее Колхозцентр был *при* сельскохозяйственной кооперации, то в соответствии с постановлением ЦК от 30 июля 1930 г., скорее сельскохозяйственная кооперация оказывалась *при* Колхозцентре. 1930—1932 гг. — это время, когда именно колхозные органы оказывались непосредственным связующим звеном между колхозами и двумя другими властными структурами — партийными и советскими (земельными). Этот этап можно определить как *пятый этап* в развитии системы управления колхозами.

В регионах колхозные органы были представлены колхозсоюзами (союзных и автономных республик), краевыми (областными) колхозсоюзами, на местах — сначала райколхозсекциями, затем — райколхозсоюзами. Эти колхозные структуры находились

под контролем соответствующих комитетов партии, как через представительство коммунистов в их органах, так и через организационное подчинение.

В декабре 1932 г. Колхозцентр и его местные органы, как выполнившие свои задачи, были ликвидированы. В руководстве колхозами начался новый — *шестой* — этап.

В середине декабря 1932 г. по предложению И.В.Сталина в ЦК ВКП (б) был создан Отдел сельского хозяйства. Его создание было оформлено постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) от 15 декабря 1932 г. Отдел создавался «для наблюдения за работой земельных органов как по линии совхозов, так и колхозов, и МТС, а также для улучшения работы парторганизаций в деревне». Заведующим отделом был назначен Л.М.Каганович. После перехода на производственно-отраслевой принцип деления руководящих партийных органов сельхозотдел был утвержден в структуре ЦК ВКП (б) XVII съездом партии. С 10 марта по 10 апреля 1934 г. во главе отдела находился А.А.Жданов, с 10 апреля его возглавил Я.А.Яковлев²⁵. Появление сельскохозяйственного отдела в аппарате ЦК свидетельствовало об усилении партийного контроля над развитием сельского хозяйства в целом и колхозного строительства в особенно.

В региональных партийных комитетах в 1933 г. продолжали действовать секторы: сельскохозяйственный, животноводческих и льноводческих районов, сельскохозяйственных кампаний, сельскохозяйственных кадров. В 1934 г. в Северном краевом комитете ВКП (б) был создан сельскохозяйственный отдел. Согласно Уставу ВКП (б), утвержденному на XVIII съезде, сельскохозяйственные отделы создавались во всех обкомах, в том числе и в образованных в 1937 г. из Северной области (до этого — Северного края) Архангельской и Вологодской областях²⁶.

Непосредственное руководство колхозным строительством было передано в руки МТС и земельных органов. В январе 1933 г., в связи с кризисным состоянием сельского хозяйства, были созданы политотделы МТС — чрезвычайные органы управления колхозами, выведенные из прямого подчинения местным партийным органам и подчиненные непосредственно ЦК ВКП (б).

1933—1934 гг., с оговорками, можно выделить в особый «политотдельский период» в истории управления колхозной системой.

В эти годы политотделами МТС была проделана большая работа по укреплению колхозов, состоявшая главным образом в чистке руководящих колхозных кадров. Результаты этой чистки описаны И.Е.Зелениным и другими авторами²⁷.

Правда, на Европейском Севере роль политотделов МТС в управлении колхозами была не столь всеобъемлющей как в районах производящей полосы. Это связано с тем, что здесь было меньше МТС, чем в районах первой очереди коллективизации, соответственно, и доля колхозов, охваченных деятельностью МТС и их политотделов, была незначительна.

После того, как политотделы МТС были ликвидированы, роль МТС в руководстве колхозами, хотя постоянно и подчеркивалась партийными органами, была относительно невелика. Тем более что значительная часть колхозов все еще находилась вне сферы обслуживания МТС²⁸.

Таким образом, на Европейском Севере с 1933 г. основным органом управления колхозами на уровне района, края (области) стали земельные отделы, на уровне автономной республики — наркоматы земледелия. В то же время колхозы были объектом пристального внимания, изучения и контроля местных и региональных партийных органов.

На сельском уровне непосредственное взаимодействие с колхозами осуществляли сельсоветы — низовое звено советского управления (четвертая глава), и МТС.

Государственные органы теперь диктовали колхозам не только основные направления хозяйственной деятельности — сколько, чего и когда сеять, сколько и какого скота содержать и т.д. — но и как работать, кого избирать в руководители колхоза, какие праздники отмечать, а какие забыть и т.п.

Спорным является вопрос о том, когда произошло огосударствление колхозов. По формальным признакам этот процесс можно считать завершившимся уже к началу второй пятилетки, что совпадает с периодом завершения сплошной коллективизации и ликвидацией колхозных органов управления в лице Колхозцентра СССР и его местных органов. Однако изучение колхозной системы в последующие годы позволяет сделать вывод, что этот процесс растянулся, по крайней мере, до конца десятилетия, а возможно, и до конца 1940-х гг. — начала 1950-х гг. Огосударствление имело

«ползучий характер», охватывая одну сферу колхозной жизни за другой. Главными препятствиями на пути огосударствления, которое можно рассматривать как включение колхозов в систему разностороннего и многоуровневого государственного управления, была борьба колхозников за выживание. На протяжении 1930-х гг. отчетливо прослеживается стремление колхозов уйти от навязывания сроков сева и уборки, структуры посевных площадей и колхозного стада и т.д., избежать прочих механизмов вмешательства в производственную деятельность и внутриколхозные отношения.

К середине 1930-х гг. сложился механизм управления колхозной системой. Решения, определявшие общее направление деятельности колхозов, принимали партийные комитеты — Политбюро ЦК ВКП (б) в центре, партийные бюро регионов — на местах. Они оформлялись на соответствующих партийных форумах — съездах, конференциях, пленумах. Эти решения являлись руководством к действию для всей системы советских органов.

Безусловно, особую роль в управлении колхозами играл Сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП (б) и соответствующие структуры в местных партийных комитетах.

Непосредственную связь с колхозами осуществлял аппарат этих подразделений, прежде всего, *штат инструкторов*. История института инструкторов партийных комитетов заслуживает отдельного изучения, выходящего за рамки данной работы, поэтому ограничимся лишь самими общими наблюдениями.

Инструкторы должны были оказывать методическую и организационную помощь колхозникам в проведении различных мероприятий. Особенно важна была их контролирующая деятельность. При этом следует отметить, что тщательному контролю подлежала управленческая деятельность и районных структур (РК партии, райисполкома, РЗО и т.д.), и сельских советов по отношению к колхозам, и состояние дел в самих колхозах. Особое внимание уделялось качеству управленческой деятельности колхозных руководителей.

Еще одним важным инструментом руководства и контроля над колхозами был *институт уполномоченных советских и партийных органов*, направлявшихся на период конкретной хозяйственно-политической кампании в сельсоветы и колхозы. Он формировался

из так называемого партийного и советского актива — руководителей различных подразделений партийных и советских органов, общественных организаций (ВКЛКСМ, профсоюзов), хозяйственных структур.

Система уполномоченных, направляемых из центра на места для решения специальных и временных задач, появилась еще в первые месяцы существования Советского государства. Широко она была распространена в годы Гражданской войны. Новую жизнь этот институт получил в конце 1920-х — начале 1930-х гг., в условиях кризиса хлебозаготовок и сплошной коллективизации. Но и после выхода страны из чрезвычайной ситуации для решения стратегических задач, например, обеспечения успешного хода хлебозаготовок, по распоряжению ЦК ВКП (б) в районы, в колхозы направлялось до двух третей членов бюро обкомов (крайкомов) и членов президиумов край- и облизполкомов²⁹.

В то же время институт уполномоченных по мере стабилизации положения в сельском хозяйстве начинал утрачивать свою эффективность.

Информационные материалы работников ОГПУ-НКВД зафиксировали многочисленные факты неудовлетворительной работы уполномоченных по разным регионам страны: «... сельсовет с участием уполномоченного района саботировал засыпку семян»³⁰, «...уполномоченный райкома, в беседе с колхозниками заявляет, что план сева непосильный, так как люди голодные и эти планы выполнять не будут»³¹, «... в с. Н. Ивановке уполномоченный обкома ... большую часть времени спит... прикрепленный к Федотовскому сельсовету уполномоченный РИК гастролит по колхозам. Колхозники говорят, что он “едет туда, где можно покушать”»³², «... присланные райкомом ВКП (б) в помощь колхозу “Ильич” заместитель председателя РИКа ... и заведующий райфо ... никакой практической помощи колхозу не оказывали, занимаясь пьянством и развратом, от безделья занимались стрельбой из ружей в фуражки колхозников, подбрасывая их кверху»³³.

Руководитель группы КПК при ЦК ВКП (б) А.П.Шохин телеграфировал Л.М.Кагановичу в сентябре 1934 г. из Челябинска: «по колхозам много и без толку ездят всякого рода уполномоченные, собирающие сведения, а председатели колхозов, развращенные

отсутствием контроля, твердого руководства, обманывают, занимаются очковтирательством и саботажем в хлебосдаче»³⁴.

В середине 1930-х гг. практика направления уполномоченных из центра в регионы постепенно исчезала. Однако в некоторых районах страны она сохранялась и в последующие годы, причем в негативном ее проявлении. Так, представитель Белорусской ССР Пеллинен на совещании в ЦК ВКП (б) по вопросам сельского хозяйства в Нечерноземной полосе СССР в декабре 1935 г. признавал, что «... районы до сих пор страдают от большого количества уполномоченных. Если республиканский центр в значительной мере от уполномоченных отказался, то в районах это явление еще очень распространенное. В сельсовете сидит сразу 4—5 уполномоченных. Два работают по единоличникам, один по колхозникам. В другом колхозе сидит 5 уполномоченных по разным заданиям. Таким образом, получается перепроизводство этих уполномоченных, причем все они работают по кампаниям, а организационно-массовой работы никто из них не проводит»³⁵.

Сохранение института уполномоченных в ряде регионов имело свои обоснования. На том же совещании второй секретарь Ивановского обкома ВКП (б) К.И.Николаева отмечала, что в их области «есть колхозы, которые насчитывают 10—15 дворов. Радиус примерно 2 км, 3 км, до 5 км между этими самыми деревнями. Поэтому руководство, конкретное руководство каждым колхозом в отдельности, чрезвычайно трудно для районного руководства. У нас есть районы, в которых имеется по 360—400 колхозов. Значит, в районе нужно знать 360 председателей колхозов, не только знать председателей колхозов, но и знать бригадиров, знать по существу каждый колхоз в отдельности»³⁶. Ей вторил представитель Ленинградского обкома ВКП (б) Гуревич: «Какие недочеты в области руководства колхозами? Ленинградская область завершила сплошную коллективизацию только недавно. ... колхозы эти маленькие, а на район их приходится много. Хоть ивановцы говорят, что у них в некоторых районах имеется по 300 колхозов, то в Ленинградской области то же самое, в некоторых районах имеется по 300 колхозов, а в трети районов по 200 колхозов. Ясно, что районы не справляются с руководством. Колхозы плохо знакомы районным руководителям. Не знают и не могут знать о них районы, где много колхозов. Даже МТС хозяйств не знает»³⁷.

Без привлечения сил областного партийного и советского актива осуществлять такой контроль над колхозами было сложно. Сказанное выше в полной мере может быть отнесено и к ситуации на Европейском Севере России.

После очередного витка коллективизации, развернутого после июльского (1934 г.) совещания в ЦК ВКП (б) по вопросам коллективизации, процент объединенных в колхозы дворов в Северном крае вырос с 79,9% на 1 января до 89,9% на 1 октября 1935 г. Образовалось много новых колхозов. Всего в крае на 1 октября 1935 г. имелось 6210 колхозов, в том числе по 52 районам имелось 5475 колхозов, в Коми области — 685 колхозов, в Ненецком национальном округе — 50³⁸. Таким образом, в среднем на район приходилось по 105 колхозов. Но были и районы с большим числом колхозов.

Так, в крае имелось 13 районов с числом колхозов от 100 до 150 (Вилегодский, Грязовецкий, Каргопольский, Междуреченский, Лальский, Нюксенский, Опаринский, Павинский, Подосиновский, Сокольский, Сямженский, Тарногский, Усть-Кубенский), 6 районов с числом колхозов от 150 до 200 (Вожегодский, Котласский, Кубено-Озерский, Никольский, Приозерный, Тотемский), и 5 районов с числом колхозов более 200 (Велико-Устюгский, Вохомский, Кичменгско-Городецкий, Чебсарский, Харовский)³⁹.

Материалы архивных фондов партийных комитетов Европейского Севера России зафиксировали сохранение института уполномоченных на районном и областном уровне и в конце 1930-х гг. Документы, вышедшие из-под пера самих уполномоченных, свидетельствуют о реализации ими функций контроля и организации.

Как правило, командированный в район инструктор или уполномоченный получал информацию не только в результате общения с районными руководителями или изучения разного рода управленческой документации на местах, но и лично посещал несколько колхозов, принимал участие в колхозных собраниях, общался с колхозниками. Целью направления инструкторов и уполномоченных в районы было оказание помощи на местах в организации сельскохозяйственных кампаний, ликвидация разного рода нарушений и «прорывов».

Круг вопросов, которые попадали в сферу внимания и компетенции инструкторов и уполномоченных, был широк и выходил

за рамки текущей сельскохозяйственной кампании. Это и процесс укрупнения и разукрупнения колхозов⁴⁰, и расстановка рабочей и тягловой силы в колхозах в период посевной или уборочной страды⁴¹, и организация звеньев высокого урожая, и т.д., и т.п.

Особое внимание в обеспечении успеха сельскохозяйственных и политических кампаний уделялось «человеческому» фактору. Если, по мнению представителей областного звена управления, колхозный аппарат не справлялся с возложенными на него задачами, то перед районными властями ставился вопрос о замене колхозных руководителей⁴².

В записках, которые представляли в обком инструкторы и уполномоченные по итогам своих командировок, преобладают негативные оценки руководящего аппарата, как колхозов, так и сельсоветов. Так, старший инструктор сельхозотдела Вологодского обкома ВКП (б) Артюгин сообщал: «Актив сельсовета ходил в колхозы только за сведениями, а практической помощи не оказывалось колхозам»⁴³.

Негативно оценивался и районный уровень управления колхозами. Так, инструктор обкома ВКП (б) Ф.Д.Пелевин докладывал о поездке в Вожегодский район: «Примеры по колхозу “1 мая” Новожиловского сельсовета подтверждают о том, что руководители районных организаций колхозами конкретно не руководят, в суть дела колхозного производства, в жизнь и быт колхозов не входят, поэтому необходимой и своевременной помощи колхозам не оказывают»⁴⁴.

«Конкретное» руководство предполагало точное знание разных сторон жизни колхозов, что достигалось непосредственным общением с колхозниками. Распространенная в районах практика руководства через совещания с председателями колхозов давала неполное, одностороннее представление о положении дел.

Хотя посещение колхозов представителями районных партийных органов приветствовалось, оно, по мнению инструкторов и уполномоченных, не всегда было результативным: «инструктор райкома был в колхозе не один раз, мер не принял»⁴⁵, «уполномоченные райкома гастролируют по колхозам, а помощи оказывают мало»⁴⁶. Подобные характеристики деятельности инструкторов и уполномоченных позволяли сделать вывод, что райком партии

руководит колхозами «слабо» и поставить вопрос об отчете того или иного секретаря на заседании Бюро обкома партии⁴⁷.

Уполномоченные от областных властных структур в течение командировки сами посещали несколько колхозов, а также организовывали обследование колхозов силами районного актива. Например, уполномоченный Вологодского обкома ВКП (б) по Вохомскому району И.К.Шорников в январе 1939 г. организовал обследование 30 колхозов (из 258) по разным вопросам: соблюдение устава сельхозартели, состояние животноводства, подготовка к севу. Для отъезжающих в колхозы активистов был организован тщательный инструктаж. В результате удалось выявить в проверенных колхозах множество проблем. Характерно, что возвратившиеся в район обследователи заявили: «только сейчас мы так глубоко узнали колхозную жизнь, тогда как раньше проходили мимо нарушений устава сельскохозяйственной артели, не замечая их»⁴⁸.

Таким образом, в конце 1930-х гг. сохранение института уполномоченных и инструкторов партийных органов регионального уровня вполне себя оправдывало, по крайней мере, в регионах с низкой плотностью расселения и значительным отдалением колхозов от районного центра. Особенно важно было связать районы и областной центр в единую систему управления в условиях обновления властного аппарата районного звена в результате репрессий 1937—1938 гг.

Следует также отметить, что одной из особенностей системы управления в СССР было то, что процесс управления имел дискретный характер: управление велось в виде кампаний по решению той или иной проблемы. В литературе это явление получило название «кампанейщина». Как только выявлялась проблема в той или иной отрасли, ее начинали активно «решать». Кампания начиналась с появления соответствующего постановления партии и правительства, которое дублировалось и конкретизировалось применительно к регионам, далее начиналась череда различных организационных мероприятий на местах, контроль над их исполнением по всей властной вертикали, составление отчетности, подведение итогов. После этого выявлялась новая проблема.

В сельском хозяйстве такая практика управления имела еще более выраженный характер, что обуславливалось цикличностью сельскохозяйственного производства. Основные кампании, которые

здесь можно выделить — это посевная, уборочная, заготовительная, распределение доходов в колхозах по трудодням, подготовка к зимовке скота, подготовка к весенним посевным работам. Эти производственные кампании в силу специфики сельского хозяйства следовали одна за другой, часто совпадая по времени. Кроме того, особого внимания партийных органов заслуживала кампания по распределению доходов в колхозах. Наряду с этими ежегодными могли быть кампании, имевшие разовый или чрезвычайный характер, например, кампания по вручению колхозам государственных актов на вечное пользование землей, по обмеру приусадебных земель колхозников и единоличников, по сселению хуторов, по проверке выполнения устава сельскохозяйственной артели и пр. Уполномоченные и инструктора, направляемые в тот или иной район, позволяли связать воедино разные кампании, частично преодолеть дискретность управления.

Еще одной из особенностей системы управления было привлечение к реализации каких-либо задач разных категорий управленцев и передовиков через съезды, слеты, совещания при партийных и советских органах по разным вопросам развития сельского хозяйства, стенограммы которых также сохранились в архивных фондах партийных комитетов. Помимо реализации принципа участия в проведении того или иного курса, озвученного вышестоящим партийным органом, подобные встречи с властью выполняли сразу несколько функций. Они способствовали мобилизации управленцев соответствующих уровней на решение различных задач, мотивировали на достижение лучших результатов. Их участники получали новую и полезную информацию, здесь отработывался алгоритм управленческих действий.

Власть в свою очередь получала еще один канал информации о положении на местах, в колхозах, представление о настроении той части общества, которая была настроена на взаимодействие.

Таким образом, система управления колхозами в своем развитии прошла несколько этапов. В период сплошной коллективизации важнейшую роль играла вертикаль колхозных органов. В условиях аграрного кризиса власть пошла на создание чрезвычайных партийных органов — политотделов МТС. К концу 1930-х гг. действовали две властные вертикали — партийных и советских органов, которые имели свои представительства на каждом из

уровней управления: село — район — край (область) — автономная и союзная республика. Стратегическое управление оставалось за центральными партийными органами, решение оперативных и тактических задач ложилось на плечи местных партийных и советских органов, прежде всего, земельных отделов.

В целом, система управления колхозами была многоуровневой и многозвенной, при этом имело место дублирование функций разными структурами, что свидетельствовало о недостаточной эффективности ее отдельных звеньев.

Примечания

¹ Ивницкий Н.А. От Бюро коммун до Колхозцентра (Организация руководства колхозами) // Октябрь и советское крестьянство. 1917—1927 гг. М., 1977. С. 239—260; Носова Н.П. Управлять или командовать? Государство и крестьянство Советской России (1917—1929). М., 1993.

² Ивницкий Н.А. От Бюро коммун до Колхозцентра. С. 239—260.

³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930 гг. М., 2000. С. 814; Носова Н.П. Управлять или командовать? С. 99—101.

⁴ Носова Н.П. Управлять или командовать? С. 89.

⁵ Ивницкий Н.А. От Бюро коммун до Колхозцентра. С. 243.

⁶ Там же. С. 245.

⁷ Носова Н.П. Управлять или командовать? С. 85—86, 88.

⁸ Ивницкий Н.А. От Бюро коммун до Колхозцентра. С. 246.

⁹ Там же. С. 246.

¹⁰ Носова Н.П. Управлять или командовать? С. 111—120.

¹¹ Там же. С. 121.

¹² Ивницкий Н.А. От Бюро коммун до Колхозцентра. С. 247.

¹³ Носова Н.П. Управлять или командовать? С. 120—121.

¹⁴ Ивницкий Н.А. От Бюро коммун до Колхозцентра. С. 247.

¹⁵ Там же. С. 254.

¹⁶ По Конституции СССР 1924 г. союзного наркомата земледелия не существовало, поскольку эта отрасль управления была отнесена к компетенции союзных республик. См.: Рождение партийной номенклатуры // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 14.

¹⁷ Носова Н.П. Управлять или командовать? С. 131—132.

¹⁸ Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 619. Оп. 1. Д. 25. Л. 1—2.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 405. Л. 135.

²¹ Рождение партийной номенклатуры. С. 14—17.

²² Трагедия советской деревни ... С. 98.

- ²³ Бондаренко С.Я., Малахов Р.А., Перебинос Ю.А. Провинциальное чиновничество на Европейском Севере России в 1918 — начале 1950-х годов. Вологда, 2009. С. 36.
- ²⁴ Трагедия советской деревни ... С. 566—568.
- ²⁵ Там же. С. 920.
- ²⁶ Бондаренко С.Я., Малахов Р.А., Перебинос Ю.А. Провинциальное чиновничество ... С. 42.
- ²⁷ Зеленин И.Е. Политотделы МТС — продолжение политики «чрезвычайщины» (1933—1934) // Отечественная история. 1992. № 6; Шевляков А.С. Политотделы МТС и совхозов: Чрезвычайные партийно-государственные органы в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е годы. Томск, 2000.
- ²⁸ См., напр.: Глумная М.Н. Колхозы и МТС на Европейском Севере России в 1930-е гг.: к вопросу об организационно-хозяйственном укреплении колхозов // Институциональные реформы: история и современность: Мат-лы науч. конф. (г. Вологда, 6—7 апреля 2007 г.). Вологда, 2007. С. 171—183.
- ²⁹ См., напр., секретное постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О хлебозаготовках» от 31 августа 1934 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: Документы и материалы: В 5 т. Т. 4. 1934—1936. М., 2002. С. 213.
- ³⁰ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 3. 1930—1934 гг. Кн. 2. 1932—1934 гг. М., 2005. С. 329.
- ³¹ Там же. С. 365.
- ³² Там же. С. 406.
- ³³ Там же. С. 635.
- ³⁴ Трагедия советской деревни ... С. 218.
- ³⁵ Там же. С. 652.
- ³⁶ Там же. С. 647.
- ³⁷ Там же. С. 654.
- ³⁸ ГААО. Ф. 106. Оп. 5. Д. 176. Л. 1.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 2522. Оп. 2. Д. 176. Л. 89.
- ⁴¹ Там же. 175. Л. 156.
- ⁴² Там же. Л. 68.
- ⁴³ Там же. 176. Л. 143.
- ⁴⁴ Там же. Л. 89.
- ⁴⁵ Там же. Л. 175.
- ⁴⁶ Там же. Д. 181. Л. 5.
- ⁴⁷ Там же. Д. 176. Л. 170.
- ⁴⁸ Там же. Д. 183. Л. 29.

Глава 4

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СЕВЕРНЫХ РЕГИОНАХ В 1930—50-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Проблема принудительного труда является одной из наиболее актуальных на сегодняшний день в исторической науке. Вопросы принудительного труда заключенных, спецпереселенцев и военнопленных обсуждались на международной конференции «История сталинизма. Принудительный труд в СССР: экономика, политика, память», которая состоялась в Москве 28—29 октября 2011 г. В конференции принимали участие ученые историки и экономисты из Европы, США и России Пол Грегори, Андреа Грациози, Марк Крамер, Николя Верт, Алэн Блум, О.В.Хлевнюк, С.А.Красильников, А.Б.Суслов и др. Система принудительного труда в СССР стала основным предметом научных докладов.

В исследовании «Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография» А.Литвин, анализируя работы ученых по тематике «экономическая модернизация», делает вывод о наличии двух направлений в историографии принудительного труда: либерального и консервативно-реставрационного.

Сторонники первого направления рассматривают особенности сталинской модернизации, учитывая ее насильственные меры, приведшие к огромным людским потерям, а также и то обстоятельство, что основная часть технического оборудования приходилась на долю импорта из западных стран. Они подчеркивают, что сталинская индустриализация касалась, прежде всего, создания военной промышленности и тех отраслей, которые находились в стране в зачаточном состоянии: автомобилестроения, тракторостроения, электротехники, энергетики и т.д. Историки ставят вопросы о неэффективности применения принудительного труда заключенных и спецпереселенцев, использования на восстановительных работах военнопленных.

Иной точки зрения придерживаются сторонники консервативно-реставрационного направления. Их главный довод: в результате

модернизации Россия в XX в. преобразовалась из аграрной в индустриальную страну. Поэтому нельзя идентифицировать советское время только с историей ГУЛАГа, так как главной тогда была модернизация страны и общества в самом широком смысле этого слова. Исследователи этого направления убеждены, что в то время страна шла по пути модернизации в русле мирового процесса¹.

Исследователь П.Грегори в монографии «Политическая экономика сталинизма» отмечает, что экономические и политические аспекты диктатуры были неразрывно связаны. Он также указывает на то, что с момента начала коллективизации развитие Советского Союза определялось общенациональными планами, направленными на индустриализацию страны в кратчайшие сроки. Характерными чертами советской экономики на долгие годы вперед стали колхозный строй в сельском хозяйстве, государственная собственность и диктатура коммунистической партии, не допускающая инакомыслия. В итоге великий перелом заложил основы тоталитарной системы, которая должна была изменить распределение доходов, проводя его в ущерб крестьянству².

Один из крупнейших исследователей истории спецпереселенцев в Сибири С.А.Красильников вводит термин «репрессивная экономика», где ключевой категорией выступает принудительный труд. Этим термином определяется институционально оформленная социальная система, обладающая только ей присущими базовыми признаками: имеет особую подсистему организации и управления, снабжена всеми видами ресурсов, основана на эксплуатации труда различных групп «спецконтингента» и призвана обеспечить достижение тех или иных целей и результатов в сроки и в масштабах, не достижимых обычными, ординарными экономическими средствами. Репрессивная экономика может служить инструментом решения задач общеэкономического и военно-оборонного характера, и поэтому сферы ее распространения и приложения универсальны, как универсальна сама «рабсила», которую она эксплуатирует³.

Следует отметить, что полем активной дискуссии становится вопрос эффективности принудительного труда (методы принуждения, формы стимулирования, принципы экономического управления). Отражением этого дискурса является коллективная монография «ГУЛАГ: экономика принудительного труда», изданная

в 2008 г.⁴ В основном исследователи сходятся в том, что принудительный труд был неэффективен. Исследователь Н.Верт отмечает, что быстрый рост ГУЛАГа в послевоенные годы привел к глубокому кризису системы принудительного труда, и вопрос демонстрации ГУЛАГа, по крайней мере частичного, ставился еще при жизни Сталина⁵. В.А.Бердинских, подтверждая тезис, отмечает, что «XX век отчетливо доказал, что любые формы внеэкономического принуждения в массовом производстве катастрофически убыточны, и убытки эти не прекращаются с завершением эксперимента»⁶.

Исследователь истории спецпереселенцев — «бывших кулаков», подвергшихся выселению в период массовой коллективизации, Л.Виола делает обширный вывод о том, что крестьянство являлось «внутренней колонией» для страны, и указывает на то, что режим эксплуатировал эту внутреннюю колонию для пополнения несметной армии подневольного труда, что стало одним из наиболее дорогостоящих примеров подобной насильственной практики в XX в. Подневольный труд составил фундамент всех образований ГУЛАГа, работая на создание обширной принудительно-экономической империи внутри империи. Режим использовал принудительный труд для экономического развития страны: добычи сырья для индустриализации, а также колонизации обширных удаленных северных и восточных территорий Советского Союза.

Необходимо согласится с выводами Л.Виолы о том, что производственные показатели были важнее доводов о том, что спецпереселенцы являлись живыми людьми. Планы модернизационных социальных преобразований, которые разрабатывались в Москве, имели мало общего с примитивными условиями отдаленных необжитых территорий или реальными возможностями режима по воплощению этих желаний в жизнь. Со временем экономическая ситуация свидетельствовала о бессмысленности принудительного труда и о неподдающихся представлению финансовых и людских затратах, ушедших на попытки заселить отдаленные северные земли, где условия изначально были непригодны для жизни. Результатом такой политики стало постоянное восполнение населения спецпоселков за счет новых притоков «врагов» — преступная и бессмысленная растрата человеческих жизней, продолжавшаяся в течение всего сталинского периода⁷.

Разработка природных ресурсов, необходимых для индустриализации, ускоренными темпами в отдаленных регионах страны осуществлялась принудительным трудом заключенных и спецпереселенцев. Одним из таких регионов в 1930—50-е гг. был Коми край, который обладал богатыми лесными запасами. В конце 1920-х гг. на территорию 393 тыс. км² Коми области приходилось 273,9 тыс. км² лесного массива⁸. Общий запас древесины спелых насаждений составлял 1826 млн. куб. м⁹. За первую пятилетку (1928—1933 гг.) было намечено заготовить 4 млн. куб. м. Для этого ориентировочно к концу пятилетки необходимо было привлечь на лесозаготовки в Коми области 21525 человек. Планировалось, что в середине 1930-х гг. в лесу будет работать 40775 человек¹⁰. На лесозаготовках по Коми области ежегодно было занято от 15 до 20 тысяч человек, в основном сезонные рабочие, работавшие 7—10 месяцев в году¹¹. Постоянных кадровых рабочих в 1929 г. в области насчитывалось 603 человека, в 1930 г. — 1287 человек¹². В конце 1920-х гг. вербовка колхозников и единоличников в течение нескольких лет срывалась, поэтому ставка была сделана на завоз рабочей силы извне области.

В рамках политики массовой коллективизации и раскулачивания в центральных и южных районах страны проводилось принудительное переселение части крестьянства из районов сплошной коллективизации в отдаленные регионы страны. В постановлении СНК СССР от 30 октября 1930 г. оговаривалось, что «кулацкие семьи, подвергшиеся раскулачиванию» должны быть выселены в специальные поселки, которые образовывались в том числе в «местностях, где ощущается недостаток в рабочей силе для лесозаготовительных работ»¹³. В лесозаготовительный сезон 1929—1930-х гг. руководством Коми автономной области предполагалось использовать раскулаченных, завезенных из других регионов¹⁴. В Москву неоднократно направлялись запросы на завоз «дополнительной рабочей силы» для лесной промышленности Коми автономной области, в итоге с весны 1930 г. спецпереселенцы — «бывшие кулаки» начали прибывать в лесозаготовительные районы.

В 1930—50-е гг. в СССР в рамках репрессивной политики государства производились неоднократные массовые насильственные перемещения различных групп населения. К принудительным

миграциям относятся выселения и переселения по решениям административных органов (спецпереселения) и депортации. Граждане, высланные в принудительном порядке с мест постоянного проживания в отдаленные районы страны в 1930-50-е гг., именовались спецпереселенцами (спецпоселенцами, трудпереселенцами). Одной из основных задач политики принудительных миграций было использование труда спецпереселенцев в различных отраслях промышленности в отдаленных и малозаселенных регионах, где существовал недостаток кадров. Труд спецпереселенцев в 1930—50-е гг. в Республике Коми (1921—1936 гг. — Коми автономная область, 1936—1991 гг. — Коми АССР, с 1991 г. — Республика Коми) использовался в основном в лесозаготовительной промышленности.

В 1930—1931 гг. в Коми автономную область было переселено 40325 «бывших кулаков»¹⁵. Всего в Коми АССР в 1930—50 гг. было переселено более 100 тысяч спецпереселенцев («бывшие кулаки», польские граждане, немцы-граждане СССР¹⁶, «власовцы»¹⁷, члены семей ОУНовцев¹⁸, ссыльнопоселенцы-литовцы и др.)¹⁹. Высылка на спецпоселение для проживания в ограниченном режиме как репрессивная мера перестала применяться в середине 1950-х гг.

По постановлению СНК СССР от 16 августа 1931 г. и генеральному соглашению между Главлеспромом и ГУЛАГом ОГПУ от 10 июля 1931 г. спецпереселенцы передавались трестам лесной промышленности и закреплялись как постоянные кадры лесных рабочих²⁰. В начале 1930-х гг. заготовка леса в Коми области проводилась по линии четырех лесозаготовительных организаций: трестов Комилес, Волглес, Вятлес и Севлес. Спецпереселенцы в 1930-е гг. использовались на лесозаготовках в Коми области только трестом Комилес, который включал в себя восемь леспромхозов в Вычегодском и Печорском бассейнах, являлся основным лесозаготовителем и более всех нуждался в увеличении количества рабочей силы²¹.

Спецпереселенцы завозились в деревни, близлежащие к местам будущих вырубок, либо прямо в лес, где жили в землянках или палатках, пока строили спецпоселки. Так как строительство спецпоселков велось самими спецпереселенцами, то в первый год заселения, в 1930 г., не удалось переключить большинство на

лесозаготовки. Кроме того, часть спецпереселенцев была занята на сельхозработах в спецпоселковых сельхозартелях. В 1930 г. на предприятиях Комилеса трудилось 1940 человек спецпереселенцев «бывших кулаков»²².

В основном спецпереселенцы начали использоваться на лесозаготовках с декабря 1931 г. В 1932 г. на заготовке леса из 14 тысяч трудоспособных трудилось 3170 человек²³, которые тем не менее составили около 50% рабочих в лесу²⁴. По итогам 1933 г. в состав рабочих Комилеса входило 16976 человек: 3787 постоянных рабочих (в том числе 3096 спецпереселенцев) — 18,3% и 11850 сезонников — 69,8%²⁵. С 1932 по 1936 гг. в среднем на лесозаготовительных работах использовалось около 4 тысяч человек (см. табл. 1).

Таблица 1

**Трудоиспользование спецпереселенцев в 1932—1938 гг.
в тресте «Комилес»**

Дата	Всего работающих	В том числе на лесозаготовке	Всего спецпереселенцев с членами семей
10.11.1932	12876	5476	31996
10.01.1933	8891	5792	30340
01.01.1934	6513	4097	17852
01.12.1935	5819	3570	16954
01.12.1938	3711	1959	17955

Сост. по: НАРК. Ф. Р.-3. Оп. 1. Д. 2386. Л. 17; НАРК. Ф.П.-1. Оп. 1. Д. 2422. Л. 9; Оп. 3. Д. 137. Л. 10, 22; Оп. 3. Д. 548. Л. 9.

«Полутрудоспособная рабочая сила» из числа спецпереселенцев (подростки и престарелые) также использовалась на лесозаготовках. В частности, в 1934 г. 92 человека, подростки и престарелые, были заняты на лесозаготовительных работах в Сторожевском районе, в Усть-Куломском — 17 человек, всего 139 человек²⁶. Не обошлось без крайностей. В 1931 г. были «отмечены безобразные явления привлечения к труду в лесу 7-летних детей»²⁷.

Спецпереселенцы работали не только на заготовке, но и на сплаве леса. В 1934 г. окончание сплавных работ находилось под угрозой срыва по области, так как вместо запланированных 16056 человек работало 9613 человек²⁸. Трест Комилес предоставил Коми

Областному Управлению сплава в качестве дополнительной рабочей силы 991 человека спецпереселенцев, которые были заняты на сплавных работах в Троицко-Печорском, Усть-Куломском, Стожжевском, Сысольском и Кожвинском районах²⁹.

Для повышения эффективности лесозаготовительных работ Наркомлесом СССР 26 мая 1936 г. было принято постановление, по которому трудоспособный контингент из спецпереселенцев был прикреплен в течение года исключительно на производственных лесозаготовительных работах. Сельское хозяйство в неуставных артелях лесной промышленности по данному постановлению стало носить исключительно подсобный характер, с использованием только «неполноценной рабочей силы», которая не может быть применена на работе в лесу³⁰.

В Коми АССР на 1 января 1938 г. из 17798 человек спецпереселенцев насчитывалось 7477 трудоспособных, из которых в целом 6838 было занято на различных видах работ³¹. Согласно установкам директивных органов, к 1 декабря 1938 г. трест Комилес обязан был иметь рабочих постоянного кадра 8 тысяч человек, но фактически на 30 декабря 1938 г. по спискам предприятия Комилес постоянных рабочих значилось 3711 человек, из них на основных работах (рубка и вывозка) числилось только 1959 человек³². В течение января — июля 1939 г. общая численность рабочих, занятых на предприятиях треста Комилес, сократилась почти в два раза, с 8365 до 4881 человек. Нестабильное количество рабочих способствовало невыполнению планов лесозаготовки. Производственная программа по тресту Комилес за 1938 г. по рубке леса была выполнена на 79% (к плану 2110 тыс. м³), по вывозке — 87% (к плану — 2136 тыс. м³). За 1939 г. план был выполнен по заготовке на 68,9%, по вывозке на 73,7% по всем лесозаготовителям республики³³. Выполнение лесозаготовки 1940 г. было осуществлено на 72,7%, вывозки леса — на 69,7%³⁴. При этом лесная промышленность в конце 1930-х гг. продолжала занимать ведущее место в народном хозяйстве Коми АССР. Общая потребность в рабочих постоянного кадра определялась в 17 тысяч человек³⁵.

Спецпереселенцы использовались в качестве рабочей силы не только на лесозаготовках. В частности, при составлении планов развития Коми области достаточно большое значение уделялось развитию промыслов. При организации промысловых мастерских

в спецпоселках предусматривалось развитие местной промышленности и обеспечение спецпереселенцев необходимыми товарами народного потребления.

В 1930-е гг. в спецпоселках были созданы кустарно-промысловые артели в виде хозяйственных цехов (столярные, сапожные, слесарные, столярные, смолокурные, дегтекурные, кирпичные, гончарные и столярно-бондарные). Продукция цеха должна была реализовываться в первую очередь в пределах спецпоселка. Иногда в рамках одной артели в поселке существовало несколько мастерских. Помимо поселковых артелей были созданы неуставные промысловые артели непосредственно при спецпоселковых сельхозартелях в подчинении Севкрайлесхимсоюза или Союза многопромысловой кооперации. Мастерские при сельхозартелях производили деготь, смолу, заготавливали ягоды и грибы.

С течением времени тенденция использования спецпереселенцев в различных отраслях народного хозяйства расширялась. Так, в 1930-е гг. вся трудоспособная сила спецпоселка Пиня-из Троицко-Печорского района была занята на точильной фабрике. Фабрика непосредственно была подчинена тресту «Русские самоцветы», который входил в Наркомат местной промышленности. В конце 1930-х гг. районный исполнительный комитет Троицко-Печорского района вынес постановление о передаче всего спецпоселка Горт-эль в ведение фабрики. С соответствующим отделом НКВД был заключен договор на передачу рабочей силы фабрике³⁶.

Трестом Комилес в 1939 г. перед вышестоящими органами был поставлен вопрос о завозе для работы в лесу 13 тысяч человек³⁷. В конце 1939 г. Комилес получил согласие на «завоз рабочих». По договору между ГУЛАГом и Наркомлесом СССР от 26 февраля 1940 г. ГУЛАГ передавал для работы на лесозаготовительных предприятиях 20 тысяч спецпереселенцев, которые закреплялись в лесной промышленности как постоянные кадровые рабочие³⁸. Всего число «вновь прибывших людей» должно было составить 26 тысяч человек³⁹. В Коми АССР было переселено в 1940 г. 19388 человек польских граждан (польской и еврейской национальностей) из Западной Украины и Западной Белоруссии, трудоспособных рабочих из них насчитывалось 9987 человек, из которых использовалось на работах в лесной промышленности и других предприятиях 8685 человек⁴⁰.

В 1940-е гг. спецпереселенцы поступали не только на предприятия Комилеса, но также в распоряжение трестов Вычегдолес, Печорлес, Лузтранлес, Сыктывкарского лесозавода и др. предприятий⁴¹. Основными лесозаготовителями по республике являлись тресты Комилес и Вычегдолес. На этих предприятиях большей частью трудились спецпереселенцы. На август 1940 г. по тресту Комилес насчитывалось 5233 человека из «вновь прибывших», в том числе трудоспособных 2671 человек, по Вычегдолесу было принято 5254 человека, из которых работало 2154 человека спецпереселенцев поляков и евреев⁴². В Прилузском районе, где лесозаготовками занимался трест Лузтранлес, на 30 сентября 1940 г. проживало 2211 польских граждан, из которых на производстве было занято 2100 человек⁴³. В 1940 г. на Сыктывкарский лесозавод прибыло для работы 947 человек польских граждан спецпереселенцев⁴⁴. Обеспеченность рабсилой в 4 квартале 1940 г. составила по Комилесу 107%, Вычегдолесу — 116%⁴⁵. В системе Наркомлеса на 13 января 1941 г. на лесозаготовляющих предприятиях работало «польских осадников и беженцев» 5324 человека (см. табл. 2).

Таблица 2

**Использование труда «польских осадников и беженцев»
в Коми АССР на предприятиях Наркомлеса на 13 января 1941 г.**

Организация	«Осадники»		«Беженцы»	
	Трудоспособные	Используются на работе	Трудоспособных	Используются на работе
Комилес	1047	895	1724	1281
Вычегдолес	574	459	2380	1764
Вычегдосплав	282	249	322	300
Экспортлес	287	267	139	109
Итого	2190	1870	4565	3454

Источник: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 74. Л. 175.

В 1941 г. на спецпоселения Коми АССР начинают прибывать выселенные с мест проживания граждане СССР немецкой национальности. С началом войны немцы в армию не призывались, а в обязательном порядке привлекались на производство и строительство. Именно за счет поляков и немцев численность рабочих на предприятиях лесной промышленности Коми АССР возросла

в 1940 г. в сравнении с 1939 г. почти в два раза. Всего на предприятиях лесной промышленности Коми АССР в начале 1940-х гг. (за исключением лесозаготовительных лагерей) работало спецпереселенцев различных категорий 17580 человек, вследствие чего, в частности, по тресту Вычегдолес в 1940 г. план по заготовке леса был перевыполнен. Но общее выполнение плана не составило и 80%, а трест Комилес выполнил годовой план по заготовке только на 69%. Всего за 1940 г. по Коми АССР (без лагерей) было заготовлено 2890,7 тыс. куб. м леса⁴⁶.

В 1940-е гг. была развернута особенно широкая работа по использованию спецпереселенцев на работах в различных мастерских Наркоматом местной промышленности Коми АССР, который в качестве рабочей силы активно использовал спецпереселенцев из категории «польские осадники и беженцы». В 1940 г. Наркомместпром «из переговоров с руководителями хозяйственных организаций и из собственных наблюдений» определил, что среди завезенных поляков много «высококвалифицированных мастеров по производству изделий ширпотреба» и настаивал на том, что наиболее целесообразным будет произвести отбор специалистов и использовать их в мастерских как при сельсоветах, так и в спецпоселках. Например, в апреле 1940 г. по постановлению СНК Коми АССР из Якунельского и Койгородского механизированных лесопунктов было передано 250 поляков спецпереселенцев для использования по специальности на предприятиях Наркомместпрома, а также для работы в промкооперации, стройтресте и других организациях⁴⁷.

Постановление СНК Коми АССР под № 959/30с «Об укомплектовании предприятий местной промышленности Коми АССР мастерами по выработке товаров широкого потребления и об организации новых мастерских в спецпоселках» от 6 сентября 1940 г. разрешало НКМП произвести отбор мастеров-специалистов спецпереселенцев для Пустошской швейной мастерской в количестве 50 семей из «Комилеса» и для Жешартского завода безолифной краски 50 семей из «Вычегдолеса». Также Наркомместпром по данному постановлению организовывал мастерские в спецпоселках Расью (Сыктывдинский р-он), Вильордым (Усть-Вымский р-он), Ниашор (Сыольский р-он) и в селе Койгородок, с количеством рабочих по 40 человек в каждой мастерской, по производству

обозного инвентаря, бондарных изделий, плетеной мебели и других предметов ширпотреба⁴⁸.

За время войны Наркомместпром увеличил количество предприятий в своем подчинении более чем в два раза. Если в 1940 г. было 10 предприятий местной промышленности, то в 1941 г. — 21, а в 1945 г. — 42. Численность работающих на предприятиях также увеличилось в несколько раз. В 1940 г. на предприятиях Наркомместпрома числился 931 человек, в 1945 г. уже 5003 человека⁴⁹. Увеличение численности рабочих на объектах местной промышленности, особенно в начале 1940-х гг., произошло прежде всего за счет спецпереселенцев.

Польские граждане активно использовались в качестве рабочей силы на предприятиях различных отраслей народного хозяйства. Например, в июле 1940 г. по г. Сыктывкар Стройтресту было передано 50 семей, Кирпичному заводу — 125 семей польских граждан⁵⁰. Пезмогский лесозавод на ноябрь 1942 г. имел рабочих 112 человек, в том числе 50 человек польских граждан, направленных из Сыктывкара в октябре того же года⁵¹. В 1942 г. ставился вопрос о восстановлении Кажимского завода, для строительства которого было необходимо 1400 человек. Предполагалась, что 250 человек из необходимого количества будут компенсированы за счет ликвидируемых спецпереселенческих колхозов «Родина» и «Прожектор» в Сысольском районе⁵².

На фоне роста местной промышленности в лесозаготовительной отрасли с 1941 г. численность рабочих постоянного кадра начинает заметно уменьшаться, и к 1944 г. резко сокращается. Снижение численности происходило за счет того, что в 1941 г. поляки мобилизовались в Польскую Армию Андерса, а спецпереселенцы «бывшие кулаки», завезенные в республику в 1930-е гг. — в Красную Армию. По сведениям Военного комиссариата Коми АССР, только в течение трех месяцев с начала войны из Коми АССР было направлено в Красную Армию и в другие воинские формирования 7990 человек рабочих и служащих из местного населения и 6898 человек рабочих лесных предприятий и ж/д строительства, перемещенных в республику из западных областей страны в предвоенном году⁵³. На уменьшение числа постоянных лесных рабочих также повлияла мобилизация немцев на шахты, заводы и другие предприятия. Также в 1944 г. поляки получают право на

выезд с территории республики и освобождаются от режима спецпоселения⁵⁴. К 1944 г. лесная промышленность Коми АССР начинает испытывать большой недостаток рабочей силы. Численность рабочих и служащих на предприятиях лесной промышленности насчитывала в 1940 г. — 24073 человека, 1941 — 16030, 1942 — 14963, 1943 — 6921, 1944 — 5456 человек⁵⁵.

Следует отметить, что уменьшалась численность работающих только в лесной отрасли, в остальных же отраслях в течение войны количество рабочих увеличилось. Общая численность рабочих (постоянных и сезонных) в лесной промышленности республики за годы войны уменьшилась на 6,5 тысяч человек, или почти на 1/4 часть. На некоторых предприятиях она сократилась еще больше. В частности, в сентябре 1941 г. предприятия треста «Комилес» были обеспечены рабочей силой на 66,5%, Ношульского ЛПХ на 63,6%, «Вычегдолеса» на 59,4%, треста Наркомлеса Коми АССР и Объячевского ЛПХ на 25%. Это сокращение происходило, главным образом, за счет кадровых рабочих, основную массу из которых составляли спецпереселенцы, на долю которых приходилось 80% выбывших из лесной промышленности⁵⁶. Если в 1941 г. кадровых рабочих в лесной промышленности насчитывалось 16030 человек, и план по заготовке был выполнен на 115% и вывозке на 100,9%, то в 1944 г. число постоянных рабочих снизилось до 5456 и, соответственно, снизились заготовка до 94,7% и вывозка до 94%⁵⁷ (см. табл. 3).

Таблица 3

**Показатели лесозаготовки и вывозки
в зависимости от численности постоянного кадра**

Год	Заготовка, %	Вывозка, %	Число рабочих постоянного кадра на предприятиях лесной промышленности Коми АССР
1939	68,9	73,7	13526
1940	72,7	69,7	24073
1941	115,0	100,9	16030
1942	90,7	87,7	14963
1943	103,5	97,2	6921
1944	94,7	94,0	5456

Сост. по: НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 4. Д. 259. Л.68; Оп. 3. Д. 720. Л. 113, Оп. 3. Д. 1066. Л. 51.

В 1944 г. руководство республики находилось в растерянности относительно вопроса пополнения рабочих рук, так как внутренние резервы отсутствовали. Это положение отражено в письме от 22 апреля 1944 г. № 133/12с председателя СНК Коми АССР С.Турьшева и секретаря Коми Обкома ВКП(б) А.Тараненко заместителю председателя СНК СССР т. В.М.Молотову: «Постановлением СНК СССР от 5 апреля 1944 г. предложено подготовить к переселению из Коми АССР в южные районы страны 9000 человек бывших польских граждан. Указанный контингент прибыл в Коми АССР в 1939—1940 гг., и работает главным образом на лесозаготовках, лесосплаве, строительстве авиафанерного завода, судовой верфи, судоремонтных мастерских, речном пароходстве, а также на предприятиях развивающейся местной промышленности. В связи с предстоящим переселением бывших польских граждан, много промышленных предприятий Коми АССР окажутся совершенно оголенными. Особенно тяжело это переселение отразится на сплаве леса, лесопилении и предприятиях Наркомречфлота. Так, например, по Сыктывкарским лесозаводам Наркомлеса СССР подлежит переселению 300 человек из 700 человек рабочих, по Сыктывкарскому сплавному рейду, соответственно, 213 человек из 246 и т.д. По стройке авиафанерного завода «Спецжешартстрой» подлежит переселению 392 человека из 998 всех рабочих. По Сыктывкарским судоремонтным мастерским Наркомречфлота, соответственно, 155 человек из 176 человек и т.д. Эти и многие др. предприятия встанут перед необходимостью сокращения производства, а в некоторых случаях и полного прекращения. Провести же восполнение переселенных 9 тысяч человек за счет мобилизации рабочей силы из колхозов совершенно нет возможности... При малой населенности республики (один человек на 1 м², всего населения 317,9 тыс. чел.) создалось чрезвычайное напряжение с рабочей силой во всех предприятиях и колхозах республики. Коми АССР и ранее в довоенный период испытывала острый недостаток рабочей силы, ежегодно приходилось заводить ее из других областей. Теперь же, когда призвано в Армию не только коренное население, но и трудпереселенцы (бывшие кулаки), а промышленность выросла в несколько раз, положение стало особенно тяжелым. Все это вынуждает нас просить СНК СССР оставить бывших польских граждан в Коми АССР до окончания

войны и при возможных обстоятельствах разрешить завоз нового контингента рабочих в количестве 20—25 тыс. человек, из них для лесной промышленности — 12 тыс. человек, сплава леса — 5 тыс. человек, деревообрабатывающему заводу, Спецжешартстрою, лесопилным заводам — 5 тыс. человек, Кажимскому чугуноплавильному и Ньючимскому чугуно-литейному заводам и другим предприятия — 3 тыс. человек»⁵⁸.

После переселения польских граждан в 1944 г. проблема пополнения рабочих рук вновь была решена за счет «завоза дополнительной рабочей силы». На территорию республики поступают новые категории спецпереселенцев — «членов семей ОУНовцев» для нужд лесной промышленности. Коми Обком посылал просьбы в правительство страны обязать НКВД в срок до 1 января 1945 г. направить 15 тысяч семей для работы в лесной промышленности⁵⁹. По постановлению ГКО от 29 октября 1944 г. для лесной промышленности Коми АССР представлялось 10 тысяч спецпереселенцев — «ОУНовцев», членов семей участников организаций украинских националистов (участники «организаций украинских националистов» были расстреляны или отбывали сроки в ИТЛ, а члены семей выслались в отдаленные районы страны)⁶⁰. Правительство было готово направить 20 тысяч человек, но руководство Коми АССР не соглашалось принимать большее количество спецпереселенцев данной категории, так как они «не представляли из себя ценности как рабочий кадр», потому что это были члены семей «националистов», т.е. в основном женщины, дети и престарелые.

Членов семей ОУНовцев к 1945 г. было учтено 4670 человек⁶¹. К 1 января 1946 г. постоянный кадровый состав рабочих лесной промышленности увеличился в Коми АССР на 5829 человек, причем за счет вербовки местного населения на 41 человека, а остальные 5788 человек пополнились за счет спецконтингентов⁶². На предприятия трестов Комилес и Вычегдолес ОУНовцы поступали в течение 1945 г. Принимающими предприятиями были Усть-Вымский, Корткеросский, Сыктывдинский, Палевицкий и Сысольский леспромхозы, Трехозерная и Максаковская запани⁶³.

Очередной запрос «на завоз дополнительной рабочей силы» был направлен 3 мая 1946 г. в Совет Министров СССР на 5 тыс. человек спецконтингента для предприятий лесной промышленности⁶⁴. По постановлению ГКО, в целях увеличения лесозаготовок

по Наркомлесу СССР в районах Архангельской, Молотовской, Кировской, Вологодской, Ярославской, Калининской, Горьковской областей, Карело-Финской ССР, Удмуртской и Коми АССР НКВД был обязан завести для работы на лесозаготовках 50 тыс. военнопленных, в том числе в распоряжение трестов Комилес 6 тысяч человек и Печорлес — 4 тысячи человек⁶⁵. После проверки в проверочно-фильтрационных лагерях с весны 1946 г. бывшие советские военнопленные, проходившие под категорией «власовцы», начинают поступать на спецпоселения республики. К началу 1947 г. численность «власовцев» составила 9847 человек⁶⁶.

В отличие от всех других категорий спецпереселенцев, «власовцы» прибывали не семьями, а одиночками, и стали ценной рабочей силой, не отягощенной семьей. Прежде всего, «власовцы» пополнили механизаторские кадры в лесопунктах, сильно оскудевшие за период войны. В тресте Комилес, наиболее крупном лесозаготовительном предприятии, численность трактористов и шоферов сократилась с 1940 по 1945 гг. на 56%. К тому же, преобладающее место в составе лесозаготовительных рабочих занимали женщины. В 1945 г. в тресте Комилес рабочие-женщины составляли 74% всего числа постоянных рабочих⁶⁷. Также «власовцы» стали активно использоваться на сплавных работах в пригородных запанях: Максаковской, Трехозерной и Седкыркещской⁶⁸. «Власовцы» являются ярким примером прослеживавшейся тенденции расширения трудового использования спецпереселенцев в разных отраслях промышленности. «Власовцы» работали на предприятиях трестов Комилес, Печорлес, Комилестрансстрой на лесозаготовках, сплаве леса, строительных и ремонтных работах.

Во второй половине 1940-х гг. расширилась тенденция использования спецпереселенцев на различных работах непосредственно в столице республики — г.Сыктывкар и пригородах. В феврале 1947 г. по городу Сыктывкар было трудоустроено 6 тысяч спецпереселенцев, в том числе по Гортопу — 311 немцев, 165 ОУНовцев, 85 «власовцев»; по Кожкомбинату — всего 119 спецпереселенцев, в колхозах Чит и Кочпон — 139 человек. Самое большое количество спецпереселенцев в пригороде работало на сплаве, в частности на Максаковской запани — 1034 человека, на Алёшинской запани — 77 человек и т.д.⁶⁹ В апреле 1947 г. в пригородные колхозы г.Сыктывкара было передано 199 спецпереселенцев, в том

числе для работы в колхозах «Ким» — 33 человека, «Октябрь» — 18 человек, «им. Сталина» — 25, «им. Оплеснина» — 15, «7й съезд» — 55, «им. К.Маркса» — 53⁷⁰. В январе 1948 г. 100 человек спецпереселенцев было переключено на строительство сыктывкарского водопровода в распоряжение «Спецстройтреста»⁷¹.

Во второй половине 1940-х гг. в состав постоянных кадровых рабочих лесной промышленности входили раскулаченные (выселенные в 1930-е гг.) немцы (выселенные в течение 1941—1946 гг.), литовцы, «власовцы», члены семей ОУНовцев и др. Основное число трудоспособных спецпереселенцев, от 48 до 100%, было занято на предприятиях лесной промышленности (см. табл. 4).

Таблица 4

**Использование труда спецпереселенцев
на предприятиях Коми АССР в IV квартале 1946 г.**

Спецпереселенцы	Человек	Трудо- способных	Исполь- зуется на работах
«Бывшие кулаки»	10433	4583	5303
В т. ч. в лесной промышленности	4644	2116	2211
Немцы	12393	6392	7045
В т. ч. в лесной промышленности	10715	5496	5986
Члены семей ОУНовцев	5004	2606	2958
В т. ч. в лесной промышленности	3268	1724	1970
Литовцы	920	367	529
В т. ч. в лесной промышленности	868	359	506
«Власовцы»	8485	8459	8485
В т. ч. в лесной промышленности	7386	7360	7386
Мобилизованные немцы	976	Не ук.	Не ук.
В т. ч. в лесной промышленности	643	Не ук.	Не ук.
Всего спецпереселенцев	38211	22407*	24320*
В т. ч. в лесной промышленности	27524	17055	18059

* без учета мобилизованных немцев

Сост. по: Архив МВД Республики Коми. Ф. 31. Оп. 1. Д. 66. Л. 11—112.

В 1947 г. постоянных рабочих по основным лесозаготовительным предприятиям (тресты Комилес, Печорлес, Киртранлес, Мезеньлес) насчитывалось 14993 человека, а учитывая сезонную

рабочую силу в количестве 16122 человек — 31015 человек⁷². Основой постоянного кадра в лесной промышленности (более 90%) являлись спецпереселенцы, их общая численность с членами семей составила в 1949 г. 27538 человек⁷³. После 1947 г. крупных партий спецпереселенцев в Коми АССР не поступало. В 1953 г. численность рабочих постоянного кадра по тресту «Комилес» составляла 21373 человека, представителей коренной национальности насчитывалось из них 3281 человек⁷⁴.

Несмотря на скудное снабжение продуктами питания, обувью и одеждой, экстремальные жилищно-бытовые условия, высокий уровень заболеваемости и смертности на протяжении всего периода 1930—50-х гг. среди спецпереселенцев были ударники и стахановцы. В 1937 г., по Жежемскому лесоучастку Усть-Куломского леспромхоза в спецпоселке Зинстан работало 98 человек переселенцев, в том числе семь стахановцев, выполнивших норму до 200%⁷⁵. Среди 13 кандидатур по Усть-Куломскому леспромхозу, выдвинутых в мае 1936 г. на областной слет тысячников по лесозаготовке, из производственного аппарата бригадиров было два спецпереселенца из спецпоселка Вежаю. Оба работали бригадирами. Они лично и их бригады выполняли дневную норму от 150 до 200% и неоднократно были премированы. В 1946 г. в Немском лесопункте Усть-Куломского района из 162 человек постоянных рабочих многие взяли повышенные обязательства и «выполняли их с честью». Рабочий постоянного кадра «власовец», работая на рубке, в октябре за 25 дней выполнил 64 нормы, за что ему начислили зарплату в 26 тыс. 292 руб. 50 коп.⁷⁶

В итоге можно сказать, что быстрые темпы роста лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслей промышленности были обеспечены в 1930—50-е гг. за счет массовых вселений спецпереселенцев. Среди постоянных кадровых рабочих спецпереселенцев насчитывалось около 90%, среди общего количества работающих, с учетом сезонников, — от 18 до 80%. Спецпереселенцы внесли свой вклад в развитие не только лесозаготовительной промышленности, но и деревоперерабатывающей, являясь рабочими таких крупных предприятий, как Пезмогский лесозавод, Сыктывкарский лесозавод, Жешартский фанерный завод, а также множества мастерских по деревообработке и деревопереработке. Большинство предприятий строили планы по расширению

производства, основываясь на использовании рабочей силы, завезенной извне республики. Следует отметить как негативный факт то, что руководство страны в 1930—50-е гг. не видело альтернатив принудительному труду в индустриальном освоении севера, при наличии тяжелых условий жизни спецпереселенцев это привело к большим людским потерям и к постоянной необходимости пополнять рабочую силу за счет новых потоков принудительных миграций.

Примечания

¹ Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009. С. 277—280.

² Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 21, 39, 65.

³ Красильников С.А. Корни и шепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х — начале 1950-х гг. М., 2010. С. 99.

⁴ ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2008.

⁵ Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 14.

⁶ Бердинских В.А. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. Киров, 2003. С. 473.

⁷ Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М., 2010. С. 126, 153, 233, 234.

⁸ Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (далее ГУРК НАРК). Ф. П-1. Оп. 3. Д. 79. Л. 4.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 951. Л. 73.

¹⁰ Лесная промышленность в Коми АССР. 1917—1960: Сб. документов. Сыктывкар, 1989. С. 65.

¹¹ ГУРК НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 97. Л. 4.

¹² Коми область в борьбе за социализм. Сыктывкар, 1931. С. 63.

¹³ Спецпоселки в Коми области: Сб. документов. Сыктывкар, 1997. С. 230.

¹⁴ ГУРК НАРК. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3125. Л. 45.

¹⁵ Там же. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 576. Л. 121.

¹⁶ Под термином «немцы» понимаются все высланные советские немцы, учитывавшиеся под разными категориями («немцы»), «мобилизованные немцы», «репатриированные немцы» и др.).

¹⁷ Военнослужащие, граждане СССР, побывавшие в плену во время Великой Отечественной войны.

¹⁸ Члены семей участников «организаций украинских националистов».

¹⁹ Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930—50-е гг. Сыктывкар. 2009. С. 42—74.

²⁰ ГУРК НАРК. Ф. П-374. Оп. 1. Д. 2. Л. 100.

²¹ Там же. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 909. Л. 47.

²² Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 2313. Л. 13.

- 23 Там же. Ф. П-18. Оп. 3. Д. 281. Л. 10.
- 24 Там же. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 2360. Л. 58.
- 25 Там же. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 986. Л. 9.
- 26 Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 2422. Л. 9.
- 27 Там же. Ф. Р-374. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
- 28 Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 2478. Л. 2.
- 29 Там же. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3346. Л. 17.
- 30 Там же. Д. 3371. Л. 29.
- 31 ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 9479. Оп. 1с.
Д. 48. Л. 3, 26.
- 32 ГУРК НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 549. Л. 9; Ф. П-1. Оп. 3. Д. 548. Л. 9.
- 33 Там же. Д. 720. Л. 113.
- 34 Там же. Д. 1066. Л. 51.
- 35 Там же. Д. 720. Л. 119.
- 36 Там же. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 410. Л. 9.
- 37 Там же. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 549. Л. 9.
- 38 Там же. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3237. Л. 20.
- 39 Там же. Ф. Р-605. Оп. 4. Д. 40. Л. 63.
- 40 Там же. Д. 68. Л. 19.
- 41 Там же. Д. 40. Л. 47.
- 42 Там же. Д. 46. Л. 97, 110.
- 43 Там же. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 671. Л. 112.
- 44 Там же. Ф. Р-605. Оп. 4. Д. 91. Л. 82.
- 45 Там же. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 653. Л. 148.
- 46 Там же. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 721. Л. 205.
- 47 Там же. Ф. Р-605. Оп. 4. Д. 40. Л. 68.
- 48 Там же. Ф. Р-605. Оп. 4. Д. 40. Л. 156—157.
- 49 Промышленные рабочие Коми АССР 1918—1970 гг. М., 1974. С. 173.
- 50 ГУРК НАРК. Ф. Р-605. Оп. 4. Д. 46. Л. 55.
- 51 Там же. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 94. Л. 19.
- 52 Там же. Д. 946. Л. 19
- 53 Александров А.Н. К вопросу о численности рабочего класса Коми АССР в период ВОВ 1941—1945 гг. // Вопросы истории рабочего класса Коми АССР. Историко-филологический сборник. Вып. 12. Сыктывкар, 1970. С. 106.
- 54 ГУРК НАРК. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3262. Л. 33.
- 55 Там же. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 1066. Л. 51.
- 56 Промышленные рабочие Коми АССР. С. 159.
- 57 ГУРК НАРК. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 259. Л. 68.
- 58 Там же. Оп. 3. Д. 1077. Л. 79.
- 59 Там же. Д. 609. Л. 13.
- 60 Там же. Д. 1079. Л. 113.
- 61 Там же. Д. 1201. Л. 33.
- 62 Там же. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3425. Л. 1.
- 63 Там же. Л. 8.
- 64 Там же. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 4. Л. 29.
- 65 Там же. Ф. Р-144. Оп. 1. Д. 3262. Л. 43.

- ⁶⁶ Там же. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 30. Л. 227.
- ⁶⁷ Дегтев В.С. К вопросу о формировании индустриальных кадров Коми АССР в годы четвертой пятилетки (1945—1950-е гг.) // Вопросы истории рабочего класса Коми АССР. С. 110.
- ⁶⁸ ГУРК НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 178. Л. 122.
- ⁶⁹ Там же. Л. 75.
- ⁷⁰ Там же. Д. 179. Л. 42.
- ⁷¹ Там же. Оп. 4. Д. 376. Л. 6.
- ⁷² Там же. Д. 259. Л. 35.
- ⁷³ Спецпоселки в Коми области... С. 291.
- ⁷⁴ Лесная промышленность в Коми АССР. С. 212.
- ⁷⁵ ГУРК НАРК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 3192. Л. 15.
- ⁷⁶ Там же. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 216. Л. 86.

Раздел 4

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ ЮГРЕ**

Глава 1

О ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ: ТРЕБОВАНИЯ ЭПОХИ И ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

1. Эпоха инноваций

Каждый исторический период времени имеет свои измерения, свою высоту инновационных волн, меняющих архитектуру общества. Бывают периоды сравнительно плавного, эволюционного развития, когда будущее предопределено сложившимися в прошлом тенденциями, его очертания представляются довольно четко, горизонт предвидения и стратегических действий недалек, а инновационный поток напоминает скорее зыбь в период штиля или небольших волнений. Но наступает эпоха шторма и радикальных перемен, когда будущее затягивает завеса неопределенности, очертания окружающего мира становятся зыбкими, инновационные перемены приобретают характер девятого вала или цунами, сметающего устаревшее на своем пути.

Именно в такую **эпоху бурных перемен** вступило человечество на рубеже третьего тысячелетия. Все стороны привычной жизни и динамика общества радикально меняются. Мир становится неузнаваемым и требует нового понимания со стороны ученых, долгосрочной стратегии государственных и политических деятелей, лидеров бизнеса, иного образа мыслей и действий ныне преобладающего поколения, несущего историческую ответственность как перед прошлыми, так и перед будущими поколениями.

Первая половина XXI в. станет эпохой радикальных инноваций, преобразующих лицо мира. Особенно ответственен и судьбоносен этот выбор для России, которая завершила ушедший век национальной катастрофой, скачком назад и до сих пор не имеет ясной, научно обоснованной долгосрочной стратегии преодоления последствий кризиса и возрождения российской цивилизации.

Несмотря на важность инноваций в развитии нашей страны, эта сфера остается малоизученной, а само понятие «инновации» многим представляется малопонятным, хотя употребляется часто и не к месту. Теперь куда ни глянь, повсюду говорят об инновациях, начиная с детского сада. Так ли это на самом деле? Термин «инновация» был предложен австрийским экономистом Йозефом Шумпетером¹, который определил его как **коммерциализацию всех новых комбинаций**, основанных на: применении новых материалов и компонентов; введении новых процессов; открытии новых рынков; введении новых организационных форм. Другими словами, согласно данному определению, **инновации — это одновременное проявление двух миров, а именно мира техники и мира бизнеса**. Когда изменение происходит только на уровне технологии, Й.Шумпетер называет его изобретением. И только тогда, когда к изменениям подключается бизнес, они становятся инновациями². То есть **без инвестиций инновации не могут стать достоянием большинства**.

По своим масштабам инновации могут быть самыми разными: малые, постепенные, крупные, а по характеру — прорывные и радикальные. Для того, чтобы внедрять инновации в постоянном режиме, необходимо обладать соответствующими знаниями. Управление знаниями — одна из ключевых составляющих управления процессом инноваций. Инновации повсеместно принято рассматривать в качестве магистрального пути, обеспечивающего постоянный рост и процветание компании, общества.

В контексте проблематики инноваций знание приобретает прагматический и утилитарный характер, что позволяет извлекать из него экономические и социальные выгоды³. Данный подход широко распространен в западной научной литературе. Прагматический подход к инновации определяет рост прикладного знания и экономической результативности университетов. Западные страны развивают исследовательские университеты в роли ключевых игроков в создании новых технологий. Исследователи создают инновации, но нужна инфраструктура, которая помогала бы внедрить эти инновации. Все это группируется вокруг исследовательских университетов. Исследовательская лаборатория превращается в предприятие⁴. Производство нового знания, т.е. исследования, ставятся во главу угла в самих вузах и на повестке дня

у правительств европейских стран, а также в ряде других экономически развитых стран. В глобализирующемся мире, где правят транснациональные корпорации, битва за мировое господство невозможна без интенсификации исследовательской работы.

Итак, Мир вступил в эпоху инноваций, и для России наступило время, требующее нового мышления. Для выработки стратегии развития страны и ее реализации нужна **высокоинтеллектуальная, профессиональная, патриотичная правящая элита.** Она должна обеспечить прогрессивное движение страны, позволяющее форсировать развитие науки и образования, результатами которых будет пользоваться все население России.

В 2000-х гг. в России реализовывалась инерционно-рыночная модель развития страны за счет экспорта углеводородного сырья. Смена персон в 2008 г. в высшем эшелоне власти не привела к ожидаемым переменам, в стране продолжается прежний экономический курс. Хотя, надо заметить, что президент Д.Медведев озвучил необходимость инновационного развития страны. **Что реально предпринимается для этого?** Сегодня Россия по числу изобретений находится на 36 месте⁵. Наихудшим образом обстоят дела с развитием вузовской науки. Отсутствует программа поддержки научно-исследовательских работ в вузах, государство ограничивается лишь финансированием небольшой группы так называемых инновационных университетов, нескольких федеральных университетов и Сколково. Все это не система, а точечные меры, которые не могут обеспечить инновационного развития страны. Действующее законодательство и система мотивации не способствует развитию научной инновационной деятельности в вузах и академических институтах. Огромные средства выделяются в последние 2—3 года на инновационные программы. А эффективность близка к нулю. Даже появился термин «принуждение к инновациям». В проекте Закона об образовании есть статья об инновациях (общие положения), но ни слова о поддержке науки, инновационной активности, отдельных исследователей⁶.

В России уже не первое десятилетие остро стоит проблема научной эмиграции. Власть на это явление не реагирует, больше того, публично делает заявления типа: «У нас свободная страна. НЕ нравится — уезжайте!» За последние 18 лет Россию покинули более 3 млн. человек, половину из которых составили научные

работники. По данным опроса молодых ученых, 63% хотели бы заниматься наукой за рубежом. В мире идет острейшая борьба за знания и интеллект. Судя по нашей стране, она уходит от этой борьбы. Согласно исследованию Левада-Центра, каждый третий молодой человек планирует переехать жить в развитую страну. Та часть лучшей молодежи, которая не уехала за рубеж, не видя перспектив, уходит из науки в коммерцию. В этом проявляется противоречие российской действительности: с одной стороны, инновационной экономике требуются высококвалифицированные специалисты, а с другой — отсутствуют условия, необходимые для развития науки, высокотехнологичные рабочие места для образованной молодежи⁷.

2. Школьное образование и проблема формирования инновационного потенциала

Важнейшим фактором инновационного развития является **образование**. Все его ступени должны вносить свой вклад в формирование инновационного потенциала молодого поколения. В России наблюдается тенденция развития образования как сферы услуг, что в корне меняет его предназначение. В системе образования под **инновациями** понимается процесс совершенствования педагогических технологий, совокупности методов, приемов и средств обучения. В нормативных документах по совершенствованию и модернизации образования⁸ подчеркивается, что современный ученик должен обладать широкими взглядами на жизнь, большим спектром вариантов выхода из предлагаемых ситуаций, быть более мобильным и творчески подходить к решению каждодневных задач, диктуемых зависимостью развития государства и общества от темпа инноваций.

То есть перед общим образованием встает задача качественного уровня — формирование не только ЗУН, но и качеств, способствующих формированию инновационного потенциала. Что для этого нужно?

Школьное образование: матрица инновационного развития

Сфера проявления инноваций	Содержание
Педагогическая деятельность	изменение компонентов педагогического процесса, таких как: смысл; цель; содержание образования; формы; методы; технологии; средства обучения; система управления
Научно-методическая деятельность педагогов	непрерывное образование в течение всей жизни; исследовательская деятельность; презентация результатов и их апробация (участие в научных конференциях, публикации научно-методических материалов)
Инновации в обучении	новые методики преподавания, новые способы организации занятий, новшества в организации содержания образования и методы оценивания образовательного результата
Инновации в воспитании	системы или долгосрочные инициативы, основанные на использовании новых воспитательных средств, способствующие социализации детей и подростков и позволяющие нивелировать асоциальные явления в детско-юношеской среде; работа по качественному улучшению личности ученика
Новый образ учителя	исследователь, консультант, организатор, менеджер проектов
Новый тип учебных комплексов	УМК должны обеспечить коренное преобразование содержания и технологии учебно-воспитательного процесса. Целесообразно ввести специальные курсы для школьников по инновациям: Эпоха инноваций; Инновационное мышление; Инновационные технологии; Инновационные материалы и т.д.
Новые формы взаимодействия	«университет-школа», «школа-предприятие», международное сотрудничество
Учебно-исследовательская деятельность учащихся	научное общество (сбор материала, оформление, презентация); олимпиады и конкурсы; конференции

Проблемы, препятствующие формированию инновационного потенциала школьников:

ориентация системы образования на формальные показатели (в т.ч. ЕГЭ), а не на личностное развитие учащихся;

закрытость ОУ и учебного процесса; слабое взаимодействие субъектов образования, ОУ и общества;

низкая корпоративная культура; различия в целях;

дефицит профессиональных кадров (особенно менеджеров образования);

низкий уровень правовой культуры, отсутствие правового уклада жизни в ОУ;

низкий уровень экономической культуры (экономика образования);

авторитаризм в отношениях и общении; низкий уровень демократической культуры;

игровой характер самостоятельной деятельности школьников, самоуправления, самоорганизации и т.д.;

слабая социальная практика.

Все вышесказанное позволяет заключить, что инновационное обучение остается для массовой школы весьма отдаленной перспективой, поскольку требуется решение системных задач, а не фрагментарная постановка их отдельных компонентов с целью формализации полученных результатов.

3. Высшее образование: проблема формирования инновационного потенциала специалистов

Качество выпускников вузов нельзя рассматривать в отрыве от качества выпускников школ. Одна из задач, стоящих перед высшей школой, — воспитание нового поколения специалистов-инноваторов, способного, используя высокий образовательный потенциал и интеллектуальные возможности, обеспечить инновационное развитие общества.

Таблица 2

Количество занятых в экономике РФ лиц с высшим образованием⁹

Год	В % к общему числу работников	Муж.	Жен.
1993	17,2	15,6	18,5
2009	29	25,8	32,2

Резкое увеличение числа выпускников в постсоветский период, к сожалению, не связано с высоким уровнем их подготовки. Из вузов выходит преимущественно «офисный планктон», бакалавры для торговых сетей, а не компетентные специалисты¹⁰, за самым редким исключением. Потребностям инновационного общества должна соответствовать вся система высшего образования, а не только учреждения-лидеры¹¹. Критерии оценки эффективности вузов должны соответствовать мировым трендам. А в числе приоритетных должны быть научно-инновационные результаты. Численность студентов ВПО (2009 г.) в РФ составила 7 419 000 человек¹².

В 2009—2010 гг. состоялся конкурс по отбору национальных исследовательских университетов (НИУ). В настоящее время их насчитывается 29. С 2007 г. формируется сеть федеральных университетов. Теперь их 9. В 2009 г. принят специальный закон о правовом положении МГУ и СПбГУ. Общий объем средств на реализацию программ развития этих вузов в 2010—2012 гг. составляет 69 млрд. руб. Именно эти университеты государство рассматривает как основу инновационной экономики¹³. А что делать остальным? Россия вкладывает в ВПО менее 1% ВВП. По индексу развития человеческого потенциала Россия неуклонно движется вниз: 2004 г. — 15 место, 2007 г. — 41 место, 2010 г. — 65 место¹⁴. Все эти данные свидетельствуют о явном неблагополучии в системе российского образования.

Итак, университет больше не тихое место, где можно неторопливо учить, заниматься научной деятельностью и созерцать вселенную, как в прошлые века. Это большой, сложный, ответственный конкурентный бизнес, требующий постоянных масштабных инвестиций. А от студента требуется колоссальная работоспособность, активность, мобильность, ответственность за свой выбор. Именно магистратура призвана развить интегративные качества и компетенции: способность принимать решения, брать на себя ответственность, осуществлять анализ, коммуникацию. Выпускники магистратуры не только умеют пользоваться готовыми знаниями, но и вырабатывают новые, а что еще более важно — готовы транслировать их другим людям. Это и есть их инновационный потенциал! С учетом вышесказанного, нельзя не упомянуть о преимуществах знания иностранного языка. Студенты магистратуры,

владеющие иностранными языками, имеют больше шансов в отличие от коллег, которые не знают языка. Если выпускники вузов России в условиях мировой конкуренции хотят оказаться востребованными, они должны быть не только отличными профессионалами, но и пройти уровни обучения, которые определены мировым сообществом. Они должны знать иностранные языки, владеть информационными технологиями и предъявить своему будущему работодателю понятные во всем мире документы. И такая возможность у них появляется. Времена, когда магистратура считалась чем-то экзотическим, проходят. В сегодняшнем мире нет образования на всю жизнь. Современный ритм заставляет человека повышать свой образовательный уровень в течение всей его жизни. А в периоды неопределенности важную роль играет именно гибкость, позволяющая откликаться на возникающие новые возможности.

Благодаря современной системе, признанной в Европе как пример успешного и эффективного образования, Россия «перезагружает» рынок труда в стране. Уже через несколько лет российские бакалавры и магистры существенно потеснят своими дипломами европейского образца выпускников вузов, получивших при окончании обучения статус «специалист»¹⁵.

Традиционно отечественные вузы пытаются вопреки неблагоприятным тенденциям осуществлять НИРС. Однако проблема не только в финансировании и общих условиях, но и в том, каково качество научных исследований. Приходится констатировать, что растет число псевдонаучных и околонучных исследований, подменяющих оригинальные исследования конъюнктурными расчетами и экономическими соображениями. Такие исследования ничего общего с инновациями не имеют. Научные школы формируются десятилетиями, а разрушить их можно быстро.

В заключение отметим: не надо обольщаться и думать, что все способны на инновации, как раз наоборот — инновации способны порождать небольшие группы и отдельные исследователи. Инновации — это не конвейер. Поняв это, государству следует ценить тех людей, кто способен создавать инновации, инвестировать в талантливых студентов, эффективных ученых вузов и НИИ.

Примечания

¹ Й.Шумпетер — родоначальник теории инноваций. Сильное влияние на формирование его научных взглядов оказала теория больших циклов конъюнктуры Н.Д.Кондратьева.

² Янсен Ф. Эпоха инноваций. Как заниматься бизнесом творчески постоянно, а не от случая к случаю. М., 2002. С. 4.

³ Костюкевич С.В. Инновации: подход современных западных авторов в контексте российского опыта // Вестник высшей школы. 2011. № 4. С. 69.

⁴ Там же. С. 71.

⁵ Зернов В.А. Закон об образовании. Куда пойдем: к инновациям или к стагнации? // Вестник высшей школы. 2011. № 1. С. 9.

⁶ Статья 19. Экспериментальная и инновационная деятельность в сфере образования. URL: <http://edu.crowdexpert.ru/site3/book/node/497>

⁷ Антипов А.Г., Маркова Ю.С. Основные тенденции развития образования в глобализирующемся мире // Вестник высшей школы. 2011. № 6. С. 23.

⁸ «Национальная доктрина образования в Российской Федерации», «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г.», президентская программа «Новая школа».

⁹ Пугач В.Ф. Человеческие ресурсы высшей школы постсоветской России // Высшее образование в России. 2011. № 2. С. 25.

¹⁰ Зернов В.А. Закон об образовании. Куда пойдем: к инновациям или к стагнации? // Вестник высшей школы. 2011. № 1. С. 9.

¹¹ Зернов В.А. Конкурентная среда в образовании: миф или реальность? // Высшее образование сегодня. 2011. № 4. С. 46.

¹² Глинский А.В., Донских О.А., Макарина Е.В. Статистика против мифологии в сфере образования // Вестник высшей школы. 2011. № 6. С. 28.

¹³ Новости образования в России // Вестник высшей школы. 2011. № 5. С. 3.

¹⁴ Глинский А.В., Донских О.А., Макарина Е.В. Статистика против мифологии в сфере образования. С. 26.

¹⁵ В соответствии с постановлением Министерства науки, высшей школы и технической политики РФ от 13.03.1992 г. «О введении многоуровневой структуры высшего образования Российской Федерации», наряду с подготовкой дипломированных специалистов стала осуществляться подготовка бакалавров и магистров. Новая структура высшего образования преследовала цель расширить возможности вузов в удовлетворении многообразных культурно-образовательных запросов личности, повышении научной и профессиональной подготовки специалистов с учетом потребностей экономики и рынка труда.

Глава 2

ПОНЯТИЯ «КУРСЫ ПО ВЫБОРУ» И «ЭЛЕКТИВНЫЕ КУРСЫ». ВИДЫ И ТРЕБОВАНИЯ

Среди новых веяний, входящих в жизнь массовой школы с внедрением профильного образования на старшей ступени, важная роль отведена элективным курсам или курсам по выбору¹.

Для отечественных педагогов элективные курсы — новые образовательные формы в профильном обучении, а в зарубежной школе они имеют многолетнюю историю. В.В.Воронина в своем исследовании, рассмотрев труды зарубежных ученых, установила два направления реализации образовательных программ в профильном школьном образовании Европы и Америки².

Первое направление представлено стационарными отделениями, секциями (Франция, Италия, Испания, Дания, Нидерланды и др.). Занятия в них осуществляются в соответствии с планами и программами для данного профиля обучения. Элективные курсы и предметы по выбору играют вспомогательную роль. Например, во Франции, имеющей в этой области многолетние традиции, начальное обучение на базе 5-летнего курса вместе с 4-летним обучением в колледже составляет основу неполной средней школы. В последние два года учащиеся выбирают курсы по выбору, и это оказывает влияние на обучение в лицее.

Трехлетний лицей (10—12-й годы обучения) завершает этап полного среднего образования. На десятом году обучения предусматривается единая общеобразовательная подготовка, которая дополняется предметами по выбору. В старших классах лицея обучение осуществляется по направлениям: гуманитарное, естественнонаучное, социально-экономическое, технологическое. В каждом профиле производится обучение по обязательной программе (французский язык, математика, физические и естественные науки, физкультура) с углубленным изучением ряда предметов и необязательными курсами по желанию учащихся.

Второе направление реализуется в результате самостоятельного выбора учащимися элективных курсов в дополнение к небольшому

количеству обязательных дисциплин (США). Второй подход реализован в ряде стран, где главное значение в дифференцированном обучении выполняют широко представленные элективные предметы. В старшей средней школе США дифференциация выражается в виде профилей, многообразие которых сводится к академическому и практическому. Обязательными дисциплинами являются: английский язык, общественные дисциплины, физкультура, естествознание, математика. Профильность определяется элективными переметами. Учащиеся академических потоков ориентируются на получение высшего образования, а потому выбирают в основном традиционные общеобразовательные дисциплины (литература, иностранный язык, химия, биология и др.).

В отечественной школе с XVIII в. существовал дифференцированный подход к обучению. Учебные программы в училищах и гимназиях формировались с учетом пола, сословия и выбора будущей профессии³.

В XX в. аналогом профильного обучения, по мнению исследователя Д.С.Ермакова, являлась система школ (классов) с углубленным изучением отдельных предметов, наряду с этим были организованы массовые факультативные курсы в общеобразовательных школах (с 1966 г.)⁴.

В начале 90-х гг. в стране появились учреждения профильной направленности — лицеи, гимназии, которые были ориентированы на углубленное изучение отдельных школьных предметов. Одной из главных целей этих учебных учреждений была подготовка учащихся к поступлению в вузы.

В настоящее время общество предъявляет современному образованию определенные требования: выпускники школы должны иметь глубокие знания и высокий уровень общей эрудиции, что позволит им быстрее адаптироваться в постшкольном пространстве. Удовлетворение индивидуальных образовательных траекторий возможно при помощи введения курсов по выбору (на ступени предпрофильной подготовки) и элективных курсов (на ступени профильного обучения). Понятия «курсы по выбору» и «элективные курсы» созвучны, в большинстве исследований, в учебных методических комплексах они взаимозаменяемы. В данной статье значение термина «курсы по выбору» отражают предпрофильную подготовку школьников, а термин «элективные курсы» реализует

один из компонентов профильного образования, согласно Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования.

Профилизация школы ставит выпускника основной ступени образования перед выбором профиля дальнейшего обучения. Для этого необходимо создать образовательное пространство, способствующие самоопределению учащегося основной школы, осуществление этого замысла проявляется во введении предпрофильной подготовки⁵.

Под предпрофильной подготовкой понимается система педагогической, психолого-педагогической, информационной и организационной деятельности, способствующей самоопределению учащихся относительно профилей дальнейшего обучения и сферы профессиональной деятельности 9-классников⁶.

Предпрофильная подготовка рассчитана на всех учащихся, а не только на успешно обучающихся, поэтому курсы по выбору должны предлагаться всем, однако их посещение не является обязательным⁷.

Реализация данной образовательной системы зависит от множества факторов: от особенностей социально-образовательной среды, кадрового потенциала, профессионально-образовательных потребностей семьи, личности учащегося. Мотивация учащихся в курсах по выбору базируется на реализации их главных задач: подготовка ученика к осознанному выбору профиля дальнейшего обучения, организация пробы выбора, организация знакомства учащихся с миром профессий⁸.

Ученики должны обязательно иметь возможность изучить за год несколько курсов по выбору, следовательно, они должны быть краткосрочными (оптимальная их продолжительность 8—16 часов). Курсы по выбору могут быть сформированы из: профилей школы, факультативов, кружков, предметных школ, лабораторно-практической части учебных программ, общественного запроса⁹.

Предпрофильные курсы можно разделить на два основных вида: предметно-ориентированные и межпредметные. Предметно-ориентированные курсы призваны обучить способом принятия решений о выборе индивидуального маршрута образовательной деятельности. Задачи данных курсов: дать ученику возможность реализовать свой интерес к предмету; проанализировать готовность

и способность ученика осваивать выбранный предмет на повышенном уровне; подготовить учащегося к итоговому экзамену по вероятным предметам будущего профиля¹⁰.

Программы курсов предметно-ориентированного типа включают углубленное изучение отдельных тем общеобразовательных предметов, а также прохождение тем, выходящих за рамки школьной программы. Аналогами таких курсов в школе были факультативы, они способствовали предметной специализации. У курсов по выбору несколько иное предназначение — они должны ориентировать не на предмет, а на профиль обучения¹¹.

Для предметно-ориентированных курсов в качестве учебно-методической литературы используют разработанные для данных курсов пособия, программы факультативов, часть учебных пособий для подготовки в вузы, учебно-методические комплексы для классов с углубленным изучением предметов¹².

Межпредметные курсы знакомят учащихся с комплексными проблемами и задачами, требующими синтеза знаний по ряду учебных предметов, и способами их разработки в различных профессиональных сферах. Задача этих курсов по выбору — создание базы для ориентации учеников в мире современных профессий, поддержание мотивации к тому или иному профилю. Программы таких курсов знакомят школьников с комплексными проблемами и задачами, требующими разнообразных знаний по ряду предметов, и способов их применения в различных профессиональных сферах¹³.

В качестве учебных материалов для межпредметных курсов в предпрофильной подготовке используется научно-популярная литература, информация СМИ, информация из Интернета и т.п.

Общая задача предпрофильных курсов по выбору — помочь школьнику реально оценить свои возможности и сделать обоснованный выбор профиля, образовательного вектора, поэтому учителю или методисту при разработке программ курсов по выбору необходимо определиться с подходами к созданию программ предпрофильной подготовки.

Данный вопрос затронула в своем исследовании О.Н.Крылова¹⁴. Она выделила несколько подходов к созданию курсов по выбору:

1. Фундаментальный подход нацелен на углубленное изучение предмета, ориентированное, в первую очередь, на одаренных

детей в данной предметной области, и непосредственно связанное с профильными предметами старшей школы.

2. Методологический подход в своей основе имеет научный метод познания, особенности которого демонстрируются на историко-научном материале. Главная цель изучения курса, основанного на данном подходе — знакомство с методом научного познания, овладение некоторыми исследовательскими умениями. Этот подход предполагает использования лабораторно-практических занятий, занятий-практикумов и т.п.

3. Универсальный подход характеризуется группировкой содержания вокруг ряда важнейших понятий, имеющих универсальное значение для науки. Данный подход предпочтителен для межпредметных курсов, которые рассматривают одну проблему, явление, понятие с разных сторон в свете разных наук. Для него предпочтительным может стать использование технологий рефлексивного обучения, критического мышления, кейс-метод и т.д.

4. Прагматичный подход предлагает приобретение определенных знаний и умений, обеспечивающих базовый культурный уровень учеников и широко использующихся в дальнейшей жизни. Для него предпочтительными могут быть практические занятия, серия практикумов в конкретной профессиональной области.

5. Деятельно-ценностный подход предполагает знакомство со способами деятельности, необходимыми для успешного освоения того или иного профиля. Существует определенная взаимосвязь между рациональным отбором способов деятельности и форм организации учебного процесса с одной стороны и способностями и склонностями учащихся конкретного профиля с другой.

Таким образом, построение курса по выбору, основанного на данном подходе, предполагает учет склонностей учащихся к соответствующим способам деятельности. Так, для учеников гуманитарного профиля характерны такие виды деятельности, как составление конспектов, планов, тезисов, рефератов, формы — экскурсии, демонстрации, дискуссии, ролевая игра.

6. Компетентностный подход имеет сегодня много сторонников. Последовательность действий при использовании этого подхода к созданию курсов будет следующей: определение значимых для учащихся данного возраста проблем — выделение необходимых умений для их разрешения — определение компетентностей,

необходимых для решения данного типа задач, — отбор необходимого содержания — разработка методов обучения — разработка системы оценивания. Напомним, что компетентность трактуется в современных источниках как «общая способность решения задач, возникших в реальных жизненных ситуациях, с использованием знаний, учебного и жизненного опыта, человеческих ценностей». Ведущей компетентностью, которая формируется к концу основной школы, является способностью к созданию собственного продукта, выполненного с ориентацией на другого человека.

В качестве ориентиров для определения целей курсов по выбору могут быть взяты: социальная компетентность — способность действовать в социуме с учетом позиций других людей и предметная компетентность — способность анализировать и действовать с позиции отдельных областей человеческой культуры.

Эти рекомендации полезны для методического построения программ предпрофильных курсов, а практическая реализация курсов имеет ряд требований:

- набор предлагаемых курсов должен носить вариативный характер, т.е. по каждому профилю их количество должно быть разнообразным для обеспечения реальной свободы выбора курсов учащимися;
- курсы не должны быть длительными, их продолжительность может варьироваться, но находиться в пределах 8—16 учебных часов (однако не исключается возможность проведение достаточно длительных курсов в течение полугодия объемом 34 часа);
- подготовка программ и проведение занятий в рамках курсов по выбору должны быть обеспечены квалифицированными учительскими кадрами;
- содержание курсов предпрофильной подготовки должно не только включать информацию, расширяющую сведения по учебным предметам, но и знакомить учеников со способами деятельности, связанными с обучением по программе того или иного профиля;
- учебные занятия желательно проводить в активной форме (например — практическая работа и т.д.);
- предпрофильные курсы должны быть предложены учащимся в конце 8-го класса, чтобы к следующему учебному году можно было дать информацию для учащихся о предлагаемых им курсах и сформировать график занятий не в ущерб базовому образованию¹⁵.

Курсы по выбору имеют свои особенности, так, в рамках курса применяются педагогические технологии (модульная, критического мышления, рейтинговая и т.д.), телекоммуникативные и компьютерные технологии; используются социальные практики (например, волонтерство) и т.д. Но все эти усилия должны привести к одной цели — к выбору образовательного профиля.

На старшей ступени обучения в рамках профильного образования реализуются базовые, профильные и элективные курсы. При этом примерное соотношение объемов базовых общеобразовательных, профильных общеобразовательных предметов и элективных курсов определяется пропорцией 50:30:20¹⁶.

Понятие «элективные курсы» в Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования определяется как обязательные для посещения курсы по выбору учащихся, входящие в состав профиля обучения на старшей ступени школы¹⁷.

Термин «электив», «элективный» (electus) сложился во второй половине XX в. в западноевропейских странах и переводится с латыни как избранный, избирательный. Появление данного термина явилось следствием изменений в обществе, которые довольно интенсивно начали происходить в период перехода с индустриальной ступени развития общества на постиндустриальную, т.е. информационную, что изменило требования к профессиональной и социальной самореализации личности человека¹⁸.

Согласно нормативным документам, принятым в Российской Федерации, элективные курсы — обязательные для посещения курсы по выбору учащихся, входящие в состав профиля обучения на старшей ступени школы; реализуются в школе за счет времени, отводимого на компонент образовательного учреждения; ЕГЭ по результатам окончания курсов не проводится¹⁹.

Элективные курсы как бы «компенсируют» во многом достаточно ограниченные возможности базовых и профильных курсов в удовлетворении разнообразных образовательных потребностей старшеклассников. Эта роль элективных курсов в системе профильного обучения определяет широкий спектр их функций и задач²⁰:

- обеспечивают повышенный уровень освоения одного из учебных предметов;

- служат освоением смежных учебных предметов на междисциплинарной основе;
- обеспечивают более высокий уровень освоения одного или нескольких базовых учебных предметов;
- служат формированию умений и способов удовлетворения познавательных интересов, для решения практически значимых задач;
- обеспечивают непрерывность профориентационной работы;
- способствуют удовлетворению познавательных интересов.

По замыслу авторов школьной реформы, главная задача этих курсов в том, чтобы предоставить старшеклассникам возможность свободно выбрать тот дополнительный объем образования, который в наибольшей степени соответствует его интересам, потребностям, жизненным целям. Предполагается, что при помощи таких курсов по выбору учащиеся совместно с образовательным учреждением смогут построить индивидуальный образовательный маршрут, т.е. путь получения образования²¹.

На ступени среднего (полного) общего образования могут быть организованы следующие основные виды элективных учебных курсов профильного обучения: предметные, межпредметные, прикладные.

Предметные элективные курсы решают задачи углубления, расширения знания учебного предмета, входящего в базисный учебный план, в том числе²²:

- элективные курсы повышенного уровня, направленные на углубленное изучение предмета (могут иметь как тематическое, так и временное согласование с профильным учебным предметом);
- элективные спецкурсы, в которых углубленно изучаются отдельные разделы профильного учебного предмета;
- элективные спецкурсы, в которых расширенно или углубленно изучаются отдельные разделы базового курса, не входящие в обязательную программу и др.

Особую группу предметных элективных курсов составляют репетиционные элективные курсы, задачами которых могут являться:

- ликвидация имеющихся «пробелов в знаниях» старшеклассника по предметам избранного профиля за предыдущие годы;

- подготовка к сдаче единого государственного экзамена (ЕГЭ) по предметам на базовом уровне по отдельным, наиболее сложным разделам учебных программ.

Межпредметные и надпредметные элективные курсы выполняют функции общекультурного развития и удовлетворения интересов обучающихся к различным областям знаний, отсутствующим в учебном плане (например, «Шедевры мирового кинематографа», «История делового костюма» и др.).

Прикладные элективные курсы имеют своей целью обеспечить знакомство обучающихся с важнейшими способами применения знаний по предмету на практике, развитие их интереса к современной профессиональной деятельности. Среди них особую роль играют социальные практики.

Элективные курсы как наиболее дифференцированная, вариативная часть школьного образования требуют новых решений в их организации. Некоторые авторы (Д.С.Ермаков, Т.И.Рыбкина) выделяют следующие основные требования к содержанию и методике изучения элективных курсов:

- личностно-актуальная и социально значимая тематика;
- поддержка базовых курсов, а также возможность для углубленной профилизации и выбора индивидуальной траектории обучения;
- опора на методы и формы организации обучения, отвечающие образовательным потребностям учителя и учащихся, а также адекватные будущей профессиональной деятельности учащихся;
- включение учащихся в теоретически обоснованную практическую деятельность, соответствующую профилю обучения;
- обеспечение формирования и развития общеучебных, интеллектуальных и организационных способностей и навыков;
- система диагностики и оценивания, стимулирующая стремление к личностному росту и профессиональному самоопределению.

В рамках Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования можно выделить несколько типов элективных курсов по форме содержания²³.

1. Одни из них могут дополнять содержание профильного курса. В этом случае такой дополненный профильный курс становится в полной мере углубленным, а школа (класс), в которой

он изучается, превращается в школу с углубленным изучением отдельных учебных предметов.

2. Другой тип элективных курсов может развивать содержание одного из базисных курсов, изучение которого в данной школе (классе) осуществляется на минимальном общеобразовательном уровне. Это позволяет интересующимся школьникам удовлетворить свои познавательные потребности и получить дополнительную подготовку, например, для сдачи ЕГЭ по этому предмету на профильном уровне.

3. Третий тип элективных курсов направлен на удовлетворение познавательных интересов отдельных школьников, выходящих за рамки выбранного ими профиля. Например, когда школьник, обучающийся в классах гуманитарного профиля, проявит интерес к курсу «Основы предпринимательства», а школьник из класса математического направления расширит свои знания в области искусства или изучит элективный курс «Зарубежная литература XX века».

Широкий спектр и разнообразный характер элективов может поставить отдельную школу в затруднительное положение, определяемое нехваткой педагогических кадров, отсутствием соответствующего учебно-методического обеспечения. В этих случаях особую роль приобретают сетевые формы взаимодействия образовательных учреждений. Сетевые формы предусматривают объединение, кооперацию образовательного потенциала нескольких образовательных учреждений, включая учреждения начального, среднего, высшего профессионального и дополнительного образования²⁴.

Образовательный ресурс, включая сетевые профильные и элективные курсы, через Интернет доступен для любого образовательного учреждения, входящего в сеть, и используется учителями школ в соответствии с целями и задачами учебного процесса для проведения уроков в профильных классах, а также в системе дополнительного образования. Данную модель целесообразно применять в случаях, когда²⁵:

- образовательное учреждение имеет недостаток в квалифицированных педагогических кадрах для преподавания профильных и элективных курсов;
- образовательное учреждение испытывает дефицит в элективных курсах, поддерживающих отдельные профили, учитывая,

что учащимся необходимо обеспечить возможность реального выбора элективных курсов в соответствии с их интересами и дальнейшими профессиональными намерениями;

- образовательное учреждение считает целесообразным повысить эффективность и расширить возможности для освоения учащимися отдельных базовых предметов ввиду сокращения учебных часов на эти предметы в инвариантной части учебного плана;

- образовательному учреждению необходимо развивать методическое обеспечение и пополнить состав средств обучения;

- лабораторная база образовательного учреждения полностью не укомплектована, и школа испытывает недостаток в оборудовании и расходных материалах;

- планируется расширить спектр образовательных услуг в системе дополнительного образования, а также в сфере оказания платных образовательных услуг;

- у образовательного учреждения отсутствует возможность сопровождения учащихся из одного образовательного учреждения сети в другое, что является обязательным в том случае, если ресурсным центром в сети является традиционное образовательное учреждение (гимназия, лицей, центр образования и т.п.), и учащимся приходится перемещаться в течение учебного дня по разным образовательным учреждениям.

Элективные дисциплины в профильной школе должны быть разнообразными, краткосрочными (объем по часам максимум 72 часа), гибкими для коррекции. Они требуют от учительского коллектива практических навыков в разработке элективных курсов (и курсов по выбору) в соответствии с требованиями определенной специализации по какой-либо научному направлению. Курсы должны носить авторский характер и отражать нужды современных учащихся.

Примечания

¹ Серкин А.В. Элективные курсы в профильной школе: возможности, проблемы, перспективы // Изучение истории на профильном уровне в современной школе: Сб. учебно-методических материалов / Под ред. Е.Е.Вяземского. М., 2006. С. 110.

² Воронина Г.А. Элективные курсы: алгоритмы создания, примеры программ: Практическое руководство для учителя. 2-е изд. М., 2008. С. 8.

- ³ Короткова М.В. Становление профильной школы: что можно взять из прошлого? // Профильная школа. № 3. 2006. С. 54.
- ⁴ Ермаков Д.С. Элективные курсы для профильного обучения // Педагогика. № 2. 2005. С. 37.
- ⁵ Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования // Профильное обучение: Информационные материалы к региональной программе развития образования / Сост. Л.М.Ванюшкина. СПб., 2005. С. 15.
- ⁶ Новожилова Н., Фирсова М. Курсы по выбору: отбор содержания и технологии проведения // Народное образование. № 2. 2004. С. 120.
- ⁷ Элективные курсы в системе предпрофильной подготовки: Учебно-методическое пособие / Отв. ред. Т.Б.Качкина. Ульяновск, 2004. С. 4.
- ⁸ Новожилова Н., Фирсова М. Курсы по выбору. С. 120.
- ⁹ Крылова О.Н. Технологии работы с учебным содержанием в профильной школе. СПб., 2005. С. 75.
- ¹⁰ Клёнова Н. Как подготовить школу к профильному обучению // Народное образование. № 7. 2003. С. 110.
- ¹¹ Элективные курсы в системе предпрофильной подготовки. С. 6.
- ¹² Крылова О.Н. Технологии работы с учебным содержанием в профильной школе. С. 77.
- ¹³ Клёнова Н. Как подготовить школу к профильному обучению. С. 110.
- ¹⁴ Крылова О.Н. Технологии работы с учебным содержанием в профильной школе. С. 76.
- ¹⁵ Элективные курсы в системе предпрофильной подготовки. С. 7.
- ¹⁶ Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования. С. 10.
- ¹⁷ Там же. С. 11.
- ¹⁸ Нахаева В.И. Элективные курсы... Что это такое? Зачем это надо? Как это организовать? Учебно-методическое пособие. Омск, 2009. С. 4.
- ¹⁹ Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования. С. 10.
- ²⁰ Письмо Минобразования РФ от 13 ноября 2003 г. № 14-51-277/13. URL: http://edu.of.ru/isiorao/default.asp?ob_no=30846#sub_0
- ²¹ Ершов Д.Е. Элективные курсы профориентационной направленности (для учащихся 10—11-х классов гуманитарного профиля обучения): Учеб.-метод. пособие / Под ред. Т.В.Черниковой. М., 2007. С. 6.
- ²² О реализации элективных курсов предпрофильной подготовки и профильного обучения. URL: <http://www.arkh-edu.ru/events/projects/detail.php?ID=12059>
- ²³ Невзорова Т.Ю. Элективные курсы как средство активизации знаний и формирования экономической грамотности учащихся. (Из опыта работы). URL: <http://mmc.edu-kolomna.ru/getfile.php?id=420>
- ²⁴ Письмо Минобразования РФ от 13 ноября 2003 г. № 14-51-277/13.
- ²⁵ Концепция сетевого взаимодействия учреждений общего, профессионального и дополнительного образования по обеспечению элективных и профильных курсов в системе профильного обучения. URL: http://www.cls-kuntsevo.ru/portal_proforientir/distanceonnoe_obrazovanie_koncepciya_setev_vzaimod.php

Глава 3

ОТРАЖЕНИЕ ПОНЯТИЯ «УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШКОЛЬНИКОВ» В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В современном мире образование является одним из важнейших факторов, обеспечивающих экономический рост, социальную стабильность, развитие институтов гражданского общества. Уровень образованности населения, развитость образовательной и научной инфраструктур — неперемные условия становления и развития общества и экономики, ведущими ресурсами которых выступают новые знания, исследовательская и инновационная деятельность. Процессы модернизации в российском образовании направлены на изменение самых различных его аспектов, в том числе и на увеличение значимости учебно-исследовательской деятельности в подготовке учащихся различных возрастных групп, в особенности старшеклассников. Идеи усиления учебно-исследовательской составляющей современного школьного образования отражены в Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. Становятся приоритетными идея подлинной фундаментализации школьного образования и компетентностный подход, в котором акцент делается на овладение ключевыми компетенциями, в том числе и исследовательскими. Очевидно, что приобщение учащихся к учебно-исследовательской деятельности становится одним из важных объектов приложения сил и профессионального творчества педагогических коллективов. В настоящее время, по данным исследований А.В.Леонтовича, А.С.Обухова, А.И.Савенкова, актуализируется потребность в выпускниках школ, владеющих основами учебно-исследовательской деятельности.

К настоящему времени сложились определенные предпосылки для научного обоснования управления учебно-исследовательской деятельностью учащихся. В педагогике исследовательская деятельность была и остается актуальной как средство активизации и оптимизации процесса обучения и развития личности (Ю.К.Бабанский, Е.В.Бережнова, В.В.Краевский, И.Я.Лернер, М.И.Махмутов,

М.Н.Скаткин и др.). В профессионально-педагогической печати анализируются различные аспекты исследовательской деятельности учащихся в школе (А.В.Леонтович, А.С.Обухов, А.А.Плигин, А.Н.Поддьяков, А.И.Савенков и др.).

Особое значение приобретает подготовка педагогического коллектива к диагностике и формированию исследовательских умений, которые рассматриваются в работах М.Ю.Кожуховой, В.С.Лазарева, П.Ю.Романова, Н.Н.Ставриновой, Л.Н.Тимофеевой, В.Г.Паршукова. В последние десятилетия исследуются различные аспекты управления образовательными системами (Т.М.Давыденко, Л.А.Мокрецова, А.Н.Орлов, М.М.Поташник, П.И.Третьяков, И.К.Шалаев, Т.И.Шамова и др.), что составляет мощную научную базу для разработки теоретических основ управления учебно-исследовательской деятельностью старшеклассников. В настоящее время управление учебно-исследовательской деятельностью старшеклассников с учетом современных социокультурных условий недостаточно широко исследовано. Таким образом, появилась необходимость в научно обоснованном управлении учебно-исследовательской деятельностью старшеклассников.

Под учебно-исследовательской деятельностью школьников понимается процесс решения ими научных и личностных проблем, имеющий своей целью построение субъективно нового знания¹.

В ходе этой деятельности учащиеся знакомятся с различными методиками выполнения работ, способами сбора, обработки и анализа полученного материала, у них вырабатываются умения обобщать данные и формулировать результаты.

Современные социокультурные условия, в которых приоритетную роль играют процессы глобализации, модернизации и информатизации, несомненно, отражаются на сегодняшнем старшекласснике как положительно, так и отрицательно. С одной стороны, современный школьник имеет широкий доступ к получению информации через СМИ и Интернет, но, с другой стороны, это способствует потреблению так называемых «готовых форм», предлагаемых массовой культурой, развитию «клипового восприятия», блокирующего выработку собственного отношения к содержанию информации и, как следствие, снижению интеллектуального потенциала молодежи. Совершенствование учебно-исследовательской деятельности учащихся дает им возможность не

просто освоить сумму готовых знаний, а овладеть комплексом разнообразных исследовательских умений, компетенций, поведенческих правил; способствует развитию критического мышления, творческого потенциала, расширению возможностей старшеклассников в самореализации и выражении субъектной позиции в собственной деятельности.

Эффективная организация учебно-исследовательской деятельности возможна с помощью ее упорядочивания, систематизации, поэтому в последнее время прослеживается тенденция построения и обоснования той или иной деятельности или процесса в образовании с точки зрения управления. Учитель приобретает новые функции — он управляет образовательным процессом, создает условия для формирования разносторонне развитой личности, а учащийся активно познает, являясь субъектом своей деятельности, выстраивающим ее по индивидуальной образовательной траектории.

Определяя понятие *деятельности*, мы рассматриваем ее как «созидание, обнаружение, проявление и определение субъекта»². По мнению С.Л.Рубинштейна, деятельность характеризуется прежде всего следующими особенностями: 1) это всегда деятельность субъекта, точнее, субъектов, осуществляющих совместную деятельность; 2) деятельность есть взаимодействие субъекта с объектом, т.е. она необходимо является предметной, содержательной; 3) она всегда — творческая и 4) самостоятельная.

Учение С.Л.Рубинштейн понимает как «совместное исследование, проводимое учителем и учеником»³. *Исследование* нами определяется как творческий процесс познания мира, себя и бытия себя в мире. Также следует отметить, что мы действуем в личностно-ориентированной педагогической парадигме, в рамках которой осуществляется субъект-субъектный подход к ученикам. Продолжая научную традицию, заложенную Л.С.Выготским, развиваемую теоретически и воплощенную на практике психологами и педагогами, в том числе В.В.Давыдовым⁴ (Теория развивающего обучения. М., 1996) и Ш.А.Амонашвили⁵ (Размышления о гуманной педагогике. М., 1996), мы воспринимаем весь процесс обучения как сотрудничество более опытного человека с менее опытным (опираясь на зону ближайшего развития), благодаря которому происходит приобщение к культуре. Таким образом, мы

можем дать определение исследовательской деятельности учащихся как творческому *процессу* совместной деятельности двух субъектов по поиску решения неизвестного, в ходе которого осуществляется трансляция между ними культурных ценностей, результатом которой является формирование мировоззрения.

Под самостоятельностью школьника в учебно-исследовательской деятельности подразумевается, что научный руководитель консультирует, советует, направляет на возможные выводы, но ни в коем случае не диктует и не пишет работу за ученика. Учебное исследование сохраняет логику исследования научного, но отличается от него тем, что не открывает объективно новых для человечества знаний.

Основная особенность исследования в образовательном процессе — то, что оно является учебным. Это означает, что его главной целью является развитие личности. Главной целью организации исследований школьников является развитие их исследовательской позиции, навыков аналитического мышления. Из этого следует, что на каждом этапе исследований нужно дать учащемуся определенную свободу в работе, иногда даже в ущерб формальному протоколу, иначе исследование, главный смысл которого — в активизации познавательной активности учащихся, может постепенно превратиться в обычную при репродуктивной системе обучения последовательность стандартных учебных этапов⁶.

С другой стороны, учебно-исследовательская деятельность учащихся — это относительно самостоятельное изучение, решение учащимися отдельных проблем, творческих и исследовательских задач различными средствами в условиях совместной деятельности учителя и учащихся⁷.

В данном случае под учебно-исследовательской деятельностью понимается деятельность учащихся, связанная с решением учащимися творческих и исследовательских задач с заранее неизвестным решением. Учебное исследование предполагает наличие основных этапов, характерных для исследования в научной сфере: постановка проблемы (или выделение основополагающего вопроса), изучение теории, связанной с выбранной темой, выдвижение гипотезы исследования, подбор методик и практическое овладение ими, сбор собственного материала, его анализ и обобщение, собственные выводы. Любое исследование, независимо, в какой области

естественных или гуманитарных наук оно выполняется, имеет подобную структуру. Такая цепочка является неотъемлемой принадлежностью исследовательской деятельности, нормой ее проведения⁸.

Успех реализации любого начинания зависит, прежде всего, от учителя, а поэтому он должен раздвинуть границы самостоятельности. Старшеклассникам необходимо дать возможность самим находить решение трудноразрешимых задач, в частности — решить исследовательскую задачу.

Главным результатом исследовательской деятельности является интеллектуальный продукт, устанавливающий ту или иную истину в результате процедуры исследования и представленный в стандартном виде.

А.П.Тряпицына разделила учебные исследования на три группы: монопредметные, межпредметные и надпредметные.

1. Монопредметное исследование — это исследование, выполняемое по конкретному предмету, предполагающее привлечение знаний для решения какой-либо проблемы именно по этому предмету. Результаты выполнения монопредметного исследования не выходят за рамки отдельного учебного предмета и могут быть получены в процессе его изучения. Это исследование направлено на углубление знаний учащихся по конкретному предмету в школе.

Целевое назначение монопредметного учебного исследования — это решение локальных предметных задач, реализуется оно под руководством учителя-предметника, только по одному предмету⁹.

2. Межпредметное исследование — это исследование, направленное на решение проблемы, требующей привлечения знаний из разных учебных предметов одной или нескольких образовательных областей.

Результаты выполнения межпредметного исследования выходят за рамки отдельного учебного предмета и не могут быть получены в процессе его изучения. Это исследование направлено на углубление знаний учащихся по одному или нескольким предметам или образовательным областям.

Целевое назначение межпредметного учебного исследования — это решение локальных или глобальных межпредметных задач,

оно реализуется под руководством педагогов одной или нескольких образовательных областей¹⁰.

Межпредметное учебное исследование иногда называют интегрированным исследованием.

3. Надпредметное исследование — это исследование, предполагающее совместную деятельность учащихся и учителя, направленную на исследование конкретных личностно-значимых для старшеклассников проблем. Результаты выполнения такого исследования выходят за рамки учебной программы и не могут быть получены в процессе изучения последней. Исследование предполагает взаимодействие ученика с учителями различных образовательных областей.

Целевое назначение надпредметного учебного исследования — решение локальных задач общеучебного характера. Реализуется это учебное исследование под руководством педагогов, работающих в одной параллели классов. Пример: «Интернет в нашей жизни: его роль в формировании международного экономического сотрудничества»¹¹.

Надпредметные исследования имеют ряд преимуществ перед учебными монопредметными и межпредметными исследованиями. Во-первых, они способствуют преодолению фрагментарности знаний учащихся и формированию общеучебных умений и навыков. Во-вторых, как правило, на их освоение не требуется выделение дополнительного учебного времени, так как их содержание как бы «накладывается» на содержание линейных курсов. И, наконец, процесс исследования способствует формированию команды учителей, объединенных одной целью.

Таким образом, в современной научно-методической литературе прослеживается тенденция, характеризующая учебно-исследовательскую деятельность учащихся как самостоятельный вид интеллектуальной работы, направленный на формирование у них соответствующих умений и заключающийся в получении исследовательского результата.

Примечания

¹ Словарь педагогических терминов / Под ред. В.Н.Березикова. М., 1996. С. 312.

² Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В.Брушлинского. М., 1997.

³ Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности // Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М., 1997.

⁴ Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М., 1996.

⁵ Амонашвили Ш.А. Размышления о гуманной педагогике. М., 2001.

⁶ Кочетов А.И., Верцинская Н.Н. Работа с трудными детьми: Книга для учителя. М., 1986. С. 142.

⁷ Педагогический словарь / Под ред. И.А.Каирова. М., 1970. Т. I. С. 531.

⁸ Развитие исследовательской деятельности учащихся: Методический сборник. М., 2001. С. 12.

⁹ Степанова М.В. Учебно-исследовательская деятельность школьников в профильном обучении: Учебно-методическое пособие для учителей / Под ред. А.П.Тряпицыной. СПб., 2005. С. 28.

¹⁰ Там же. С. 30.

¹¹ Там же. С. 31.

Глава 4

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

В условиях перехода современной России к гражданскому обществу особый акцент в процессе модернизации образования сделан на подготовку старшеклассников к функционированию в качестве полноценных членов общества и граждан своей страны. Особое внимание уделяется практическому аспекту школьного образования, в частности, развитию социальной компетентности учащихся. Выпускник школы, таким образом, должен обладать комплексом знаний, умений, навыков, социально-личностных характеристик, способов компетентного социального действия и поступка, мотивационной готовностью их практического использования в жизненных и профессиональных ситуациях.

Проблемам компетентного подхода в образовании посвящены многие исследования (К.А.Абульханова, Ю.Н.Емельянов, И.А.Зимняя, Л.А.Петровская, М.А.Холодная, М.А.Чошанов, Н.В.Яковлева и др.). Изучается профессиональная компетентность (А.А.Бодалев, А.А.Вербицкий, А.А.Деркач, Е.А.Климов, Н.В.Кузьмина, А.К.Маркова, В.И.Пугач, В.А.Сластенин, О.М.Шиян, А.И.Щербаков и др.), социальная компетентность взрослого человека (М.Аргайл, Ю.М.Жуков, Д.Равен, К.Рубин, Ю.Мель и др.) как часть профессиональной компетентности (А.А.Деркач, А.К.Маркова).

Формирование социальной компетентности учащихся старших классов предполагает проектирование в содержании и развертывание в процессе образования социально значимых ситуаций, задающих социальный контекст будущей жизни и деятельности старшеклассников и несущих в себе воспитательный потенциал. По проблемам компетентного обучения выполнен целый ряд исследований в научно-педагогической школе А.А.Вербицкого (Н.А.Бакшаева, Н.В.Борисова, Т.Д.Дубовицкая, Н.В.Жукова и др.). Широко представлены и работы по проблемам реализации проектной технологии в школе (Ю.В.Громыко, Е.В.Зачесова, Н.Ю.Пахомова, Е.С.Полат, Л.Б.Прокофьева, Г.К.Селевко и др.).

Теоретическое исследование развития такого социально-педагогического феномена как социальная компетентность не может, на наш взгляд, обойтись без рассмотрения сущности понятий «компетентность» и «компетенция» и, прежде всего, без определения роли компетентностного подхода в современном образовании.

Анализируя работы отечественных педагогов (И.Я.Лернер, В.В.Краевский, В.В.Давыдов), мы приходим к выводу, что компетентностный подход в определении целей и содержания образования не является чуждым для российской школы¹. Однако, заложенные в компетентностно-ориентированных концепциях идеи и способы их реализации не вошли в массовую практику, потому что, как нам представляется, они не были реально востребованы со стороны государства, общества, производства.

Тем не менее, современная ситуация коренным образом поменяла отношение к компетентностному подходу, который явился решением целого ряда проблем современного образования: оторванность учебного процесса от жизни, несформированность личностных характеристик выпускника учебного заведения и др. Мы придерживаемся точки зрения И.Д.Фрумина, рассматривающего компетентностный подход «не как революцию, а как очередной шаг в естественном процессе следования школы за требованиями меняющегося мира»².

Социальная компетентность в современном обществе означает способность человека выстраивать стратегии взаимодействия с другими людьми в окружающей его изменяющейся социальной реальности. Она предполагает в равной степени и освоение вариантов взаимодействия с окружающими, способов достижения целей, и понимание сути происходящего, предвидение последствий собственных действий³.

Особое значение приобретает «ментальный» аспект социальной компетентности — осмысление социальной среды, осознанное выстраивание отношений с окружающими людьми⁴. Этим и определяется существенная роль школьного образования в формировании социальной компетентности.

Значение компетентностного подхода обусловлено его направленностью на формирование у выпускников образовательных учреждений механизмов приспособления к условиям стремительно меняющегося мира, способностей применять полученные знания

на практике и эффективно взаимодействовать с обществом. Адаптивная направленность подхода и его подчеркнутая ориентация на самостоятельное решение познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных проблем особенно важны, на наш взгляд, для приверженцев компетентностно-ориентированного направления в образовании.

Однако, даже возросшее внимание к компетентностному подходу и появление огромного количества научных исследований, посвященных этой проблеме, оставляют открытыми вопросы категориальной базы подхода, систематизации и структуры выделяемых компонентов.

С.А.Шаронова выделяет следующую специфику понимания компетенций в нашей стране. «Во-первых, в России формируют набор компетенций, исходя из феномена актуального знания, а в Евросоюзе ...акцентируют внимание на развитии опережающего мышления; во-вторых, если российское образование будет воспринимать компетенции как инструментарий организации учебного процесса, а не как “идеологический комплекс” системы образования, то мы можем до бесконечности тасовать колоду компетенций, но полученный результат не будет иметь большого значения...»⁵.

И.Д.Фрумин справедливо отмечает, что «разговоры о ключевых компетентностях и о компетентностной ориентации образования, споры о правильности использования термина “компетентность” или “компетенция” приобрели в последнее время угрожающе массовый характер»⁶, тем самым, побуждая нас к четкому определению таких базовых для рассмотренного нами подхода понятий, как «компетенция» и «компетентность» в целях отсутствия неясности и недоразумений в дальнейшей логике исследования.

Существуют различные подходы к трактовке данных понятий: они либо отождествляются, либо дифференцируются. Такие ученые как Л.Н.Болтов, В.С.Леднев, Н.Д.Никандров, М.В.Рыжаков придерживаются позиции неразграничения понятий («компетенция» = «компетентность»). Эта тенденция характерна для большинства зарубежных исследователей данной проблемы⁷. Однако анализ ряда работ по исследуемой проблеме (Т.Б.Беляева, Л.И.Сидоренкова, В.В.Цветков, И.Я.Зимняя, Г.В.Рылова, А.К.Маркова

и др.) позволяет нам выделить существенные различия между понятиями. Так, «компетенция» понимается как система знаний, умений и навыков, органично связанных с усвоенными личностью универсальными способами их реализации в конкретных ситуациях профессиональной или учебной деятельности. Под «компетентностью» же понимается интегративная личностная характеристика, сочетающая в себе комплекс ключевых компетенций, необходимых для решения различных практических проблем, а также мотивационно-волевой, эстетический, социальный и поведенческий компоненты. На наш взгляд, термин «компетентность» более широкий и включает в себя понятие «компетенции».

Проведя сравнительный анализ работ различных ученых по вопросу отбора ключевых компетентностей (И.А.Зимняя, З.Хутмахер, А.К.Маркова, В.И.Байденко, А.М.Новиков, В.Ландшеер), мы отметили концепцию И.А.Зимней, как наиболее широко отражающую все сферы деятельности личности. В ее концепции выделены следующие компетентности:

1. Компетентности, относящиеся к самому себе как к личности, субъекту жизнедеятельности;
2. Компетентности, относящиеся к взаимодействию человека с другими людьми;
3. Компетентности, относящиеся к деятельности человека, проявляющейся во всех ее типах и формах.

Стоит отметить, что общим звеном в этой классификации выступает социальная компетентность, как компонент, в той или иной степени присутствующий во всех компетентностях и являющийся наиболее важным в условиях современного мира, с учетом того, что человек как субъект общения и жизнедеятельности проявляется в системе отношений к обществу, другим людям, себе и труду⁸.

Различные исследователи в своих подходах к определению понятия «социальная компетентность» делают акцент на разных составляющих этой характеристики личности.

Учитывая важность социума и среды в формировании социальной компетентности, В.Слот и Х.Спанярд определяют социальную компетентность как состояние равновесия между требованиями, предъявляемыми к человеку в данный возрастной период со стороны общества, в котором он живет, и его возможностями⁹.

К числу так называемых социальных компетенций мы относим эго-компетенцию, психологическую и социально-психологическую, правовую, вербальную, коммуникативную, экономическую, профессиональную компетенции. В системе нравственных ценностей личности можно выделить толерантность, уважение и принятие «Другого», самоуважение и т.д. В качестве основных психологических характеристик особое внимание уделяется адаптивности, нацеленности на успех, креативности и др. Для успешного формирования социальной компетентности установки личности должны иметь подчеркнута гуманистическую направленность.

Данная структура в некоторой степени поднимает вопрос о глубинных причинах проблемы формирования социальной компетентности, коренящихся в изначально неправильно сформированных установках и жизненных ориентациях¹⁰. Ее можно рассматривать как социальный заказ.

Е.В.Прямякова отмечает, что не только разработчики концепции стандарта, но и непосредственные участники образовательного процесса — ученики, их родители, учителя должны быть заинтересованы в усилении практического аспекта образования. В связи с этим возникают вопросы: способна ли школа выполнить такой социальный заказ? Признается ли развитие социальной компетентности в качестве важной и актуальной задачи самими участниками учебного процесса?¹¹

Рассуждая о сущности обществоведческого образования, учителя фактически ставят знак равенства между социальной компетентностью и социальной адаптацией, зачастую считается, что достаточно того, чтобы ребенок знал необходимый, достаточный минимум каких-то знаний, мог адаптироваться в этом обществе.

Согласно требованиям нового учебного стандарта, наиболее реальной, достижимой целью школьного образования является развитие способностей ребенка к дальнейшему обучению. Формирование же социальной компетентности некоторые педагоги относят к так называемым малодостижимым целям. Социальная компетентность — сложное образование, она включает в себя не только много знаний, умений, но и способность применять их в самых различных, порой проблемных, ситуациях.

Е.В.Прямикова выделяет две проблемы, из-за которых возможности школьного образования в развитии социальной компетентности реализуются не полностью.

Первая проблема, по мнению социолога, связана с пониманием социальной компетентности, ее смысловым насыщением. По мнению некоторых учителей, традиционное предметное обучение, подготовка к выбору профессии уже сами по себе способствуют развитию социальной компетентности. Акцент делается на «моральных принципах», на знаниях, прикладных умениях¹². Социальная компетентность рассматривается, таким образом, как результат предметного обучения, причем результат сопутствующий, прежде всего как реализация воспитательной цели урока. Действительно, воспитательным, влияющим на личность является любое взаимодействие «учитель-ученик». Данные отношения варьируются, зависят от степени доверия, формального или неформального авторитета учителя и многих других обстоятельств. Возможно, учитель даже не задумывается о том, какие выводы для себя сделает ученик из их совместного взаимодействия. Например, стремление педагога любой ценой получить хороший результат, незаслуженно высокие оценки работ учеников могут привести к развитию весьма неблагоприятных качеств личности (обман — дело выгодное, можно списать и получить хорошую оценку)¹³. И такое воздействие далеко не всегда осознается самими учителями.

Вторая проблема заключается в следующем: подготовка социально компетентной личности — это создание условий или получение конкретного результата. Школа выдает свидетельство об уровне компетентности или только помогает в ее развитии? На результат должна работать вся система школьного образования, а не отдельно взятые учителя, в нашем случае общественно-образовательный результат должен быть каким-то образом зафиксирован.

Ответственность учителя предполагает контроль за освоением предмета в виде итоговой аттестации, но тогда мы сталкиваемся с другой проблемой — что эффективнее: 1) обрисовать жизненную ситуацию и сказать, как при этом необходимо действовать или 2) научить школьника самому искать решение? Но на современном этапе школьного образования учителя поставлены в жесткие рамки, перед ними ставится цель получить результат и отчитаться за него!

Новая система образования требует смещение акцента на развитие способностей ребенка быть компетентным. Методисты неоднократно отмечали, что развитие социальной компетентности возможно на основе проблемного обучения. Следовательно, обретение социальной компетентности рассматривается как процесс, предполагающий высокий уровень активности самого ученика, а участие школы определяется как влияние на его способности и возможности.

Чаще используется проблемное обучение, предполагающее исследование тех или иных жизненных ситуаций, которое осуществляется в формате групповой работы учащихся, когда учитель выступает в роли советника. Практики развития социальной компетентности, которые уже есть в школьном образовании, необходимо поддерживать и развивать. Чтобы помочь учителям, нужны соответствующие программы предметов социально-гуманитарного цикла.

Например, в существующих программах по обществознанию доминирующим выступает обсуждение процессов, проблем в обществе в целом. Рассматриваются виды, сферы деятельности человека, но почти не говорится о самом человеке, его жизненных ситуациях, в том числе о проблеме выбора. Помимо новых программ школьных курсов, необходимо периодически проводить курсы повышения квалификации, переквалификации для учителей. Так, обществознание в школе сегодня нередко преподают историки, но они не всегда владеют знаниями концепций современного общества. Крайне необходимы разработки социально-педагогического мониторинга, позволяющего отслеживать и контролировать развитие социально-критического мышления учеников, развитие их компетентности.

Таким образом, формируя социальные компетенции, школа готовит личность к выполнению социальных ролей — осуществляя функцию посредничества между личностью и обществом, объединяя индивидуальные проявления и социальные нормы. Однако, на пути овладения школьником социальными компетенциями возникает ряд трудностей, разрешение которых не может ограничиться взаимодействием «учитель-ученик».

Примечания

- ¹ Педагогическое образование в университете: контекстно-биографический подход / Под ред. А.Л.Гаврикова, М.Н.Певзнера. Великий Новгород, 2001. С. 110.
- ² Фрумин И.Д. Компетентностный подход как естественный этап обновления содержания образования. URL: http://old.ippd.ru/bibl/pedagog_razvitie/p10_k005.doc
- ³ Прямикова Е.В. Социальная компетентность школьников: смыслы и практики // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 126.
- ⁴ Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. Социальная компетентность взросления. Екатеринбург, 2005.
- ⁵ Шаронова С.А. Компетентностный подход и стандарты в образовании (сравнительный анализ стран ЕС и России) // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 141.
- ⁶ Фрумин И.Д. Компетентностный подход как естественный этап обновления содержания образования.
- ⁷ Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. URL: http://rc.edu.ru/rc/bologna/works/zimnaya_1_sod.pdf
- ⁸ Там же. С. 21.
- ⁹ Цветков В.В. Формирование социальной компетентности сельских школьников: Дис. ... канд. пед. наук. Великий Новгород, 2002. С. 22—23.
- ¹⁰ Стандарт общего образования: концепция государственных стандартов общего образования. М., 2006.
- ¹¹ Прямикова Е.В. Социальная компетентность школьников: смыслы и практики. С. 127.
- ¹² Там же. С. 131.
- ¹³ Латова Н.В., Латов Ю.В. Обман в учебном процессе (Опыт шпаргалкологии) // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 31—46.

Глава 5

О ТЕОРИИ АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Переход к образовательным стандартам по-новому ставит проблему активизации познавательной деятельности учащихся. Результаты собственной исследовательской деятельности учащихся, познавательный интерес к учебным предметам становятся приоритетными целями учебного процесса. Этот вывод опирается на ряд положений, отраженных в ФГОС третьего поколения. Во-первых, ученик не должен получать знания в готовом виде, так как более устойчивыми для запоминания являются те знания, которые добыты самостоятельно. Но если вдуматься в суть нового стандарта, то мы основную цель получения общего образования современными школьниками определим как овладение методикой получения знаний (т.е. учитель должен научить ребенка учиться, самостоятельно повышать свой образовательный уровень). Для достижения этих целей необходима устойчивая мотивация, сформированная в определенных условиях и под воздействием свойств личности самого обучающегося. Степень мотивации, в свою очередь, зависит от познавательной активности, которая вызвана интересом к процессу обучения. Стоит отметить, что интерес не созерцателен, а продуктивен, т.е. связан не только с изучаемым предметом, но и с деятельностью обучающегося. Продуктом познавательной деятельности должны стать глубокие знания по предмету, следовательно, обучающийся должен быть заинтересован в процессе познания. Основной задачей учителя становится создание определенных условий, способствующих формированию устойчивого интереса к предмету.

Проблемой формирования познавательного интереса, который, в свою очередь побуждает обучающегося к активной познавательной деятельности, занимались еще советские методисты. Так, вполне успешно данная задача решалась Г.И.Щукиной, выявившей причины колебаний познавательного интереса в зависимости от учебного предмета и возрастных особенностей школьников. В основу ее исследований легли выводы о том, что познавательный

интерес представляет собой частный вид интереса и подчиняется тем же общим законам формирования. Познавательный интерес в совершенном виде формулировался как «избирательная направленность личности, обращенная к области познания, к ее предметной стороне и самому процессу овладения знаниями»¹.

Обращаясь к проблеме активизации познавательной деятельности на уроках истории, следует отметить устойчивую тенденцию к ее понижению. В первую очередь это связано с потерей интереса к изучению истории, особенно это наблюдается в старших классах. Познавательную активность на уроках проявляют лишь те ученики, которые планируют сдавать Единый государственный экзамен по предмету, основная же масса обучающихся способна усвоить программный материал лишь на репродуктивном уровне. Обнаруживается ряд тем, например, таких как история внутренней политики, социальная сфера общества, которые вызывают у обучающихся затруднения. При выявлении причин слабой познавательной активности на уроках, посвященных данным темам, выясняется, что данный материал не интерес с точки зрения школьников. Лишь немногие сюжеты способны активизировать познавательную активность, прежде всего это события военной, внешнеполитической истории, биографии известных людей. Здесь на формирование познавательного интереса оказывают влияние факторы эмоционального окрашивания исторических явлений.

Важнейшей стороной учебного процесса современная методика преподавания истории считает познавательную деятельность школьников. Таким образом, составной частью урока становится систематическая и разнообразная работа по формированию у обучающихся интереса к изучаемому материалу. Сама идея активизации познавательной активности не является новшеством, еще советский методист П.В.Гора отмечал, что в основу факторов, способствующих развитию интереса, должны быть положены содержание учебного материала и методическая организация учебного материала.

При отборе фактического материала, отмечал ученый, важно включать в канву исторических событий, явлений и процессов не только те факты, которые с исторической точки зрения помогают представить и осмыслить ход истории, но и такие, которые, не представляя исторической ценности, необходимы в методическом

плане для решения задач воспитания. Они, вместе с теоретическим осмыслением главных исторических фактов, способствуют воспитанию школьников, и в том числе вызывают интерес к изучению истории².

На это направление указывают и авторы современных методических пособий. «Чтобы поддерживать на уроке интерес к новой теме, к менее интересному, но нужному материалу, можно подключить более интересный или тот, который ранее оставил у учеников глубокий след».

Как правило, подчеркивают авторы, на уроках осуществляется изучение и усвоение главных исторических фактов. Вместе с тем для поддержания интереса следует привлекать и менее важные факты, биографические сведения и т.д. Таким образом, в пособиях последних лет, предназначенных для теоретического осмысления современных методических проблем и практического руководства учителям, появилась специальная тема: «Развитие у учащихся интереса к изучению истории». Авторы называют 3 основных фактора, влияющих на интерес: а) содержание исторического материала; б) методы, приемы и средства его подачи; в) межличностные отношения учителя и учащихся. Специфичным для учителей истории в этом вопросе будет отбор содержания. Учитель обычно учитывает характер материала — фактический, теоретический, историко-биографический, краеведческий; его организацию — соотношение теории и фактов, главных и второстепенных фактов, выделение идеи, доказательность³.

Отмечая важные шаги в разработке данной проблемы, проделанные методистами-историками в последние годы, необходимо подчеркнуть, что эти выводы содержатся в пособиях общего типа, которые не могут отразить все детали, аспекты этого вопроса. А между тем, на наш взгляд, он требует дальнейшего исследования. Прежде всего, необходимо определить характер, вид учебного материала, который вызывает устойчивый интерес школьников. Пока бесспорным «фаворитом» в этой области является биографический материал: подробные детали жизни, деятельности исторических личностей. На него указывают как ученые-методисты, так и школьные учителя. Пробелы и искажения, которые в этом плане имелись в прежних учебниках по истории и в методике изучения исторических личностей, в последнее десятилетие

успешно преодолеваются. Расширяется «перечень» исторических имен, полнота биографических сведений, более взвешенными становятся оценки, характеристики и т.д. Многочисленные публикации политических портретов, жизнеописания исторических деятелей разных эпох и народов позволяют разнообразить учебный материал, который, естественно, вызывает неподдельный интерес у учащихся.

Известно, что выдающиеся личности, сотни имен которых содержат страницы учебников, можно в методическом плане разделить на три группы. К первой относятся те, которые рассматриваются с достаточной полнотой: описание внешнего облика, облегчающееся наличием портрета; этапы жизненного пути; факторы и условия, которые определили выбор жизненного пути, направление деятельности героя и позволили достичь ее вершин. Ко второй группе относятся такие деятели, которые рассматриваются в русле основного поля его деятельности. Третью группу составляют личности, имена которых лишь упоминаются вместе с их должностью, положением, званием и т.д. В школьных курсах истории большинство исторических деятелей изучается с позиций 2-й и 3-й групп. И лишь несколько десятков героев, действовавших на сцене истории, рассматриваются с достаточной полнотой. Так, в новейшей истории зарубежных стран старшекласники запомнят лишь имена Ф.Рузвельта и М.Тэтчер. Тщетными будут их попытки получить из учебника интересные сведения из жизни и деятельности К.Аденауэра, У.Черчилля, Ш. де Голля, Мао Цзэдуна, Хо Ши Мина, Д.Неру и др. (Следует отметить, что в учебниках по новой и новейшей истории последних двух лет этот недостаток постепенно преодолевается).

При рассмотрении персоналий первого плана необходимо включать интересные подробности, детали, которые относятся к их биографиям, особенностям характера, перипетиям их жизненного пути, сферам деятельности и т.д. Для исторической личности второго плана необходимо запастись дополнительными сведениями из той области деятельности, в которой он преуспел. И даже имя, которое кратко упоминается, необходимо расширить эпитетами, краткими характеристиками и оценками. Иногда достаточно нескольких предложений, чтобы «оживить» личность, сделать ее более запоминающейся.

В последние годы более пристальное внимание обращается на реконструирование повседневной жизни людей, воссоздание картин их жизни, внешнего облика, занятий, быта. Все те, которые раньше упоминались как народные массы, играющие решающую роль лишь на крупных поворотах истории, предстали на страницах учебников, принесли с собой живые звуки и создали ощущение далеких времен. Обитатели городских улиц, безымянные крестьяне, ремесленники, торговцы, нищенствующие монахи, богачи-сеньоры, удачливые полководцы, величайшие философы, бесшабашные школяры и многие другие «живые типы» изучаемой эпохи значительно интереснее просто класса «угнетенных» или «угнетателей»⁴. При этом необходимо отметить, что нельзя «погрузить» школьников в историческое прошлое лишь с помощью одних примет времени, внешних черт и атрибутов. Сформировать у них сущностно-конкретное знание об эпохе можно, лишь показав внутренний мир людей, их чувства, взгляды, устремления, ценности.

Но учебный материал, который должен быть усвоен учениками, не ограничивается биографиями выдающихся личностей, очерками повседневности, традиционно интересными для изучения. Большое место занимают сюжеты, на основе которых идет процесс формирования сложных теоретических положений: понятий, выводов, идей. Кроме очевидного факта, что этот материал абстрактен, сух, снижению интереса к его изучению способствуют недочеты и даже ошибки в методике его преподнесения. Нередко работа по формированию сложных понятий ведется только на теоретическом уровне: выясняются существенные черты события, явления или процесса, определяются признаки понятия, раскрываются причины, ход, значение, последствия исторического феномена. При этом игнорируется эмпирический уровень — воссоздание чувственно-наглядных представлений и типичных образов изучаемого. Именно конкретизация исторического материала помогает созданию у школьников ярких представлений, эмоционально воздействует на них, оживляет материал, повышает интерес к изучению исторической действительности.

Конкретизация понятия не только повышает интерес к одному из вопросов новой темы, но и позволяет учителю организовать познавательную деятельность учащихся, направленную на выяснение

признаков понятия (например, причин распространения этого вида мануфактуры) и т.д. Это важное требование — постоянная опора на конкретные представления и типичные образы — выдвинуто уже давно. Однако в течение многих десятилетий в такой важной проблеме, как формирование понятий, был сделан крен в сторону определения законов и закономерностей, что привело если не к игнорированию, то забвению этого условия.

Еще один вид учебного материала вызывает повышение интереса к его изучению — краеведческий. Привлечение краеведческого материала помогает конкретизации исторических фактов, созданию ярких, запоминающихся исторических представлений. Его введение на уроке создает своеобразную психологическую ситуацию, характеризующуюся «живым ощущением» эпохи. Оно приближает историческое прошлое к сознанию школьников, как бы превращая книжные сведения в события реальной жизни, внося в учебный процесс элемент живого созерцания. Знакомые с детства названия, имена мобилизуют привычные представления, внимание, интерес через близкое к далекому⁵.

Мы обозначили лишь некоторые сюжеты, некоторые виды учебного материала, вызывающие стойкий интерес у школьников. Несомненно, эти рекомендации нуждаются в более детальном и тщательном исследовании учеными-методистами, результаты которого позволяют обосновать его отбор, расширить содержание учебного материала. При этом целью такого отбора будет являться не только воспитание у школьников стойкого, длительного интереса к изучению истории, но и расширение образовательного аспекта школьной истории.

Методическая организация процесса обучения, способствующая формированию устойчивого интереса к изучению прошлого, достаточно полно раскрыта в трудах педагогов, методистов, учителей-практиков. Правда, выделенные средства, методы и приемы относятся к разным сторонам и проблемам процесса обучения: развитию исторического мышления школьников, проблемному обучению, организации их познавательной деятельности, реализации воспитательного потенциала уроков истории и т.п.

В качестве эффективных средств и приемов называются яркая, эмоциональная форма изложения, использование приемов персонализации (рассказ от первого лица, реального или вымышленного),

драматизации. Интересны новые аспекты подачи материалов, неожиданные сравнения, альтернативные оценки, характеристики. Сопоставление фактов вовлекает школьников в процесс познания, вызывает вопросы, подталкивает к поиску ответов на них. В зависимости от возраста используются такие задания, как составление диалогов, подготовка афиш, составление и разгадывание кроссвордов, расшифровка смысла старинных и иностранных слов, исторические путешествия, ролевые сценки. Вообще, использование игровых приемов подачи материала значительно повышает внимание и интерес учеников к изучаемому предмету.

Все вышесказанное подтверждает мысль о том, что важнейшими факторами, влияющими на развитие интереса учащихся к изучению истории, являются содержание учебного материала и методическая организация учебного процесса. Однако, соглашаясь с этим утверждением, считаем нужным отметить следующее. Учет и реализация этих факторов будут действенными лишь в том случае, если учитель, продумывая цели урока (образовательные, воспитательные и развивающие), будет выделять в качестве специальной цель развития интереса к изучению истории. Такую цель можно ставить ко всей теме в целом, конкретизируя ее к каждому отдельному уроку. Руководствуясь поставленной задачей, педагог будет отбирать нужный учебный материал, который поможет поддерживать, развивать интерес к изучению прошлого, определять формы, средства и приемы его изучения. На этот фактор еще в 1984 г. указывал Н.Г.Дайри⁶.

Таким образом, к факторам, оказывающим влияние на познавательный интерес, относятся: а) постановка специальной цели воспитания интереса к изучению истории, б) содержание исторического материала, в) методы, приемы и средства его подачи.

Педагоги указывают на то, что следует применять стимулы, учитывающие интерес учащихся, среди них положительная оценка знаний, учебная перспектива, практическая значимость, актуальность, одобрение деятельности учащихся, настрой на положительный результат, общественное положительное мнение коллектива. Учителю необходимо постоянно анализировать результаты своей деятельности, определять у школьников степень интереса к изучению истории, знать причины его снижения или отсутствия. Среди них сложность учебного материала, трудность его понимания,

бедность учебного содержания, затеоретизированность в его подаче, непонимание смысла изучения истории, формальность в мотивации учения; отсутствие специальной цели, направленной на воспитание интереса к предмету, однообразии видов деятельности учащихся на уроке.

Таким образом, в методике обучения истории должна быть создана система работы по формированию познавательного интереса учащихся к предмету. Основной целью такой работы должно стать не только возбуждение и поддержание этого интереса, но и его развитие. Важнейшими условиями такой системы должны стать постановка специальной цели урока, учет особенностей содержания исторического материала, использование адекватных средств, методов и приемов его изучения, активная познавательная деятельность школьников; диагностирование у учащихся уровня интереса к предмету.

Примечания

¹ Щукина Г.И. Педагогические проблемы формирования познавательных интересов учащихся. М., 1988.

² Гора П.В. Повышение эффективности обучения истории в средней школе. М., 1988. С. 27.

³ Короткова М.В., Студеникин М.Т. Методика обучения истории в схемах, таблицах, описаниях. М., 1999. С. 57—58.

⁴ Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю., Уколова В.И. История для завтрашнего дня. М., 1999. С. 47.

⁵ Вагин А.А. Методика обучения истории в школе. М., 1972. С. 298.

⁶ Дайри Н.Г. Главное усвоить на уроке. М., 1984. С. 9—10.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Л.В. — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Глумная М.Н. — кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой общественных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Вологодский филиал).

Деятова Е.Ю. — преподаватель кафедры истории России, студентка 1 курса магистратуры кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Деятов В.Я. — кандидат культурологи, учитель истории и общественного воспитания МОСШ № 23 г.Нижневартовска, студент 1 курса магистратуры кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Игнатова Н.М. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (г.Сыктывкар).

Кравченко Ю.Ю. — бакалавр социально-экономического образования, студентка 1 курса магистратуры кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Маркина Е.А. — бакалавр социально-экономического образования, студентка 2 курса магистратуры кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Михалев Н.А. — кандидат исторических наук, ученый секретарь ИИиА УрО РАН (г.Екатеринбург).

Мошкин В.В. — кандидат исторических наук, учитель истории средней школы п. Зайцева Речка Нижневартковского района.

Салимова Н.С. — кандидат исторических наук, преподаватель Нижневартковского социально-гуманитарного колледжа.

Солодкин Я.Г. — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Цысь О.П. — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Яроцкий П.А. — педагог дополнительного образования МОСШ № 14 г.Нижневартовска, бакалавр социально-экономического образования, студент 1 курса магистратуры кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел 1. ЮГОРСКАЯ ЗЕМЛЯ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

- Глава 1.* «Ермаковы казаки» и первые русские служилые люди в Югорской земле (К спорам о начале российской колонизации Северо-Западной Сибири)..... 5
- Глава 2.* Администраторы Березова и Сургута в Смутное время 12
- Глава 3.* История Сургутской православной миссии в 1867—1898 гг. 19

Раздел 2. ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ ОКРУГ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

- Глава 1.* Советская историография государственной политики по просвещению населения севера Западной Сибири в предвоенное десятилетие..... 39
- Глава 2.* Роль труда крестьян-спецпереселенцев в становлении и развитии общественного хозяйства Остяко-Вогульского национального округа в 1930—1933 гг. 46
- Глава 3.* Машинно-тракторные станции Ханты-Мансийского национального округа в годы Великой Отечественной войны 89
- Глава 4.* Заготовки сельхозпродукции в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны 110

Раздел 3. ЮГРА И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ

- Глава 1.* Первая всеобщая перепись населения 1897 г. на Ямале: организация, проведение, основные итоги 135
- Глава 2.* Операция перевоза Романовых из Тобольска в Екатеринбург 150
- Глава 3.* Этапы развития системы управления колхозами на Европейском Севере России в 1930-е гг. 167
- Глава 4.* Принудительный труд спецпереселенцев в северных регионах в 1930—50-е гг. (на материалах Республики Коми) 187

Раздел 4. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЮГРЕ

<i>Глава 1.</i> О проблеме формирования инновационного потенциала школьников и студентов: требования эпохи и особенности российской действительности	209
<i>Глава 2.</i> Понятия «курсы по выбору» и «элективные курсы». Виды и требования	218
<i>Глава 3.</i> Отражение понятия «учебно-исследовательская деятельность школьников» в современной научно-методической литературе	230
<i>Глава 4.</i> Основные тенденции изучения проблемы формирования социальной компетентности школьников	237
<i>Глава 5.</i> О теории активизации познавательной деятельности.....	245
Сведения об авторах.....	253

Научное издание

ПЯТЬ СТОЛЕТИЙ ЮГРЫ

ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Коллективная монография

Часть II

В оформлении обложки использована
фоторабота Сергея Романенко

Редактор *Т.А.Фридман*
Художник обложки *К.В.Латыпова*
Компьютерная верстка *Е.С.Борзова*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 19.09.2012
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 16
Тираж 300 экз. Заказ 1295

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартковского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*